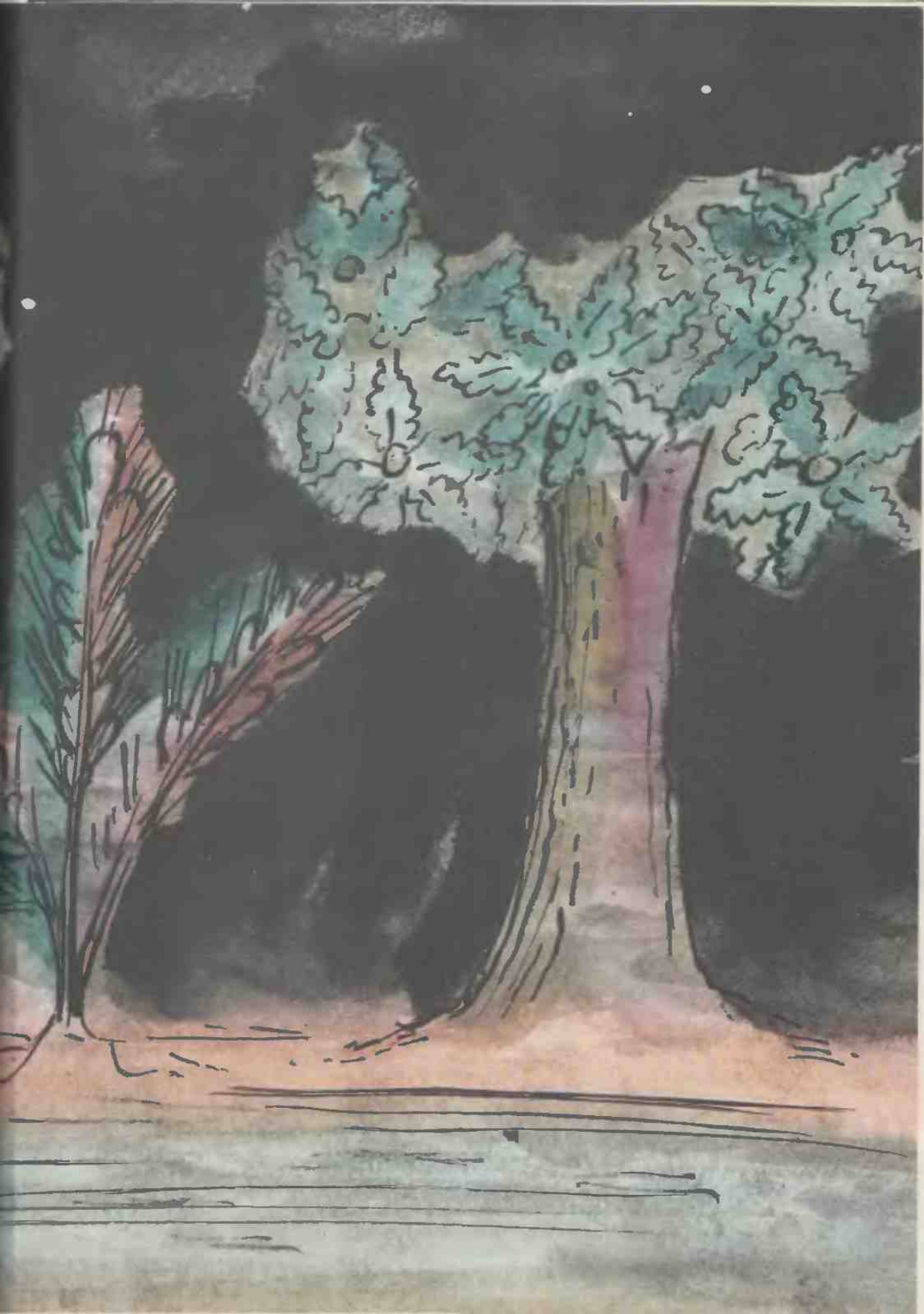

В. Ковичев

ТАЙНА ПЯТОГО ЯБЛОКА

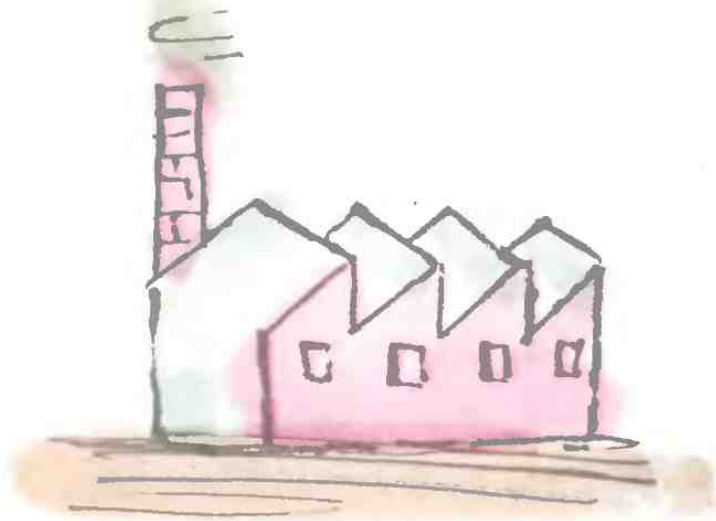

В. Ковачев

ТАЙНА ПЯТОГО ЯБЛОКА

Рассказы об экономике
с объяснениями,
приключениями и словарем

32 с.
К 56

Рецензент —
доктор экономических наук,
заслуженный деятель науки РСФСР
профессор
Ю. ЛАВРИКОВ

Научный редактор —
кандидат экономических наук
Г. КЛИМЕНТОВ

Рисунки и оформление
М. МАГАРИЛЛА
и
В. БОГОРАДА

К 4803010102—184 56—88
М101(03)—88

ISBN 5—08—000079—1

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1988

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО КНИГЕ

ОБЪЯСНЕНИЯ

Вовсе не обязательно все на свете знать. Да и невозможно. Но некоторые вещи знать надо. Например, правила хорошего тона. Или правила грамматики. Основные законы природы, главные исторические события... Только начни перечислять...

И тут еще я со своей экономикой.

Она-то что такое?

Что действительно знать необходимо, тому в школе учат. А не учат, — значит, можно обойтись.

Но — уже не обходишься. Ни в школе, ни дома.

Собственно, «экономика» в переводе с греческого — искусство ведения дома, домашнего хозяйства. Таково первоначальное значение этого слова.

Ты, правда, домашним хозяйством особо еще не занимаешься. А экономикой — уже.

Потому что экономика сегодня — наука о хозяйствовании и хозяйстве страны, отрасли, предприятия, ну и семьи, конечно.

Так что занимаешься домашним хозяйством или нет —

к экономике отношение имеешь, даже влияешь на нее. Уже тем, что живешь, тем, как живешь, и еще больше тем, каким станешь, как будешь участвовать в экономике своей страны.

Экономика — это отношения людей по поводу вещей, и здесь ты уже не новичок.

Не стану заострять внимание на твоих отношениях с мамой по поводу требований купить новый магнитофон, модные брюки или туфли, на отношениях с приятелем, у которого это все есть, а у тебя нету.

Тут все понятно.

А вот менее очевидное. Знаешь ли ты, что появление и тем более распространение великих открытий, которые вы изучали в курсе физики (например, парового двигателя или электромагнитного), вызвано прежде всего причинами экономическими?

А географические открытия? Они совершались купцами, путешественниками, мореплавателями и авантюристами в поисках торговых путей.

Вся история цивилизованного мира может показаться цепью восстаний, революций, дворцовых переворотов и войн. Но они — сколь бы ни были героичны, кровопролитны и велики — не причина, а следствие глубинных исторических процессов.

Суть этих процессов раскрыли основоположники научного коммунизма, создатели новой политической экономии Карл Маркс и Фридрих Энгельс: «Конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании или вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена...». То есть — в экономике.

Вот в чем причина восстаний, войн, революций и Великой Октябрьской революции, с которой родилась наша страна. И тех революционных преобразований, которые предстоит произвести нам в ближайшие годы уже с твоим участием. Ты ведь знаешь: XXV II съезд КПСС поставил задачу ускорения развития страны.

Это потребует, как записано в Программе партии, «глубоких сдвигов прежде всего в решающей сфере человеческой деятельности — экономике».

Не рано ли говорить с тобой об этом? Самое время, потому что в годы крутого перелома в экономике страны именно тебе

включаться в общественное производство. К 2000 году я состарюсь, а ты только войдешь в силу. К 2000 году, к началу III тысячелетия, предстоит сделать столько, сколько было создано за все годы Советской власти. К этому времени вся надежда будет на тебя. Так что ты должен хорошо знать, как вести себя в решающей сфере человеческой деятельности.

Приключения

Все понятно: изучение экономики дело нужное. Но книгу-то я тебе предлагаю читать на досуге, а кому охота учиться после уроков?! Так что не учи ничего. А просто следи за приключениями героев. Некоторых из них художник здесь нарисовал, чтобы ты их мог сразу узнать, когда они будут появляться по ходу событий.

А какие события происходят в экономике? Производство, распределение, обмен, потребление...

А чтобы твое разочарование не приобрело угрожающего оттенка, тебе предстоит приятное знакомство с Николаем Экономовым. Он такой же, как ты, твой современник и ровесник. Это по воле автора ему досталась такая фамилия, и он ею ужасно недоволен. Уж куда бы лучше быть Космонавтовым или Мореходовым. Или, на худой конец, даже просто Казаковым или Сидоровым. А он, видите ли, — Экономов! Несправедливость в том, что Николай вовсе не какой-нибудь расчетливый педант или сканда, наоборот, он человек широкой натуры и даже не видит особой нужды в изучении скучной науки экономики. Но что теперь делать — в книгу Николай попал, и именно под такой несимпатичной фамилией. Причем поставлено условие: он останется Экономовым, пока не поймет основных экономических законов, вообще не поймет, что такое экономика. Поэтому выхода нет, ученик Николай Экономов стал любознательным, он всем живо интересуется, читает все, что автор ни напишет, и даже стремится подсказывать, демонстрируя свои возросшие познания.

А это — любимый герой Николая Экономова и в дальнейшем закадычный приятель — Нестареющий Мальчик. Почему я его так назвал, выяснится примерно на странице 22-й, в дополнении к путеводителю по книге. Туда заглядывать еще не время. Пока запомним, что именно с ним, Нестареющим Мальчиком, будут происходить основные приключения.

Неблагодарное занятие для автора — заранее рассказывать, что с кем произойдет, но я ведь взялся уже давать объяснения, так что объясню: Николай Экономов и Нестареющий Мальчик — основные действующие лица в нашем сюжете, но главные герои не они. Если б я писал просто повесть о приключениях двух мальчиков, мне бы специально оговаривать это не пришлось. Там все ясно: кто больше других в книге действует, тот и главней.

Но я пишу об экономике, и здесь все заранее определено без авторского своеволия.

Вот, например, Продукт. Какие у него действия? Да никаких. Он вообще неодушевленный. Но — один из главных героев нашей книги. Ради него затевается производство, с получением его начинается распределение, ради Продукта идет обмен. По поводу владения Продуктом сталкиваются в борьбе классы. Потребность в нем заставляет развивать производство, технический прогресс, думать, искать, изобретать, трудиться... убивать и грабить. Да, даже так.

Под Продуктом надо понимать вообще все, необходимое обществу для жизни: еду, платье, машины, — все, что, появляясь в результате деятельности людей, служит удовлетворению их материальных потребностей, поэтому он — герой условный.

Ну а самый главный герой? Конечно, тот кто все производит, — Ното *faciens*, человек производящий. А рядом — Собственник.

Художник всех наших героев вместе нарисовал в начале Путеводителя. Вернись — рассмотри. Рассмотрел? Теперь оторвись от предисловия и начинай сразу читать с 10-й страницы. Во-первых, всегда приятно забежать вперед, а во-вторых, мы еще к этому месту вернемся.

Пока же поторопись на 13-ю страницу.

Вернулся? Теперь последнее —

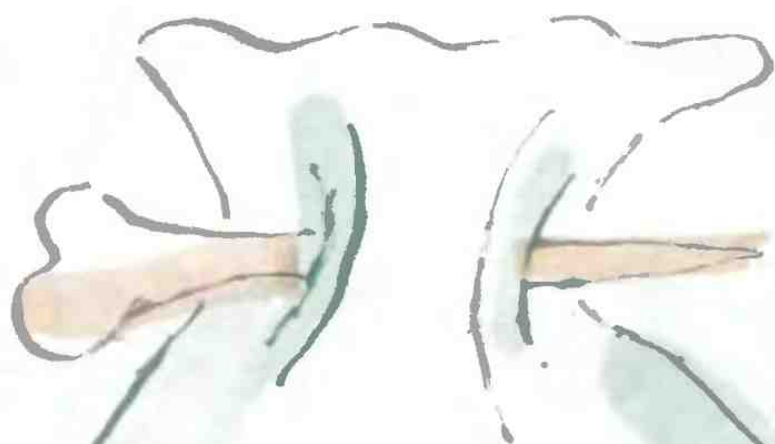
Словарь

Ты когда-нибудь пользовался словарем? Если есть незнакомое слово (а как же не быть, когда знакомство с наукой только начинается?), надо отыскать его в словаре — и все станет ясно.

Ну, в нашей книге не собственно словарь, а так —
Отдельные
Слова,
Требующие
Особого
Внимания.

А теперь прочти начальные буквы сверху вниз. Получилось:
ОСТОВ. Остов — это костяк, та основная часть какого-либо строения, к которой крепится все остальное. Так и наш **ОСТОВ** — понятия, без которых трудно будет распознать суть экономических явлений.

А теперь больше не отрывайся, читай подряд, потому что все правила нашей игры ты уже знаешь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ГЕРОЕВ

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
НОМО FACIENS

н жил на деревьях. Как птицы. Но крыльев у него не было — он был слабее птицы. Он жил на деревьях, потому что представлял собой слишком легкую добычу на земле. Он был слабее зверя.

Всех оделила мать-природа возможностями жить: до-

бывать пищу и защищаться от врагов. Всех, кроме него. У человека не было острых клыков, крепких когтей, медвежьей силы. Он не мог быстро убегать от преследователей, как лань. Ускользать, бесшумно подкрадываться и смертельно жалить, как змея. Питаться раз в несколько дней и быть при этом сытым, как любой хищник. Насыщаться немногим, как любой маленький зверек. Природа, словно в насмешку, дала ему большое тело, требующее много пищи ежедневно. Самым крупным животным — мамонтам, буйволам, носорогам — тоже требовалось много пищи. Но какой! Травы и листьев. Знай себе жуй хоть целый день — земля большая и зеленая. А ему годились только плоды деревьев и съедобные корни, которые следовало еще искать. Его детеныши росли медленно, проходило много лет, прежде чем они могли сами добывать еду.

Да что — у него не было даже теплой шкуры и перьев.

Еще остывала после рождения молодая планета Земля. И когда с макушки ее оползла холодная снеговая шапка, дочиста слизывая тяжелым языком ледника джунгли и саванны современной Европы, ему — голому, совершенно незащищенному не только от зверей, но и от холода, — осталась совершенно ничтожная территория для жизни — узкая полоска тропических лесов. Но и туда уже веяло холодом от огромных пространств студеных пустынь. По ночам и в какое-то дождливое время года, которое потом — уже его потомки — назовут зимой.

Вечно голодный, замерзающий, боящийся всего вокруг, он был обречен на вымирание, — этот пасынок природы, ее гадкий утенок, самое слабое и незащищенное существо на земле — Человек.

Приручение огня

Беги, человек, беги. Как он стремительно выскочил из кустов, твой злейший враг, ненасытный охотник — саблезубый тигр. Тебя предупредили об этом, шумно вспорхнув, птицы, сиганула в сторону тонконогая антилопа и припустила прочь от ручья. В ней больше мяса, но она бежит быстрее. И он решил погнаться за тобой. Беги, человек, беги. Ты слышишь, как тяжело колышется мягкая, нетоптаная земля под его мощными прыжками? Ты видишь: уже разверзлась его громадная пасть. Он уже настигает — беги, человек, беги...

Но бежать больше некуда. Прямо на пути — в нескольких прыжках человека и одном — тигра — горело, устрашающе рассыпая вокруг искры, поваленное молнией дерево.

Это огонь. Человек знал его. Он падает с неба и пожирает все вокруг. Огонь — самый страшный и могучий зверь.

Но, по крайней мере, он никогда не охотился специально на человека. Для него были все равны: деревья, муравьи, тигры и буйволы. Он пожирал всех подряд, не выбирая, не выбирая кого послабее, и, насытившись, останавливался, не преследовал. И тогда (человек уже несколько раз испытал это) он был даже милостив: сам спасал он неотступного врага человека — холода. Около него бывало так тепло.

И сейчас человек вспомнил именно такие минуты, когда огонь становился добрым, защищал. Ему не оставалось выбора. Сзади уже слыша-

лось зловонное дыханье хищника, впереди потрескивал сучьями утихающий, но неугасший огонь. Сзади была явная смерть, впереди — неясная опасность. И, преодолевая страх, человек бросился вперед, под защиту огня. А тигр остановился.

Человек стоял, заслоненный огнем, и видел, как мечется в бессильной ярости пристыженный враг, боясь ненароком ступить на поляну, куда сбегала от него верная добыча. Грозный хищник заскулил, как щенок, от обиды и отчаяния. сетуя лесу на вопиющую несправедливость. Он был жалок.

А человек, преисполненный благодарностью к огню, склонился к нему и взял уже привыкшей к первому орудию — палке — рукой недогоревший сук. Когда поднялся, рассыпались искры. Впервые человек обрадовался, что его тело не покрыто густым, теплым мехом — не так опасно опалить себя.

Он был щедро вознагражден: впервые увидел страх в глазах могучего врага. Еще ничто живое до той поры не смотрело на него со страхом. Может быть, тогда и проснулся в нем, вечно гонимом, охотник. Он вытянул вперед сук, на котором сидел его первый союзник — огонь, и пошел на тигра...

Эту ночь человек впервые спал на земле. Огонь согревал его. А он подкармливал огонь свежими сучьями, чтобы тот не исчез, не ушел опять на небо. Огонь охранял его. По лесу разносился дым и запах дыма, отгоняя хищников в самое страшное время общей охоты, предупреждая, что надо обходить это место, занятое логовом человека, за которого сам огонь.

В эту ночь, в этот век, в это тысячелетие или несколько тысячелетий, когда он приручил огонь, человек воспрял: всепоглощающий страх перед природой уступил место надежде.

Обретение силы

Теперь, добыв для себя самое главное — жизнь, человек понял, что может добыть для себя все, чем обделила его природа.

Он присматривался. Палка, которой он ворошил сучья в костре, чтобы огню было легче их съесть, заострилась. Острой палкой легче выкапывать съедобные корни, расщепить раковину моллюска, панцирь краба.

Он стал лучше есть — моллюсков, крабов, раков, рыбу. Запеченные в огне корни и клубни казались просто вкусными, но они содержали крахмал, а рыба — жиры, фосфор. Словом, питательные вещества, необходимые для роста мозга. Человек становился умнее.

Заостренную палку он придумал использовать для охоты. Надо было выследить зверька, подстеречь и воткнуть в него деревянное копьё — тогда будет мясо на ужин, как у тигра или волка, — недаром они такие сильные и умные.

Он научился вытачивать себе из камня замену волчьих или тигриных клыков — каменный нож, скребок. А если этот острый камень приделать к деревянному копьё, оно становится таким грозным оружием, какого нет ни у кого из зверей. С этим копьём пошел человек на черного медведя. И победил, и стал добывать его в пищу.

Он научился метать короткое копьё — дротик, такого тоже не было ни у одного из зверей.

Он сделал себе орудие не хуже тигриной лапы — дубину, а потом топор — палку с привязанным к ней камнем. Для этого надо было лишь научиться завязывать узлы из бычьих жил. Всего-то каких-нибудь десять тысяч лет учебы.

Он присматривался. Он потирал ушибленное место, и оно становилось теплее, словно согретое у костра. Тысячу лет он думал об этом своим большим — уже больше, чем у всех животных, — мозгом и додумался тереть палку о палку над пучком сухой травы. Подолгу тер и наконец сумел вызвать этим трением огонь, а не дожидаться его с неба и не мерзнуть, когда ливень погасит костер.

Он почувствовал, что может стать самым сильным из всех окружающих его зверей. Хотя ему было по-прежнему труднее, чем им. Буйвол нагибал голову — и ел траву: она всегда под ногами. Мамонт вытягивал хобот — и срывал листья: они всегда под носом. Хищник выслеживал добычу, настигал — и валил наповал. Они брали все необходимое для жизни готовым. Он тоже пробовал жить так — и чуть не умер. Все, что помогало ему выжить в борьбе с холодом и голодом, он должен был делать сам: добывать огонь, скоблить шкуру, строить жилище, вытачивать нож, мастерить топор и копьё, придумать яму для ловли мамонта и вырыть ее. Для всего, что необходимо ему в жизни, он должен был затратить труд.

Способность к труду, необходимость в труде — вот что сделало самого слабого из земных существ самым сильным. Чем больше он мог сделать орудий труда, чем лучше он мог их сделать, тем сильнее он становился, тем лучше жил. Другого пути не было. С тех пор и навсегда.

ДОПОЛНЕНИЕ К ПУТЕВОДИТЕЛЮ ПО КНИГЕ

Homo sapiens — человек разумный — так называют полатыни нашего прямого предка. Но теперь-то ты понял, почему человек стал разумным? Потому что был он *Homo faciens* — человеком производящим. В борьбе за жизнь он обрел себя в труде. И до сих пор нас кормят результаты труда и развивает сам труд.

Вот почему главный герой этой книги — *Homo faciens* — человек производящий. В разные времена, эпохи у него будут разные занятия и общественное положение тоже разное. И мы будем называть его просто человеком, рабом, крепостным, ремесленником, рабочим... Ты и сам убедишься: как бы ни менялись одежды, суть остается прежней: во все времена, при всех обстоятельствах именно он, человек производящий, обеспечивает общество средствами к жизни.

Его роль в нашем рассказе тебе должна быть понятна: он представляет трудящийся класс.

А теперь вернись на 7-ю страницу, дочитай предисловие.

Трудно бегом взбежать на пятый этаж, трудно идти в школу, не выучив урока, трудно учителю в этом сознаться, трудно сидеть за учебниками, когда в соседней комнате включен телевизор. Но это все не труд.

Из курса физики ты знаешь: стоит поднять руку, зафутболить мяч, съехать с горы на санках, то есть затратить какую-то силу, чтобы переместить какую-то массу на какое-то расстояние, — значит, произведена работа. Но не труд.

Ну ладно, физика — наука слишком точная. Возьмем пример из совершенно неточной области — из мифологии. За оскорбление богов коринфский царь Сизиф получил такое наказание: изо дня в день он должен был катить на гору огромный камень, который, достигнув вершины, тут же скатывался обратно. Эта мѹка вошла в поговорку как сизифов труд. Но и это — не труд.

Летом на даче, бывает, до того скука одолеет, что заберешься в сарай и целый день гвозди в доски заколачиваешь, — пальцы в кровь собьешь, рука занемет от молотка. А все равно — не труд.

Дурак в сказке воду решетом таскал — представляешь, как натрудился? Не труд.

А на той же даче семечко в землю бросишь, чтобы из него огурец вырос, — уже труд. Досочку через лужу перекинешь, чтобы можно было переходить посуху, — труд. Урок выучишь, чтобы уж потом всю жизнь точно знать, чему равен квадрат гипотенузы, — труд.

В чем разница между трудом и не трудом? В этом самом «чтобы». Труд — это действие, совершаемое для чего-то, ради создания чего-то, с какой-то ясно осознанной целью. Исконная роль труда — удовлетворять потребности человека. Разница между трудом и не трудом не в количестве затраченных усилий, пролитого пота, а в направленности этих усилий на создание чего-то: огня, копья, жилья, пищи, машины. Словом — на полезный результат.

Общество

Сильный и в одиночку силен. Слабые — только вместе. Люди от своих предков — обезьян — унаследовали потребность жить вместе — стаями или стадами.

У людей тоже это была не привычка, а именно потребность. Если сначала она заключалась в том, чтобы всегда в спящем стаде оставался кто-то, кто мог бы дать сигнал остальным о приближении опасности, теперь основания для совместной жизни появились еще более существенные: совместный труд.

Главные занятия — земледелие и охота — требовали труда сообща. В одиночку не выкорчуете лес, не засеете поле, не загонишь оленя, яму-ловушку для мамонта не выраешь, не заманишь его туда, а заманив, не забьешь и потом тушу не вытащишь.

Всем находилась работа по силам. Пока мужчины делали орудия труда и ходили на охоту, женщины собирали плоды, съедобные злаки, зерно толкли (когда оно уже появилось), плели сосуды из прутьев, дети им помогали. А старухи огонь стерегли. Они готовили пищу.

Таким было первое разделение труда — на мужской и женский. Никто первобытное стадо этому не учил. Сами додумались. Жизнь заставляла. Ошибиться они не могли — стадо бы вымерло.

Голод. Вечная угроза голода заставляла людей с древнейших времен организовывать свое хозяйство безошибочно. И они в совершенстве освоили искусство ведения хозяйства. Доказательство этому — мы с вами. Если бы они тогда ошиблись, прервался бы род человеческий.

Искусство ведения домашнего хозяйства — а по-гречески «экономика» — есть главное человеческое искусство. Ибо оно — искусство жить.

Добыча

Для того люди и жили вместе, для того они и разделили совместный труд, чтобы была возможность полноценного труда каждого. Каждый член стада должен был трудиться. И этому тоже причина: постоянная угроза голода.

Человек, научившийся убивать себе на ужин любого зверя, отыскивать все новые и новые съедобные растения, только-только и мог, что спасти себя от голодной смерти. Не более.

Зверь не стремился к встрече с ним, дикие злаки давали малый урожай.

Вся жизнь человека проходила в беспрестанных поисках пищи, изготовлении орудий для добычи той же пищи, утвари для приготовления и хранения пищи.

Для этого требовался труд всех членов стада. Праздных в стаде не было, лишних, не нужных стаду для поисков пищи, не было.

Тот, кто становился лишним — по старческой немощи или увечью, — либо сам уходил умирать, как волк, в одиночку, либо его убива-

ли. О милосердии речи не было. В стаде, где нет лишней еды, не может быть лишнего рта. С точки зрения стада гораздо милосердней употребить в пищу того, кто не способствует общей добыче, а претендует на нее, чем оставить. А точки зрения отдельного человека в стаде нет. Ибо это — стадо.

Общий интерес руководил всеми. Взаимоотношения стада определяли отношения между всеми его членами. И все делили общую судьбу.

А то что было бы? Начало и конец рабочего дня не установлены, нет ни будней, ни выходных; о каникулах, отпусках никто слыхом не слыживал. На работу — сбор плодов или охоту — гонит только голод. Благо, чувство это постоянное.

Вот собираются мужчины оленя загнать. А один лохматый — ни в какую. Он еще не проголодался. Может, во время последней еды кусок пожирнее отхватил, может, по дороге к стойбищу корешок какой сытный нашел, и теперь у него в животе не урчит.

Палицы на плечи взвалили, копья взяли и топоры.

— Вставай, Лохматый, пора, — кричат ему от входа в пещеру. — Охоту проспидь!

— Да неохота мне, — отвечает Лохматый и плотнее заворачивается в теплую шкуру.

— Да ты что, Лохматый! Ты ж у нас лучший забойщик. Охоту сорвешь.

— А мне неохота.

«Ну и дела! — недоумевают мужчины. — Как же теперь? Неизвестный случай в нашей первобытной практике. С одной стороны, может, у него, действительно, в животе не урчит, а сытый голодному, конечно, не товарищ. С другой — и мы ведь не только для себя стараемся, а для всего общества. Дать ему палицей по маковке за наглость или не дать — вот в чем вопрос. Имеем ли мы такое моральное право?»

Так размышляют мужчины, и по своей первобытной привычке размышляют они неспешно — быстрее еще не умеют. Пока задумывались — солнце высоко взошло, время охоты упущено.

— Слушай, Лохматый, — осенило тут мужчин, — ты же все стадо

без еды сегодня оставил. С какой стати из-за твоей индивидуальной сытости общество голодать должно?..

Сами понимаете, время первобытное, нравы дикие. Этот первый, кто противопоставил свое желанье общему, недолго прожил.

И своя справедливость в том была.

Люди могли производить все необходимое для добывания пищи только сообща.

Это было так трудно и один человек мог так мало, что не оставалось другого выхода, кроме как участия каждого в общественном производстве. Каждого без исключения.

Только так могло избежать голода все стадо. Иначе производство не удалось бы наладить.

ОСТОВ. ПРОИЗВОДСТВО

В принципе, это слово тебе знакомо, и в разных сочетаниях: «производственная практика», «производственные успехи», «современное производство»...

Современное производство — завод, производящий станки и машины. Электростанция, производящая электроэнергию. Фабрика, производящая костюмы из тканей, произведенных другой фабрикой, с помощью станков, машин и электроэнергии. Колхоз, производящий зерно. Элеватор, производящий муку из этого зерна, и хлебокомбинат, производящий из этой муки хлеб.

Словом, все, что нам нужно для жизни, для труда, обеспечивающего нашу жизнь, результат производства. И в этом смысле никакой разницы между современным производством и первобытным нет. И одно, и другое направлены на то, чтобы создать продукты, необходимые для существования и развития общества.

Казалось бы, трудно сравнивать современное производство, оснащенное турбинами в миллион киловатт и компьютерами, с первобытным. Между тем и то и другое зиждется на трех «китах».

Первый — это **труд**. Тут все понятно: «Без труда не вытащишь и рыбки из пруда», не говоря уж о чем большем. Ко всему нужно приложить труд.

Второй «кит» — **предмет труда**: то, к чему человек прилагает свой труд. Если производство включает в себя рыбную ловлю, то предмет труда — озеро, где рыба водится; если изготовление копья — палка для древка и камень для наконечника.

Но при всем трудолюбии не добудешь медведя, например, голыми руками. Рыбку из пруда не вытащишь без невода или, на худой конец, без удочки. Не добыть руду голыми руками, не выплавить стали без мартеновской печи.

Нужны **средства труда**. Это как раз третий «кит».

Для металлурга — руда, а для машиностроителей — сталь — предметы труда. Как им произвести свой продукт, если горняк, скажем, не даст руды? Ему вроде легче: ему предмет труда (руды) дает сама природа. Надо только взять. Но опять же — не голыми руками. Нужен шагающий экскаватор. Или, на худой конец, хоть кирка, что ли. А еще, конечно, карьер,

какая-никакая дорога от карьера до металлургического комбината, машины или телеги для транспортировки добытого, крыша над головой — чтобы рабочим не мокнуть и руде не портиться, освещение — чтобы не прекращать работу, когда стемнеет.

Все это — средства труда. Главная их часть (я не случайно назвал их первыми) — орудия труда. Для горняка — прежде всего экскаватор или кирка. Словом, то, с помощью чего осуществляется непосредственное воздействие на предмет труда.

Если есть у горняка средства труда да еще и предмет труда, — значит, он обладает средствами производства. А тогда — отчего ж не дать руды? Можно дать.

Вопрос только: какой и сколько? Будет мало руды — металлург выплавит мало стали. Ее машиностроителю на шагающий экскаватор явно не хватит. Разве что на кирку. Но какой он тогда машиностроитель, если делает только кирки? Ремесленник.

Да и у горняка с киркой совсем не те силы, что с шагающим экскаватором. Опять руды будет мало — машиностроитель останется ремесленником, да и металлург тоже — с таким мизерным количеством руды зачем ему мартен или конвертор? Можно что попроще.

То есть везде, во всем обществе, прогресс будет идти медленнее, если вообще будет идти.

Потому что слишком малы производительные силы. С киркой, вагранкой, молотком и наковальней они одни; с мощной горнодобывающей техникой, современными конверторами, развитым машиностроением — другие.

То есть все зависит от орудий, средств труда? Многое, да не все.

Ну, дали горняку шагающий экскаватор, а он на нем работать не умеет. У машиностроителя стали — сколько хочешь, станки новейшие и просторный цех, а он как был, так и остался ремесленником. Никакого толку. Горняк подле экскаватора киркой в земле ковыряется, ремесленник вагранку раздувает, кирку кует. Производительные силы не растут.

Потому что они складываются не только из средств производства, но (и это в первую очередь) из людей, обладающих знаниями, опытом, навыками, которые позволяют привести имеющиеся средства производства в действие.

Теперь смотри, как всё и все друг от друга зависят. Одному не получить своего предмета труда без продукта труда другого, не усовершенствовать свои орудия и средства труда без участия другого, вообще, не стать другим без развития производительных сил у себя и у других. Имей ты хоть семь пядей во лбу, золотые руки — никакого толку.

Вот почему, включившись в процесс производства, люди — хотя бы они того или нет, стремятся к тому или не очень — вступают друг с другом в производственные отношения.

Чего ради горняк добывает руду, металлург выплавляет сталь, машиностроитель строит машины? Почему они обмениваются продуктами своего труда, заинтересованы или нет (бывает и такое) в развитии производительных сил общества? Почему они трудятся так, а не иначе, почему вообще трудятся, а не лежат на печи, поплеывая в потолок?

Потому что производство — основа существования общества, а коли есть производство — есть и производственные отношения между людьми, классами, определяющие жизнь и порядок жизни в обществе, где эти люди живут.

Это все понятно?

Любознательный ученик Николай Экономов перелистал только что написанные автором страницы, довольно хмыкнул и заторопился к выходу.

Зима была на дворе, малыши возились в снегу. Николай их тут же собрал и объявил: «Хватит дурака валять — будем играть в производство!» Детишки оторопели, но обрадовались. Деловитый Николай быстренько объяснил им правила игры. И малыши сразу поняли, какой умный попался им наставник. Оказывается, снег вовсе не снег, а предмет труда. А санки и лопатки — это средства производства. То есть все у них есть для того, чтобы играть в производство, а значит, через час должны произвести снежную крепость. И довольный собой, Экономов отправился домой. Он решил разогреть обед к маминому приходу. Но просто так включить газ — это же не труд! Николай приспособил две дощечки, стал добывать огонь трением — чтоб уж потрудиться.

В общем, когда пришла мама, обед разогрет не был, а Николай был весь в поту, хоть без огня. И тут же вспомнил про малышей. Выбежал во двор — никакой крепости. Малыши, каждый сам по себе, возят снежные комья на саночках. Почему ничего не получилось ни с трудом, ни с производством — непонятно!

РАССКАЗ ВТОРОЙ

САМЫЙ ПОСЛУШНЫЙ ПРОДУКТ

До пока в человеческой истории — утро. Первобытное производство. Производительные силы малы. Орудия труда элементарны. Предметы труда — природой данные. Просты и бесхитроутны производственные отношения. Однако они уже существуют.

...Вот мужчины возвращаются со счастливой охоты, тащат на плечах толстый шест, прогибающийся под тяжестью окровавленной туши оленя.

Еще горят глаза азартом недавней борьбы. Еще ноги дрожат от утомительной потони. Но легко на душе: все было не зря. Женщины подбрасывают валежник, чтобы пуще заиграл костер. Пляшут вокруг охотников подростки. Все радуются общей добыче, все предвкушают общий ужин.

Общая жизнь, общая судьба.

Дело сделано — добыча есть. Она есть у всех, но на всех одна. Надо бы разделить, и обязательно между всеми.

А как делить?

По справедливости! Да вряд ли на всех поровну. Это ведь трудно. Наверняка кто сильнее, тот съедает лучший кусок, кто послабее — то, что оставалось, а кто совсем слаб — тому объедки. Но каждому что-нибудь доставалось обязательно.

И это, действительно, было справедливо. Сильный тратил сил больше, он имел право на лучший кусок, чтобы хватило сил на завтрашнюю охоту. Этому учила природа. Так жили и хищники: лев ел мясо и оставлял шакалу требуху, но ведь это лев валил барана, и шакал не был в обиде — он тоже наедался.

Все дальше приходилось забираться в чащобу в поисках знаков и плодов. Все дальше убегала распуганная дичь, все искуснее пряталась, изучив повадки нового хищника — человека. От еды до еды время заполнялось поисками все той же еды. И все оставались равны, потому что все были нищи.

Необходимость в Продукте держала людей вместе. Их объединялось ровно столько, сколько необходимо было для его производства. Выходило: не меньше рода, не больше племени. Продукт все измерил и всех примирил.

А жить лучше хотелось. И человек мечтал...

Он мечтал о злаке, который растет рядом со стойбищем, растет тем гуще, чем больше народу в племени, чем больше хочется есть. Сорвешь его — и вырастет снова, добрый, послушный, пышный злак... Человек мечтал о вечном мясе, которое не надо отчаянно искать по лесам, выслеживать и гнать, убеждаясь, что олень бежит быстрее, а кабан, не сваленный первым копьём, — это смерть твоя. Вечное мясо в образе поклядистого зверя само идет к ужину в стойбище людей, склоняет покорную голову: «Убей меня!» — и на завтра появляется вновь...

Мечтал человек...

А поскольку, по первобытной своей простоте, он еще не научился хранить про себя пустые мечты, боясь быть осмеянным, то и не хранил — высказывал.

И какая-то старуха, стерегущая огонь и утомленная старостью, пела песню, чтобы занять себя чем-то за нудным толчением зерна, пела песню о вечном злаке и вечном мясе.

И какой-то мальчик, какой-то несмышлениш, который по хилости вырос медленнее сверстников, а потому постоянно ползал подле бабки и ничего, кроме песни ее дурацкой, знать не знал и слышать не слышал, так и вырос, бедняга, зараженный бабкиной мечтой.

Вот и возник в нашей книге *Нестареющий Мальчик*. Еще на 6-й странице я обещал сказать, почему мальчик нам нужен именно *нестареющий*. Да потому, что как же иначе ему пройти постоянным героем через всю книгу? Мы ведь будем путешествовать через века и тысячелетия, как сами захотим. А Мальчик этот — твой ровесник. Чуть вырастет — тебе с ним будет не так интересно. Значит, пусть он не вырастет, тем более не старится ни в первобытном строе, ни в глубоком средневековье, ни в нашем времени. Переходя из эпохи в эпоху, из класса в класс (объяснять не надо, что классы имеются в виду не школьные?), он будет испытывать на себе воздействие экономических законов и всегда живо их воспринимать.

А сейчас он — в самой древности. Мальчик как мальчик. Как все мальчики в первобытном обществе. Его не надо было приучать к труду, он включен в процесс общественного производства уже тем, что живет в этом обществе. Он растет человеком производящим...

Песня о мясе и злаке

И вот однажды отправился Мальчик копать сладкие корни. Ковырялся недалеко от стойбища один, потому что его родные и двоюродные братья были порезвее и забирались в чащобы подальше. И тут-то он наткнулся на одинокую буйволицу.

Надо было шмыгнуть в кусты, кликнуть старших с копьями — такая удача! Но он вспомнил бабкину песню. Как в песне о вечном мясе покладистый зверь сам шел к людям. Мальчику не хотелось спугнуть мечту. Он протянул буйволице сладкий корень, она сжевала и продолжала глядеть на мальчика благодарными глазами. Он скормил ей все добытое — благо в племени уже привыкли, что этот хиляк вечно возвращается с пустыми руками.

Мальчик стал ходить на поляну еще и еще. И буйволица привыкла, что здесь ее подкармливают сладкими корнями. А через год она появилась на поляне с телятком. А когда с ней пришло целое стадо, таиться уже не имело смысла.

Прибежали охотники, но опустили копья. Убивать сразу столько дичи не имело смысла — не съесть. И стадо прижилось у людей. Осуществилась мечта о вечном мясе — люди научились приручать животных.

Среди всех занятий, которые освоил до той поры человек, это приручение, а потом и разведение домашних животных оказалось самым надежным, самым верным делом.

Еды стало вдоволь. Дети в скотоводческих племенах росли быстрее.

Они были крепче и умнее, так как получали столь важную для детского организма молочную пищу. Скот давал не только мясо и молоко, но и шерсть, кожу. Развивались ткачество и выделка кож. Развилось и полеводство — люди стали выращивать корм скоту, а потом и себе.

Но это все подробности.

В чем преимущество скотовода перед охотником, рыбаком, сборщиком плодов? Они очевидны настолько, что и перечислять не стоит. Главное — скотоводство обеспечило неизмеримо более высокую производительность труда.

ОСЛОВ. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

Есть такой старинный анекдот. Шел человек в храм Афины. Шел издали и в первый раз. По дороге повстречал уже возвращавшегося старого паломника.

— Далеко ли до храма? — спрашивает путник.

А старик лишь недоуменно пожимает плечами и молчит.

Удивился путник: «Идет из храма, а не знает: далеко ли он». Однако делать нечего — пошел дальше. Но едва сделал несколько шагов, старик его окликнул:

— До храма два часа ходьбы.

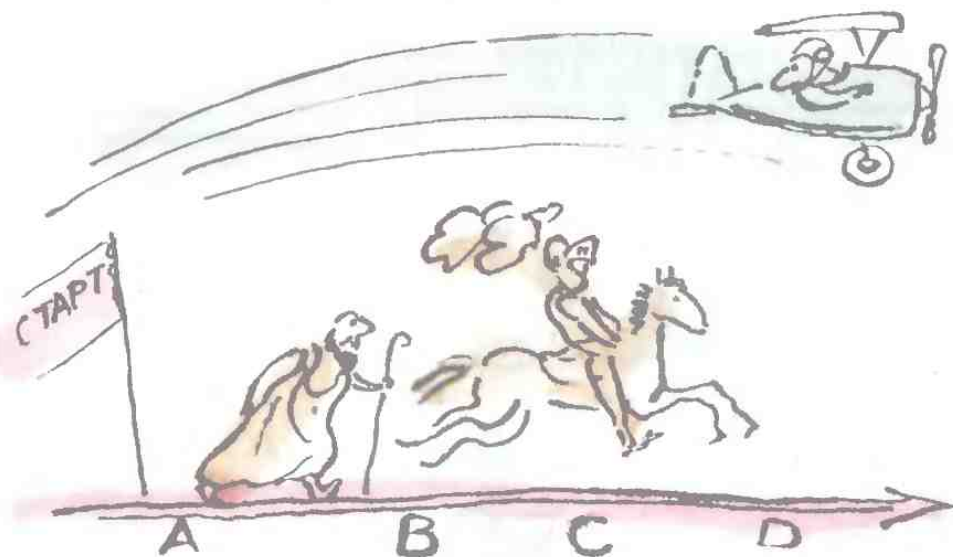
— Что же ты сразу не сказал? — возмутился путник.

— Я не знал, с какой скоростью ты будешь идти, — ответил старик...

И ведь правда: далек или близок путь к цели, зависит от того, насколько быстро ты к ней идешь.

Тут нам нужно вспомнить, что и труд — целенаправленное действие. Значит, можно изобразить трудовой процесс (чисто схематически, конечно)

как путь к какой-то заранее намеченной цели.

Вот пункт A — начало труда, а вот пункт D — сам Продукт — изделие, ради которого трудимся. Ну естественно, между ними точки B, C, C_1 — все как полагается. Эту школьную задачку мы знаем: чтобы достичь D , надо отправиться из A , пройти через B, C , — словом, одолеть все расстояние. Однако тот, кто одолевает его пешком, устает в дороге донельзя. Тот, кто скачет верхом на лошади, только запыхается. А тот, кто летит в самолете, не успеет и глазом моргнуть, как достигнет пункта-Продукта D . За то время, пока от точки до точки будет ковылять пешеход, он сможет сто раз обернуться туда и обратно и добудет не только Продукт D , но и D_1, D_2, \dots, D_{100} . А расстояние — для всех одно, и все одинаково нуждаются в этом D , ради которого отправились они из начальной точки.

Теперь представь: встретились все в конце маршрута.

«Пешеход» свое D за пазухой хранит, еще и руками придерживает — не дай бог потеряет.

«Всадник» — ничего, выложил D и потихоньку от него отщипывает, силы подкрепляет.

А тот, который с самолетом, он своими D хоть швыряться может, но швыряться не станет — не ради этого затевал трудовой процесс.

Прикинув, что да как, обращается он к «пешеходу»:

— Слушай, неужели тебе одного D -Продукта хватает?

— Что ты, — говорит «пешеход», — того и гляди, ноги протяну. Но второго уже не добыть — день-то на исходе.

— А тебе, «всадник»?

— Нет, конечно. Но я сегодня успею добыть еще одно D .

— А может, поступим по-другому? Я сейчас, «пешеход», дам тебе еще одно D из своих и тебе, «всадник», — два D . Но зато завтра вы день потратите не на то, чтобы себе D добывать, а помоете мне самолет и заправите его горючим и мои оставшиеся D постережете.

Так и словорились. И назавтра оба уже зависели от этого, с самолетом, поскольку сами себе они D , то есть Продукт, не добыли. И потому рассердить этого, с самолетом, боялись, спорить с ним — ни в коем случае...

Почему между этими тремя возникло такое неравенство? Да потому, что у всех у них разная производительность труда. У обладателя самолета она была в сто раз больше, чем у «пешехода», поскольку он тратил в сто раз меньше, чем «пешеход», времени на добычу одного Продукта за один день.

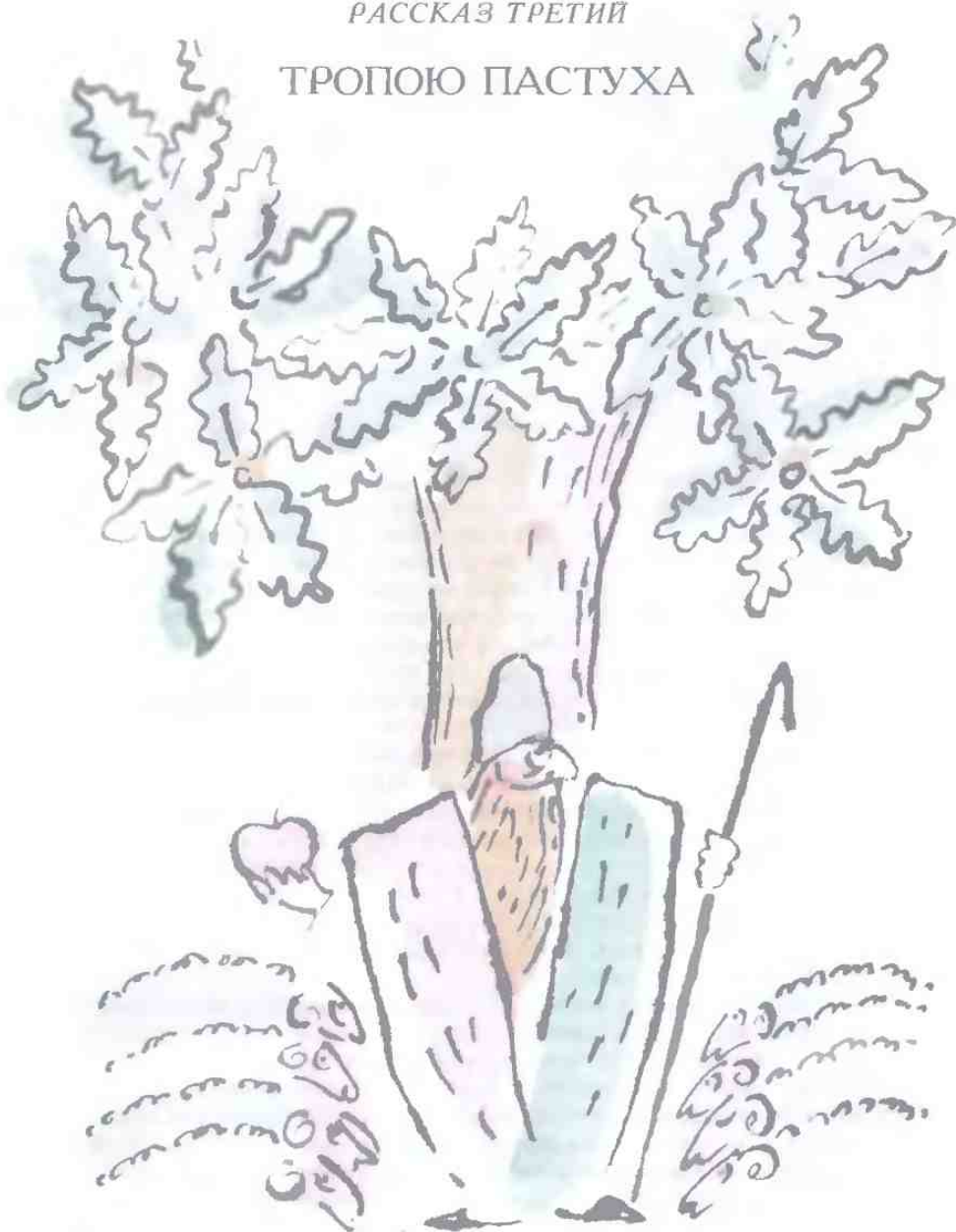
Именно так и измеряется производительность труда: либо количеством Продукта за единицу времени, либо количеством времени, необходимого для производства одного Продукта.

Составленная нами задачка показала (схематично, конечно) не только, как измеряется производительность труда, но и за счет чего она в первую очередь растет и какую роль этот рост играет в отношениях между людьми.

Высокая производительность труда позволяет добыть намного больше Продукта, чем необходимо для удовлетворения собственных потребностей. Это может быть великим благом для общества. А может — и источником имущественного неравенства.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ
ТРОПОЮ ПАСТУХА

Деление с остатком

а многие века самым обеспеченным и сильным человеком на земле стал пастух. Предмет его труда не прятался в зарослях, не бегал по лесам, а покорно шел следом. На сочных травах плодородных долин тучнели и множились стада —

увеличивались его средства производства. Мир менялся на глазах, робея с непривычки, человек познавал изобилие.

Это было не только великим достижением, но и великим испытанием.

Ведь производство — еще не вся экономика. Смысл его — в создании жизненных благ. А когда они созданы, начинается как раз то, ради чего все затевалось, — потребление.

Нет, конечно, труд и сам по себе — большое дело. Мы это уже проходили: труд создал человека. В труде человек умнел. В процессе производства обрел речь и приучался к общению. Но никогда, даже в самые темные времена, никто не работал ради собственно работы.

Человек всегда трудился, чтобы обеспечить себя всем необходимым для жизни. Развивался в процессе труда и получал возможность развивать производство, но тоже с единственной целью: получить в достатке Продукт для своего потребления.

Пастух первым добился этого сполна. И сразу же возникла проблема распределения добытого.

Раньше это не было проблемой. Ведь Продукт, произведенный всеми членами рода, всеми и потреблялся без остатка. Мужчины, женщины, старики, дети — все слои первобытного общества получали свою долю, как по яблоку с общего дерева. А больше ничего ни у кого не было. Никаких проблем! Теперь же другое дело. Это только на первый взгляд кажется, что разделить три яблока на четверых так же трудно, как пять. Пять яблок разделить труднее. Потому что пятое — лишнее и что с ним делать — не ясно.

Ну-ка сядем да порассуждаем над этим пятым яблоком — куда его деть?

Над его производством трудились все, значит, оно неделимо и принадлежит всем. Каждому, допустим, одного яблока вполне достаточно. То есть, конечно, можно съесть и второе — не лопнешь. Но для этого остальные трое должны согласиться, что у тебя вдвое больше прав на общий Продукт, чем у них. За какие ж такие заслуги? Может, тебе лично они и видны, но поди докажи. И доказывать не станешь — побоишься. Чего доброго, подеретесь. Их трое, ты один — и заикаться не стоит.

Прямо беда с этим пятым яблоком. Лучше б его не было совсем...

Ага! Это уже идея.

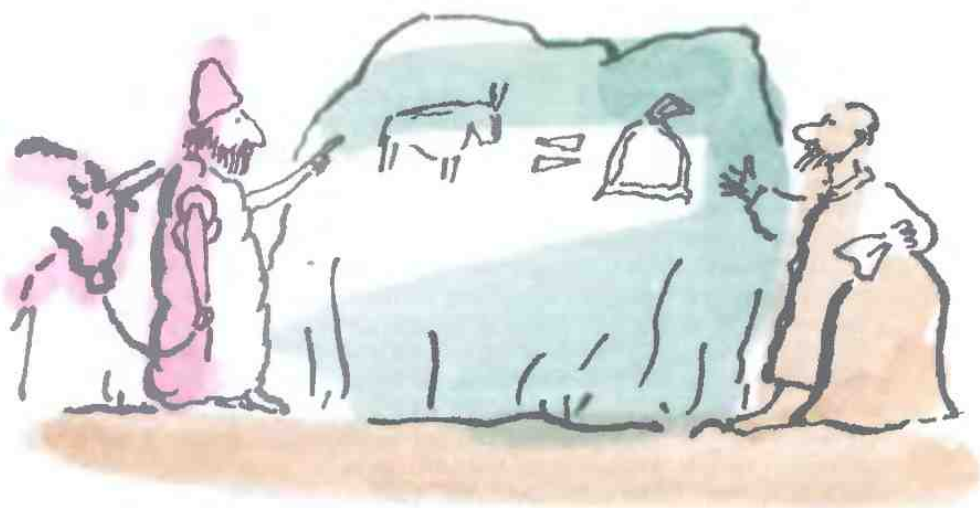
Надо избавиться от него — и дело с концом. Ну, не выбросить, конечно. В кои-то веки лишнее яблоко — и сразу выбрасывать? Не для того трудились. Куда ж его деть, если по справедливости?..

Если по справедливости и без убытку — сменить его надо. Скажем, на четыре сливы. Или — на черенок для новой яблони. Словом, избавиться от неделимого, лишнего яблока, получив за него то, что поступит в потребление либо каждого, либо всех. Но для этого надо, чтоб у кого-то другого, не у ваших, были лишние сливы или черенки яблони. Чтобы они это все производили и произвели много, а в вашем яблоке как раз нуждались, потому что своего не произвели. То есть должно быть разделение труда: одни производят одно, другие — другое...

Тогда пятое яблоко не помеха, а возможность более полного удовлетворения потребностей. Надо только использовать обмен.

Так, решая проблему распределения лишнего Продукта, мы пришли к необходимости обмена.

Примерно так же пришел к этому и пастух. Он — первый, потому что первым стал получать лишний Продукт. Это обязательное условие: регулярный обмен возможен только тогда, когда есть излишки и разделение труда. А когда есть регулярный обмен, есть и резон для расширения производства.

Дикий не понимал, для чего ему убивать еще одного оленя, когда уже есть туша на обед. А смывленный пастух знал, зачем ему лишняя телка: сменять можно — на зерно, например, выращенное соседним родом. Тогда в своем роду незачем зерно производить: все равно хлеб будет — было б только скота поболее.

Так возникло первое крупное разделение труда: на скотоводство и земледелие.

Да будет торг!

Двигался род нескончаемой дорогой кочевья, обживая еще мало населенную Землю, отыскивая невытопанные луга. И в пути наткнулся на распаханый луг, понимая — сначала с досадой, — что вошел в границу чужого рода, земледельческого. И если не возникало между ними войны, торг возникал обязательно. Если торговать было выгоднее, чем восвать.

Надо вступать в переговоры, искать нужные слова, надо знать, а на худой конец, тут же и выработать традиции общения с чужаками.

— Хотите мяса и шерсти? — предлагали скотоводы. — А еще у нас есть такой интересный продукт — козье молоко. Дети на нем здоровеют прямо на глазах.

И выталкивают вперед какого-то огольца-карапуза с бурдючком молока. Специально пытаются отнять у него бурдючок — тот в крик, намертво присосался. Любит, значит. Смотрят земледельцы на розовые щечки карапуза, всю его плотную фигурку — ишь какой крепыш! Вид-

но, и впрямь неплохой продукт придумали кочевники. А те уже подкапываются с предложением:

— Может, сменяем? Молока у нас хоть залейся, мяса вдоволь. Только вот с хлебом туговато. Давайте уж по-соседски — баш на баш, — коли судьба свела.

— А чего ж не сменяться? — соглашаются земледельцы. — У нас как раз уродило...

И пошел обмен. Однако обмен идет не только Продуктом, но и информацией. Изобретения одного рода перенимались другим тоже в результате участившихся встреч на границе двух родов для торга.

Подсмотрели земледельцы, что скотоводы хранят молоко и воду в бурдюках. А чего ж так зерно не хранить? На следующей встрече уже скотоводы смотрят: у земледельцев зерно не в сосудах, не в корзинах, а в искусственных бурдюках — мешках. Надо бы и нам так, — действительно, удобно. Ну, а уж когда кто-то у кого-то увидел металлические орудия — тут ни времени, ни сил не пожалеешь, чтобы узнать, как самим научиться добывать и плавить металл, делать из него копья, ножи и лемеха. Ведь куда быстрее, чем каменные делать.

С этим новшеством снова резко выросла производительность труда. Теперь уже не только в скотоводстве, но и в земледелии, ремесле... Значит, что? Значит, больше можно производить лишнего Продукта для обмена.

Лирическое отступление

Проще от этого не стало. Наоборот. Проще было, когда ничего не было. Тогда что? Корешок съедобный нашел — уже доволен. Оленя загал — вообще счастье. Каменный топор имешь — ты боец хоть куда.

Теперь другое. Теперь и вас в роду-племени больше. И запросы ваши иные. И вообще все ваше родовое хозяйство усложнилось.

Это сначала, когда вы только становились из охотников скотоводами, вам казалось: вот хорошо, отныне наше мясо с нами будет, бегать за ним не надо. Ну, так. В смысле мяса на ужин скот, конечно, надежнее дичи. Однако скот, в отличие от дичи, надо пасти. Из лесов пришлось уйти в степи: там пастбища просторнее. Вот почему вы стали кочевниками. Стали со своего скота получать не только мясо, шкуры, но и молоко, а потом — молочные продукты, шерсть.

Все это требует труда. Все это повышает и потребности. Вы уже научились меняться. Уже поняли, что мясо можно не только запивать молоком, но и заедать хлебом, — так вкуснее и сытнее.

Но разве вы нуждаетесь только в хлебе, а земледельцы — только в мясе и молоке? В этой усложнившейся жизни многое переменялось. Вот, скажем, орудия. Пока довольно было каменных топоров и наконечников стрел, каждое племя могло обеспечить себя этим само. Камни, они везде есть. А для выделки металлических изделий нужны особые камни. Поди их найти. Вам, к примеру, они по пути кочевья не попадались. И у земледельцев в их плодородной долине тоже рудоносных жил как раз нет. Так что меняйтесь вы друг с другом сколько угодно — ме-

талла не получите. Но кто ж теперь обходится без металлических орудий? Бронзовый век на дворе — век прогресса!

А люди, живущие у Большой Горы, в окрестностях своего стойбища руду нашли. У них теперь металл есть. Вот с кем надо меняться! И вам, и земледельцам: большегорцы владеют тем, что нужно всем.

Но вы — люди кочевые, мобильные — узнали об этом первыми. И теперь бросаете завистливые взгляды в сторону Большой Горы. Кое у кого уже мысль возникает: а не отнять ли у большегорцев их богатство? Дескать, у них есть, а нам надо. Оно, конечно, ваше скотоводческое племя более многочисленно (ведь еды у вас много). Но хуже вооружено: нет этих самых металлических орудий, из-за которых весь сыр-бор. Так что не до конца ясно: справедливая будет война или нет? Моральные устои еще не слишком высоки, и справедливой считается та война, что принесет пользу своему племени, а несправедливой — которая вред. О справедливости по отношению к чужакам речи нет и быть не может.

И вы посылаете к Большой Горе разведчиков. Они возвращаются с благими вестями.

— Эти большегорцы, — посмеиваясь, докладывают разведчики старейшинам, — еще охотники. Едят раз в день, да и то скудно. Нищета, голытьба, даром, что вооружены хорошо. Миром с ними надо. За одного вола душу продадут, не то что несъедобными медяшками поделятся...

О пользе лишнего

И для очередного торга двинулось племя скотоводов не к знакомым уже земледельцам, а в сторону Большой Горы.

Всегда в опасном пути кочевья окружали племя воины, готовые отразить врагов. Но сейчас старейшины велели воинам спрятаться в глубь колонны: незачем было пугать большегорцев, следовало продемонстрировать мирные намерения. Понятно же, что еще на подходе к подножию Большой Горы невидимые глаза охотников будут сопровождать пришельцев, а вокруг стойбища уже свалены деревья на тропах, и мужчины занимают оборону.

И когда первый заградительный отряд большегорцев, грозно оцетинившись копьями, встал на пути, скотоводы послали ему навстречу группу безоружных стариков и мальчишек. Они гнали перед собой вола.

Пока оторопевшие охотники размышляли, не новое ли это наступательное оружие, мальчишки ударили в бубны, а старики принялись дружелюбно покрикивать и вскидывать руки, чтоб и самый недогадливый понял: у них нет оружия, они идут с миром.

Их привели в стойбище вместе с волком. Здесь перед старейшинами племени Большой Горы шаман скотоводов попросил у ближайшего воина нож. И на глазах у изумленных большегорцев ловко, одним ударом, свалил вола. Грозный зверь и не попытался сопротивляться.

Хозяева остолбенели, потом возликовали. В жизни они еще не видели такой легкой охоты. Представить себе не могли такого щедрого дара. Ведь шаман указал рукой на тушу вола: «Ваше!». И так же красноречиво показал, что бронзовый нож, взятый у воина, он забирает себе. Конечно! О чем речь?!

Был общий костер, общий пир. На сытый желудок торг идет ладно. За каждого вола скотоводы получали по пять топоров, либо по десять ножей, либо по двадцать наконечников стрел. Они бы еще меняли. У них еще, по крайней мере, пять волов предназначено было для обмена. («Это ж двадцать пять топоров, или пятьдесят ножей, или сто наконечников», — прикидывали скотоводческие мудрецы, загибая пальцы на руках и ногах и завязывая узелки при каждой двадцатке.) Но большегорцы сокрушенно разводили руками:

— Да нет у нас больше. Самим едва-едва хватит на каждого охотника.

— А вы себе еще сделаете, — уговаривали гости. — Или не из чего?

— Да не то чтобы нет, — мялись хозяева. — Железного камня наковырять можно, гора большая. И плавильная печка у нас топится. Но кому ж этим всем заниматься? На охоту надо ходить.

— Да не надо! — поучали просвещенные скотоводы. — Добывайте металл, делайте из него орудия, только побольше, — мы вам и без вашей охоты мяса дадим. В обмен.

— А ну как не дадите? — сомневаются большегорцы.

— Как же не дадим! — сокрушаются скотоводы. — У вас такой товар! Он всем нужен.

— Товар? — недоумевают охотники, которым предлагают быть уж и не охотниками, а горнодобытчиками, металлургами и кузнецами. — Что такое товар?

Этого толком и скотоводы вряд ли могут им объяснить. Потому что эпоха регулярного обмена только начинается. Собственно товарного производства еще нет. Люди меняются излишками Продукта. Но в обмене этот излишек воспринимается уже не как часть Продукта, а как товар.

Объяснить скотоводы не могут — экономической науки еще нет, она еще ничего не объяснила, — но чувствовать чувствуют, находясь на более высокой ступени экономического развития. Чувствуют они, что лишку производить выгодно, если эта «лишка» может представлять интерес не только тебе. Сами они уже так живут.

Самый удобный товар

Довольные удачным торгом, вернулись посланцы скотоводов в родное племя, устроили большой привал. Мужчины распределили меж собой металлические топоры, ножи и наконечники и на радостях затянули протяжную песню.

Тут и женщины потянулись к костру. Но они без всякого ликования. А одна из них — самая многодетная и потому самая уважаемая — даже вслух возмутилась.

— Ишь, — сказала она, — распелись! Подумаешь, радость! Медяшек повешали и довольны. Хозяйство, можно сказать, в разорении, а им трын-трава. А ну как мы вам на ужин топоров печеных дадим вместо свежих лепешек?!

Мужчины оторопели, осеклись. Самый молодой из старейшин (а потому горячий) даже за камнем потянулся — чтоб не портила песню. Но самый старый и рассудительный его остановил. Успеешь, дескать, давай прежде разберемся, пусть объяснит.

— Ну как же, — объяснила женщина, — дети хлеба просят. И только наши старухи взяли зерно толочь, а нет его, зерна. Кончилось. Всегда в эту пору мы меняли лишних волов на зерно у земледельцев. А вы наменяли металлических орудий — и где ж нам теперь взять зерна? На что?

Самый молодой из старейшин опустил камень. Слова женщины ему показались справедливыми. Незнакомое чувство лишило его гнева (это были муки совести, он их еще не знал). А самый старый задумался, но потом радостно хлопнул себя по колену и воскликнул:

— Ха! Женщина! Будет у нас хлеб!

В недоумении оглянулись мужчины теперь уж на него.

— Получим, — беспечно заверил соплеменников мудрейший. — У тех же земледельцев. То же зерно. В обмен на металлические орудия. Им ведь нужны?

— О, — разочарованно загалдели те из мужчин, которым металлические орудия пришлось особо по нраву, — стоило меняться с людьми Большой Горы, чтобы потом выменянное в чужие руки...

— Значит, не стоило? — возмутился мудрец. — Могли без металлических орудий обойтись?

— Ты что, наоборот, жалко отдавать!

— Но теперь мы сами можем решить, сколько топоров, ножей и наконечников тратить на зерно, сколько себе оставить. Теперь не волы, а металлические орудия составляют наше богатство. Поскольку это такой товар, который нужен всем, и мы на все что угодно его сменяем. Можем — на зерно у земледельцев, можем — на коров у других скотоводов, если вдруг сложилось, что у нас быков избыток.

— А то мы не могли на своих волов менять все, что нам надо? — продолжал упорствовать один, самый недоверчивый.

— Металлические орудия, — возразил прогрессивный мыслитель, — удобнее! Волы, предназначенные для обмена, они, считай, уже не наши. Нам одна от них польза — менять. Но от одного торга до другого этих, считай, уже не наших волов корми, пои, заботься о них. А вдруг падеж скота? А вдруг засуха и скудный корм на пути к месту торга? Много ли получим за изможденного вола? Если он еще уцелеет... Топор же есть не просит, от засухи не портится. А насколько легче торги вести? Мы знаем, что один вол меняется у большегорцев на пять металлических топоров, десять ножей, двадцать наконечников. А у земледельцев меняли одного вола на два мешка зерна. Но вдруг нам надо получить у кого-то не два, а один мешок зерна? Или ягненка. Полвола отдавать? Кто возьмет? Полвола не помощник на пахоте, не откормить его до пущей тучности и даже как мясо не приберечь впрок до голодных дней. С другой стороны, и нам отдавать целого вола за один мешок или ягненка — убыток. Зато не убыток отдать за тот же товар десять наконечников, пять ножей и...

— Два с половиной топора? — злоратно подсказал самый недоверчивый, чем, действительно, смутил мудреца. Но ненадолго.

— Во-первых, взамен половины топора можно дать пять ножей или десять наконечников; а во-вторых, я еще во время торга с большегорцами подумал: лучше нам менять у них не готовые орудия, а сам металл. Орудия, если захотим, сами сделаем. А для обмена удобнее — металл: как угодно делится и свойств своих при этом не теряет...

...Автор, который по естественным причинам свидетелем этого разговора не был и потому весь его от начала до конца выдумал, совершенно не уверен, что соплеменники поняли идею старейшины. Более того, он даже скорее уверен, что не поняли те скотоводы необходимости в товаре-посреднике.

Зачем им товар-посредник, когда все они делали без посредников: производили Продукт, обменивались излишками, ели. (Ну да, и ели ведь тогда тоже без посредства, например, вилки.) А тут зачем-то — товар, когда и за собственных волов что надо дают. Наверняка не поняли. Десятки-другой веков им следовало еще над этим поразмышлять — не все сразу.

Но в чем автор действительно уверен, так в том, что идея, высказанная в придуманном им разговоре, в конце концов вообладала.

Потому что это была идея денег.

Лорд Гладстон, видный английский политик середины XIX века, сказал как-то во время парламентских дебатов: «Даже любовь не сделала столько людей дураками, сколько мудрствования о сущности денег».

Зная это предупреждение, ни за что бы не стал втягивать читателей в столь рискованное занятие. Но выхода нет. Вникать в экономику и не вникнуть в суть денег невозможно. Однако, чтобы не попасть впросак, будем разбираться в этой сути постепенно. Сейчас — первая часть. В ней от разговоров вокруг древнего скотоводческого костра мы не далеко уйдем.

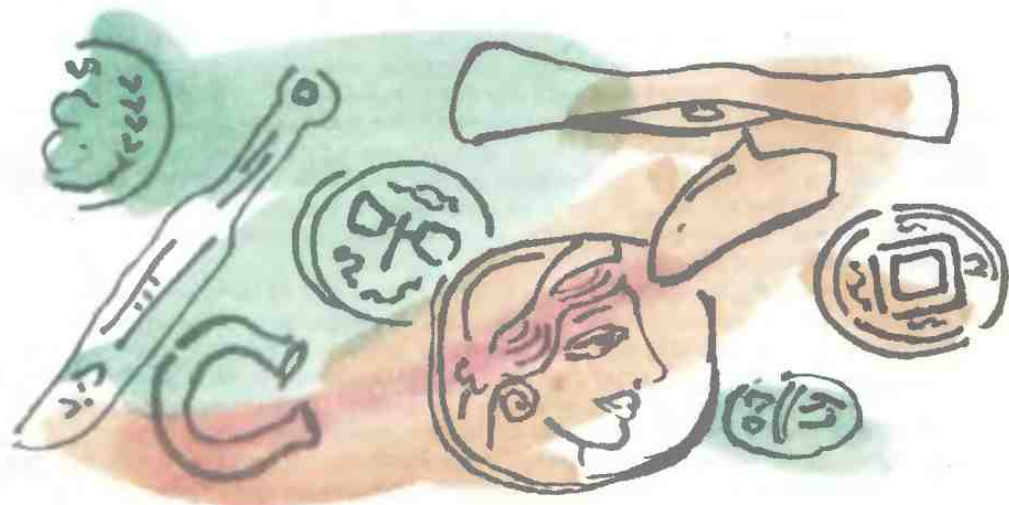
Суть денег многолика. В экономике они играют сразу несколько важных ролей — как прима в провинциальном театре. Начнем с самого понятного — что постичь могли еще древние мудрецы. Это — роль денег как товара-посредника. Или, выражаясь по-научному, **всеобщего эквивалента**.

Нам, людям, к деньгам привычным, легко представить, что это такое.

Имея в кармане полтинник, ты спокойно можешь отправиться на рынок за стаканом семечек. Торгующий подсолнухом крестьянин с чистой душой отдаст тебе свой товар, хотя он, к примеру, приехал в город за мебельным гарнитуром. Крестьянин не потребует от тебя принести ему взамен стакана семечек, скажем, ручку от шифоньера ценою в полтинник. Поскольку знает: стакан за стаканом, полтинник к полтиннику, и он скопит достаточно денег для покупки всего гарнитура, а будут деньги — ему в мебельном магазине гарнитур дадут.

Что же это за счастливое свойство денег, благодаря которому семечки уравниваются с гарнитуром или любым другим товаром, которого на прилавках в достатке? Это свойство всеобщего эквивалента, то есть способность принимать образ любого товара в процессе обмена.

Обмен же идет постоянно. Чем сложнее отношения, разнообразнее связи в экономике, тем труднее обойтись без денег. Они и возникли,

когда усложнились экономические отношения, стал регулярным обмен, а значит, и производство продуктов для обмена — товаров.

Но я ведь обещал не отходить далеко от разговора у скотоводческого костра. Вернемся. Разберемся: в чем новизна высказанной у костра идеи? Я сказал: это была идея денег. Надо уточнить: идея металлических денег.

Потому что вообще деньги — товарный эквивалент — уже были. Разделение труда произошло. Все условия для появления денег имелись. Так что должны были они появиться. И появились. В виде товара, безусловно, нужного всем, а потому, безусловно, обмениваемого. Среди скотоводов, например, в Древних Греции и Риме это был скот (не зря по-латыни слова «деньги» и «скот» однокоренные: «пекуния» — «деньги» — произошло от «пекос» — «скот»). У землевладельцев — зерно. Среди охотников-эскимосов, например, — шкурки пушного зверя. Среди рыбаков — лодки-пирогги.

Это — всем нужные вещи, значит, иметь их — прямой резон: они на все обмениваются.

Удобно ли это было? До известного предела — да. Но представь: ввели у нас вдруг пряничные рубли. Дали тебе пряник поутру. У тебя, конечно, нет сомнения, что на него ты можешь приобрести порцию котлет, салат и компот из сухофруктов в школьной столовой. Однако пряник и сам по себе вкусен. И съешь ты пряничный рубль за милую душу до начала большой перемены. Для тебя разница невелика. А как сдачу получить — сушками? А как пряничные рубли копить?

Словом, деньги, ничем не отличающиеся от обычных продуктов потребления, все же неудобны. Чем выше поднималось значение денег в процессе товарного обмена, тем очевиднее становилась необходимость придания им формы, полностью отвечающей их основной роли в экономических отношениях. Если нужны, чтоб менять, так чтоб уж есть их было нельзя, а хранить-копить — можно, делить — обязательно.

Ну, а как возникла нужда — искали и находили. В Китае, например, — бронзовые колокольчики; на Каролинских островах — громадные каменные диски; на островах Океании — ракушки каури.

Но самым удобным товарным эквивалентом оказались металлы. В Греции, в конце концов, «волковы» деньги были заменены металлическими прутьями. Шесть таких прутьев умещались в горсти. «Горсть» по-древнегречески — «драхма». Так до сих пор называется греческая денежная единица.

Не одним лишь грекам так запомнился переход от съедобных денег к металлическим. Название нашего гривенника, то есть десятикопеечной монеты, тоже происходит от гривны — фигурного слитка серебра. Да и рубль — то, что отрублено от целого куска металла. Подобных примеров найдется множество — едва ли не в каждом языке. Появление металлических денег так сильно впечатлило предков, что осталось навечно в языке — избирательной памяти народов.

И основания этому были. Мы их уже перечислили устами старейшего старейшины из племени древних скотоводов. Повторим, чтоб запомнить.

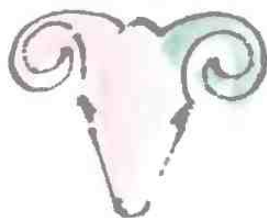
Металлические деньги удобно отмерять и делить: в равном объеме всегда равный вес и одна мера металла только меньше в десять раз десяти мер, но ничем остальные не хуже. Их легче хранить: они не стареют, не худеют, не портятся на солнце, они занимают довольно мало места.

Когда железо было в диковинку, деньги могли оставаться железными. Но потом, когда из железа стали всюю изготовлять и орудия, и утварь,

пришлось еще более подчеркнуть свойства всеобщего эквивалента. И на роль денег могли уже претендовать только благородные металлы, прежде всего — золото. Оно хранится еще лучше — не ржавеет, не окисляется, истирается медленно. Даже если из него сделать кувшин, топор или скамью, все равно эти предметы сохраняют за собой прежде всего свойства товарного эквивалента.

В принципе, так же хорошо сохраняется и мало применяется для житейских нужд простой песок. Но почему, например, он не стал основой денег, мы поймем несколько позже. Я и так, вопреки обещанию, далеко увел тебя от первобытного костра, где еще и настоящих денег нет и о золоте не слыхивали, но идея уже родилась.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
СОБСТВЕННИКА

так, с приручением животных человечество от эпохи дикости перешло на более высокую ступень общественно-экономического развития — к варварству. Уже совсем немного оставалось до следующей ступени — цивилизации, но прежде предстояло сделать еще один шаг...

Когда стало ясно, что делать с лишним Продуктом, необходимость в нем возникла постоянная. Чем больше излишков, тем больше возможностью обмена. Надо расширять производство, хоть ты уже давно сыт. Вполне реальная выгода — отказываться от нее может только глупый и ленивый.

Лодыри в обществе людей производящих, как мы знаем, не выживали. Насчет глупцов сказать трудно, но уж мудрецы-то явно были. А так как все заботы ограничивались, в основном, ведением хозяйства, мудрец — он, прежде всего, — был экономист.

Вот этого древнего экономиста и осенило...

Если раньше, рассуждал он, человек сколько Продукта добудет, столько его и съест, то теперь совсем другое дело. Это раньше, приобретаемая нового работника, род получал и лишнего едока — было от него столько выгоды, сколько убытку. А теперь лишние руки могут сделать гораздо больше, чем съест лишний рот. А ведь рук-то как раз прежде всего и не хватает в нашем разросшемся хозяйстве. Нужна дополнительная рабочая сила. Еще лучше — такая рабочая сила, которая работать бы работала, а на свою долю в дележе Продукта не претендовала.

Но кто же на такое согласится? Только тот, у кого и спрашивать не надо. Не твой соплеменник, с которым вы, по условиям родового братства, равны, а зависимый человек — раб.

Он будет трудиться, а ты — кормить его, как кормишь скот, заботиться о нем, как заботишься о скоте. Он — часть родового хозяйства, значит, нуждается в твоей заботе. Надо только добыть его, как все, что добывал ты для хозяйства родного рода.

Так возникла потребность в войне — иначе где ж взять рабов? Полуголодный дикарь воевал только за честь и независимость рода. Сытый варвар — ради грабежа. Для него война стала промыслом. Ничуть не менее достойным, чем любой другой. Она тоже давала дополнительный Продукт, который можно использовать для обмена. Меняли рабов на скот и скот, выращенный с помощью рабского труда, на рабов.

Собирались у вечного костра на совет старейшины. Кряхтя от усталости, делились заботами.

— Эх, что-то работы опять навалилось, братья. Прямо не знаю, как быть дальше?

— Да, разрослось наше стадо, того и гляди, загубим: не хватает людей.

— Что и говорить...

— Надо решать, старейшины! Дело нешуточное. Нужны новые рабы. Сколько я обращал ваше внимание на стойбище у Большой Реки, а мы все совещаемся, сетуем попусту. Не дело.

— Ты прав, брат. Интересы рода требуют!

— Ну, сзывай народ...

И наутро наш Мальчик, слегка повзрослевший за несколько тысячелетий, окрепший на здоровой, обильной пище нового времени, добрый Мальчик, который когда-то любовью к животным открыл людям путь к изобилию, весело шагал в гурьбе подростков-пращников на грабеж.

Когда мужчины дружным ударом захватили стойбище соседнего

рода и погнали чужаков к реке, он изловчился — как учили, как пробовал уже отлавливать диких жеребцов, — метнул аркан, и петля захлестнула бегущего сверстника. Тот упал, еще пытался освободиться, вырваться, но Мальчик все туже натягивал веревку, пока не подбежали свои, не забили пленника палками... Мальчик был счастлив и горд: наконец и он приведет нового раба, значит, он теперь ничем не хуже взрослых.

Если б он мог, если б он только мог, вопреки нашему условию, окончательно повзрослеть, кем бы стал этот Мальчик, когда вырос?.. Чтобы дать ответ, нам надо хотя бы познакомиться со словом, которого мы пока не касались, которого люди родового строя пока не знали.

ОСЛОВ. СОБСТВЕННОСТЬ

Ну-ка выгляни в окно — чей там автобус проехал? Чей магазин открывает двери поутру? Чья телефонная будка стоит у подъезда и чей там висит таксофон?

Мало ли можно задать нелепых вопросов! Хорошо еще, автор не спрашивает, чей снег лежит во дворе и чье солнце его скоро растопит. Ничье это — общее, наше. Это все — для всех.

Ты ходишь в свою школу, возвращаешься с уроков в свой дом, папа ходит на свой завод, а сестренка любит свою группу в своем детском саду. Но никто из вас на этот счет не обольщается.

Твоя школа такая же своя для тысячи ее учеников, папин завод такой же свой для десяти тысяч работающих там людей и для многомиллионного населения нашей страны, которое продукцией этого завода пользуется. То же самое с детским садом.

Все это находится в собственности государства. Государство заинтересовано в том, чтобы ты мог учиться, мама могла ходить на работу. Поэтому оно строит для тебя школу и для сестры детский сад. За счет чего? За счет части материальных благ, которые произведет на заводе твой папа.

Он заинтересован произвести больше, хотя все это достанется государству на правах собственности. Но ведь из большего государство больше может израсходовать средств на тебя, сестру, маму — на всех.

И государство заинтересовано предоставить возможность папе производить больше. Поэтому оно дает ему работу, все более совершенные станки, обеспечивает условия для повышения квалификации.

И государство знает, что никто, кроме твоего папы и таких же рабочих, как он, не может увеличить благосостояние страны. И папа знает, что никто, кроме государства, не может предоставить ему возможность повысить ваше общее благосостояние. Ведь для производства материальных благ необходимы средства производства, а собственник средств производства у нас — государство (только в колхозах и кооперативах — колхоз и кооператив да в индивидуальной трудовой деятельности — кустарь. Но их мало.)

На правах собственника оно определяет, что делать и на что тратить. Мы все — народ — доверяем ему это право распоряжаться и владеть, поскольку сами создавали государство, представляющее интересы всего

народа, и контролируем его через Советы народных депутатов, которые сами и выбираем. Для того же на государственных предприятиях выбираются советы трудовых коллективов, а в колхозах и кооперативах — правления.

А по ту сторону земли, за океаном, допустим, такой же завод, но владеет им не государство, а, скажем, мистер Томсон, тоже, наверное, чей-то папа. И мистер Томсон заинтересован произвести больше продукции. Так как от этого зависит благосостояние его семьи. Сам он, естественно, произвести ничего не может. Он набирает рабочих. Они к нему приходят, поскольку своих средств производства не имеют. А мистер Томсон делится с ними частью денег, вырученных от продажи Продукта, чтоб и они обеспечивали благосостояние своих семей.

И вот в этом-то как раз мистер Томсон заинтересован меньше всего. Чем большая часть выручки достанется семьям рабочих, тем меньше барыши мистера Томсона. Он всегда будет хотеть платить рабочим меньше, а они — брать с него больше. Он может вообще продать свой завод или закрыть, получить деньги, а рабочие тогда вообще ничего не получают, кроме пособия по безработице.

Все зависит от того, как решит мистер Томсон, ибо он — собственник средств производства.

Такие между ними складываются отношения.

Именно отношения людей друг к другу по поводу присвоения средств производства и создаваемых с их помощью материальных благ есть форма собственности.

Ясно, что это отношения между классами. Мы ведь ничего не знаем о характере мистера Томсона и человеческих качествах его рабочих, но отношения между ними знаем определенно. Они определены формой собственности.

Яблоко раздора

Между тем на войну гурьбой не ходят, это не пастьба. Нужен предводитель, вождь. С каждым грабительским походом увеличивались значение и власть родовых вождей, старейшин. Через родовых старейшин осуществлялся и обмен между родами — не всей же общиной на торг ходить. Община доверяла вождям распоряжаться как собой на войне, так и общим стадом.

Община доверяла, а старейшины распоряжались. И стало привычным, что сын вождя избирается новым вождем, стало привычным, что поколения этой семьи распоряжаются общественным стадом, как своим. И постепенно стадо перешло в собственность глав избранных семей.

Семья, владеющая стадом и имеющая рабов, была настолько сильна, что могла противопоставить свои интересы интересам рода. И противопоставляла, если они не совпадали.

А как они могли совпадать? Совершенно разные интересы у тех, кто имеет, и у тех, кто — нет.

Имеет тот, кто взял. Хочешь иметь — возьми! Возьми рабов. А взял — возьми скот. Имея рабов ты со скотом справишься. С рабами вести хозяйство выгоднее, чем со своими соплеменниками: делиться не надо.

Хочешь иметь — возьми! Когда ты взял в свое пользование стадо — средства производства, — твой соплеменник сам придет к тебе. Но уже не соплеменником — рабом. Ты ведь прекрасно понял, как выгоднее вести хозяйство.

Кто взял — тот имеет. Кто не имеет — тот работает.

Теперь понятно, кем мог стать Нестареющий Мальчик, если бы вырос? Либо рабовладельцем, либо рабом. Третьего не дано. Ибо произошло первое имущественное разделение общества — на рабовладельца и раба. На человека производящего и собственника. Между ними — пропасть, определенная отношением к средствам производства.

Пастух, когда-то беспечно воспользовавшийся трудом пленного раба, запоздало понял, что и его труд, и он сам могут достаться другим.

Вот к чему привело в конце концов появление излишков Продукта. А мы-то мудрили, как разделить пять яблок на четверых.

Лишнее, пятое, яблоко стало яблоком раздора. Возможность завладеть им создала собственника. Плод чужого труда, не политый собственным потом, оказался настолько сладок, что иного собственник уже не хотел.

Труд создал человека, но лишил покоя и равенства между людьми. Производство, возникшее для обеспечения жизненных благ общества, обогатило тех, кто сумел поставить себя над обществом.

С появлением индивидуального собственника экономиста — мирное искусство ведения домашнего хозяйства — стала учить не только трудиться, но и грабить, обманывать, подчинять слабого.

Однако роль свою выполнять продолжала: она двигала человеческую историю тем жестоким и необходимым путем, который та все равно должна была пройти.

И ПОСЛЕДНЕЕ ДОПОЛНЕНИЕ К ПУТЕВОДИТЕЛЮ ПО КНИГЕ

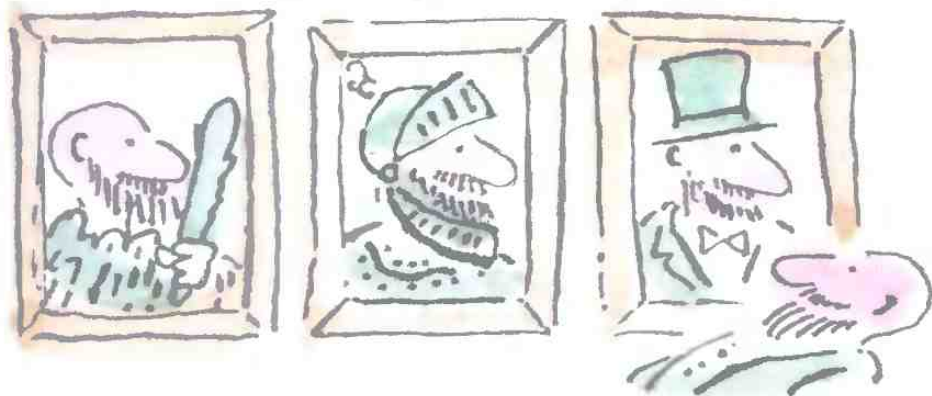
Вот как появился Собственник. Роль его в нашем повествовании тебе понятна: он представляет класс эксплуататоров.

Только не поддайся на чрезмерную простоту, дескать, все ясно: Человек Производящий хороший, а Собственник — плохой и потому между ними вечная борьба до самой революции. Никто из них ни плохой, ни хороший сам по себе. Борьба между ними лишь потому непримирима, что обусловлена их местом в производстве, распределении и обмене. Собственник до тех пор и собственник, пока он может присваивать и владеть. Но присваивать он может только то, что произведено. А производит человек производящий.

Стало быть, чтобы сохранить свою общественную роль, собственник-эксплуататор должен отнимать у трудящегося, иначе он перестанет быть тем, кто он есть. А для этого ему необходимо владеть чем-то таким, что позволило бы заставить работать на себя, чем-то, что обуславливает выгодный ему способ распределения и обмена. Этим определяется способ его участия в процессе производства. И в зависимости от того, в какой степени ему удалось подчинить себе Человека Производящего, становится он то рабовладельцем, то феодалом, то капиталистом — так что и с ним произойдет то же самое: будут меняться только одежды и прежней оставаться классовая суть.

Все это, конечно, автор аккуратно перепечатал на пишущей машинке, сложил в стопочку, края подровнял, пылинки сдул — и удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

Не то чтобы он был совсем доволен собой или написанным. Но

чувство некоторого удовлетворения автор испытывал. Он ведь дописал наконец первую часть книги! Но тут раздался звонок в дверь.

Кто бы вы думали? Экономов — собственной персоной. Это не был визит вежливости. Хотя любознательный ученик был вежлив.

Под тяжелым, строгим взглядом Николая автор поник и смесался. Ему стало совсем стыдно, когда нежданный гость сказал...

Что именно сказал Экономов, автор, извинившись перед читателями, подробно пересказывать не будет, чтобы не подвергать себя жгучему смущению, которое он в тот момент испытал.

Но в кратком изложении суть заключается в следующем. Николай готов был простить автору нелепую фамилию, которой тот его наградил, и даже пространные авторские рассуждения по поводу этой фамилии и экономовского ею недовольства. Однако Николай простить не может, что его постоянно выставляют перед читателями дураком. Эдаким недотепой, торопыгой. Причем беззастенчиво афишируются факты из его личной жизни. Между прочим, сказал, в частности, Николай Экономов, ему хорошо известно, что автор, например, тоже не подарок в быту: прокурил всю квартиру, вечно забывает купить картошку, совершенно не может помочь сыну по алгебре и постоянно опаздывает за дочкой в детский сад. Но Николай же не стремится расстрелять об этом в тысячах экземпляров?

Надо ли говорить, что пришлось приносить извинения?

Они были приняты, и Николай продолжил уже спокойнее:

— Понимаете, я ведь, в сущности, неплохой ученик. Многие из того, что вы рассказали, мне хорошо известно. Разве я не знаю, что рабовладельческий строй, феодализм, капитализм сменяли друг друга, а справедливости все не было, пока не пришел социализм — единственный справедливый строй. Да, я бываю тороплив иногда. Вот и сейчас — так хочется подсказать... Потому что обидно: ведь сразу можно было жить по справедливости, если бы люди знали.

— Думаешь, все дело в этом? — поинтересовался автор.

— Конечно! У меня по истории твердая четверка. Я знаю... Эх, была бы возможность вовремя подсказать — тогда б увидели!..

— Хорошо, я согласен, — сказал автор. — Следующую часть книги буду вести вместе с тобой. Отправимся в историю — и ты можешь в любой момент меня останавливать, чтобы подсказать, как вести себя героям. Согласен?

— А как же! — воскликнул Николай Экономов. — Только по-честному — как скажу, так пусть и получается.

— Но мы же все собираемся делать на глазах у читателей — читатели рассудят... Итак — куда отправляемся? С каким героем? Выбирай.

— Лучшие всего в рабовладельческий строй. И с Мальчиком: он мне всех ближе и понятнее.

Автор вставил чистый лист в машинку. Переверни страницу и ты — там начинается вторая часть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТРИ СОРТА
ЯБЛОКА
РАЗДОРА

*Приключения Нестареющего Мальчика,
спровоцированные Николаем Экономовым*

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

МОЖНО ЛИ ПОТОРОПИТЬ ИСТОРИЮ

«Уходи, мальчик...»

и проснулся оттого, что проснулся город. В домах еще спали, а улицы, площади ожили и зашевелились. Хотя солнце только коснулось причудливых сводов храмов и дворцов, блеснуло на позолоте статуй и лишь слабые брызги света и тепла окропили камни мостовых, где безмятежно и про-

сторно расположились на привычный ночлег свободные граждане великого Рима.

С площадей, захламленных дворов общественных бань, грязных сеновалов харчевен потянулись люди. Шумно приветствуя друг друга, гогоча, споря на ходу, возбужденные предвкушением радости шли сплошным нестройным потоком к громадной чаше цирка, спешили занять места на ступенях амфитеатра. Едва замешкаешь — и уже опоздал — многие там и ночевали.

Мальчик торопился вместе со всеми. Рядом шагал случайный товарищ по ночевке, какой-то старик лет сорока, ветеран зрелищ. Громко, уверенный, что его слушают, он объяснял зрителям по-младше:

— Запомните, юноши! Клянусь Аполлоном и покровителем нашим Бахусом: если сегодня не победит Марк Аврелий Полинник, мор обрушится на Вечный город, чума или землетрясение. Мир не переживет такой несправедливости!

— Как же! — возразил кто-то из толпы.

— А! Ты не веришь, что Полинник — лучший наездник на земле? — заорал старик, мигом ухватил обидчика и вlepил ему затрецину. Они сцепились.

Мальчик постоял некоторое время в кругу болельщиков, посвистел в общем хоре, подбадривая дерущихся, запустил в них, как водится, камнем для полноты удовольствия и побежал дальше.

Шумные споры и драки накануне состязаний, в ходе их, по окончании, в дни обсуждения зрелища и ожидания следующего были в порядке вещей.

Этим заполнялось все время свободных граждан свободного Рима, среди которых и обретался наш мальчик.

Таких, как он, в Риме было около двухсот тысяч. Им выдавали по полтора килограмма хлеба в день только за то, что они свободные граждане Рима и у них нечего есть. Для них устраивали скачки, бои гладиаторов и ристалища зверей, чтобы они не скучали. Крупные рабовладельцы — патриции — занимались политикой, боролись за власть и развлекались. Они же — плебс — только развлекались: болели на стадионах и в цирке, грелись на солнышке, сидели в банях и харчевнях.

— Ну нет, так не годится, — возмущился Экономов. — Тунеядцы какие-то. Они же совсем не трудятся!

— Зато все! Полное равенство. Все поровну получают хлеба, зрелища устраиваются для всех. Чем не справедливость? Ты же справедливости хотел.

— Так и знал, что вы меня путать будете и размырывать! Нет уж, не удастся. Сколько уже экономику учу, знаю: основа жизни — труд. Кто не трудится, тот живет за счет других. — какая же здесь справедливость?

— Но им нравится. Взгляни, как веселы и беззаботны эти нищие!

— Сейчас переменим. Кто-то должен показать, что трудиться луч-

ше, чем бездельничать, и все поймут. Пусть Мальчик это и сделает, он ведь все же вырос среди людей производящих.

— Согласен. Давай!

Как-то Мальчику надоела эта праздная жизнь. Он пришел в гончарную мастерскую и попросил работы.

— Ты сын свободного гражданина? — поинтересовался хозяин.

— Да, но я хочу работать.

— Уходи, мальчик, — сказал хозяин. — Разве ты не знаешь, что гражданин великого Рима не должен унижать себя трудом? Работа — удел раба. Патрицию неприлично торговать, плебею — заниматься трудом. Слава богам, у нас на это есть рабы.

И тогда Мальчик решил схитрить. Отправился к кузнецу, соврал, что он сын вольноотпущенника, то есть бывшего раба, и уже взялся было за молоток, но кузнец его остановил:

— Уходи, мальчик. Не нужны мне лишние руки.

— Неразумно, хозяин! — возмутился Мальчик. — Чем больше у тебя работников, тем больше ты сможешь делать серпов, молотков и лопат. Больше продашь — богаче станешь.

— Кому продашь? — заскучал кузнец. — Свободные граждане Рима не жнут, не куют, не копают. Им орудия труда не нужны. Да и нечего им дать в обмен на мои товары — они ведь не работают. Мне и своих рабов занять нечем. Я уж сам подумываю — не отпустить ли их, как делает большинство граждан, да не податься ли в цирк? Хлеба получу, а больше, чем на хлеб, все равно не имею. Чем я хуже других? Работа — удел раба. Богатство — удел патриция. А мы, все остальные, кто по середине, ну, весь народ, работы не хотим, богатства не достигнем. Нет, брошу, все брошу!

— А кто ж будет умножать общественное богатство? — удивился Мальчик. — А производство?

— Да завались оно за ящик, это производство! Великий Рим...

— Ну хватит! — снова прервал рассказ Экономов. — Этот Рим неисправим, советем нашего Мальчика испортят. Давайте переведем его в другое общество — где все трудятся. Надо вернуться на несколько веков назад?

— Зачем? Ты же собирался ускорить ход истории, а предлагаешь повернуть ее вспять. Найдем мы ему общество, где все трудятся, и дальше...

«Ну и дела! — подумал Мальчик, поскольку знал, благодаря условиям нашей игры, больше других. — Бежать надо из этого общества: оно скоро само себя сожрет». Он снял тогу и надел типично варварскую одежду — штаны, так как предстояло широко шагнуть — дальше на север, в другую эпоху...

И вовремя. Варвары-германцы, еще недавно дикие, еще в ту пору не образованные, легко покорили империю, когда-то покорившую полмира — великий Рим праздных гуляк и бесправных рабов.

Есть ли время сеять?

Крестьянин сидел на меже и думал.

Он думал о том, как тяжела доля завоевателя. Он не хотел воевать. Ему надоело. Да и не на что было. Все войю да войю. А как раз время сеять.

Только недавно у них, у германцев, распался родовой строй. Незадолго до того они всем миром отняли у кичливых, изнеженных римлян эту землю. Честно поделили ее между семьями. Оставили и общинный надел — на случай неурожая, коллективных торгов, снаряжения армии, когда поход. Ведь по-прежнему воевали всем миром. Выбирали военачальника (уже не общины, а всего народа), становились под его знамена со своим оружием и провиантом и отправлялись воевать.

Но поскольку стали они теперь завоевателями (а куда деваться?), время перемирия выпадало ненадолго. Вечно следовало усмирять завоеванных римлян, дань собирать для порядку — вождю некогда было возвращаться к мирному труду. Он стал должностъ справлять постоянно. Ему дали больше власти — такая нелегкая должностъ! А много ли навоюешь один?

И вот опять общинный сход: снаряжайтесь, крестьяне, в поход, будем защищаться или завоевывать — там решим.

А как раз время сеять. И от прошлого похода еще никак не оправиться. А новый вообще ввергнет в нищету. Ну его совсем, это ополчение. Но ведь враги последнее отымут... Скребуг в загрявках крестьяне — вроде и святой долг, а как накладно!

— Слушай, король (так они называли по-своему, по-германски, вождя), может, как-нибудь без нас, а? Не сдюжить нам это современное вооружение. Да и сам пойми, как раз время сеять.

— Ну вы даете, земляки! — возмущается вождь. — Что ж мне, самому защищать ваши хлеба да овины?

— Ну может, кого найдешь, — грустно упорствуют крестьяне. — А мы уж его отблагодарим — землицы общинной нарежем, да и обрабатываем сами, чего там! У римлян — не про нас будь сказано — воевали же наемники. Кабы не наше германское единство да сила, кто бы еще с ними сладил? Может, попробуем разок? Попытка не пытка.

— Прямо ставите меня в неловкое положение, земляки, — притворно артачится вождь. — Что ж вы, как подневольные какие в свинском Риме, будете на кого-то чужого работать?

— Да согласные мы, — гомонят крестьяне. — Поработаем, с нас не убудет. Не в Риме ведь живем, мы ж по своей воле, мы ж не рабы.

— Да вообще, есть тут у меня один приятель, — дает себя уговорить вождь и вытаскивает на круг здоровенного разбойника без роду без племени, такого свирепого, что даже среди варваров-германцев не встретишь. — Боец хоть куда. Между прочим, если бы случилось, один всю вашу деревню перерезать может, такой отважный. Но вы уж не обидьте его, мужики, чтоб как договаривались.

— Ну как можно, — радуются крестьяне. — Защитник! Кормилец! Не обидим! Войю спокойно, ваше дело военное...

— Ох, кажется, не то они делают. Что-то не нравится мне этот защитничек. Зря поддались — обманет.

— А куда деваться? Если как раз время сеять, не идти же самим воевать? Никто же за них на поле работать не будет — урожай пропадет. Чем все потерять, лучше часть отдать тому, кто за них повоюет. Нет выхода.

— Как знаете, а только пусть хоть Мальчик этих крестьян надумит — вдруг найдут другое решение.

— Ну, раз ты настаиваешь...

...И только Нестареющий Мальчик не поддался общинным восторгам.

С ветки столетнего вяза, на которой сидел, наблюдая деревенский сход, он закричал что есть мочи:

— Да вы что, мужики! Сами голову суете в ярмо!

— Чего этот воробей расчирикался? — смущенно зашумели крестьяне, поглядывая на гостя. — Вот не ко времени... Молчи уж, невежда! Человек — поклон ему за то — вместо нас воевать пойдет, даст поработать спокойно... Вот молодежь неразумная! Расти их поле этого...

— Как бы не так! — не унимался Мальчик на дереве. — Вы же порождаете человека, который будет жить чужим трудом.

— Ну и пусть живет, не обеднеет. По нашей воле.

— Так ему ж понравится! Кто чужим трудом живет, тот своим уже не хочет. Он и против вашей воли отнимет, что пожелает.

— А ты не каркай! — возмутились крестьяне. — У нас отнять, у хозяев!.. Эй, кто там поближе? Запусти в него камнем, чтоб знал, как старших срамить перед людьми...

...И отдали они общинную землю. Сначала часть, потом всю. Войны не прекращались, войска требовалось больше. Сначала для войн с иноземцами; потом — для установления порядка владения общинной землей самими воинами, которые составляли силу государства; потом — для усмирения ими собственных крестьян. Потому что они действительно стали собственностью владельца общинной земли, хоть считались свободными. Кто присвоил продукт труда, тот присвоил все.

Было время сеять — пришло время жать.

Бедность по-рыцарски

Пришло время жать, и Феодала (так теперь звали нового Собственника) охватила обычная осенняя грусть. Этой грусти были веские причины. Выручки от продажи урожая снова не хватит, чтоб расплатиться с долгами.

А скоро королевская охота. Нужен новый костюм, новая экипировка, — говорят, отличные доспехи и клинки завезли из Дамаска. Без них стыдно на люди показаться. Нужны новые лошади свите. Собаки постарели; если опять не догонят оленя, впадешь в немилость королю уже навечно. Нужны новые.

Что же делать? С крестьян больше нечего взять: вконец обнищали, бездельники. Замок уже заложен. Если не выплатить долги, ростовщик, каналья, новых не даст. Хоть бы война какая — погибнуть с честью или награть сполна. Так и на войну нагишом не пойдешь. Куда деваться благородному сеньору?

Он подошел к окну. По двору пробежал Мальчик. Феодала осенило.
— Эй, малый!

И Мальчик явился перед господином. Нельзя сказать, что он был при этом счастлив. Неприятно чесалась спина — его после такой встречи уже как-то били.

Но сейчас Феодал не сердился.

— Вы уже убрали свой надел?

— У нас нет надела, — ответил Мальчик.

— Это почему?

— Так вы же его продали!

— Да, — засмутился Феодал, — помню, был грех. Я тогда на турнир собирался, а на прошлом барон, э-э... да ты все равно не знаешь, пробил мне нагрудник. А ваш участок как раз крайний в моих владениях, я его и продал маркизу, э-э... да тебе все равно, и купил новый нагрудник. Очень хороший! Хочешь посмотреть? Э, да ты все равно ничего не понимаешь... Впрочем, на том турнире меня сшиб, надо признаться, граф, э-э... ну, ты его тоже не знаешь... — Феодал тяжело вздохнул. — Пришлось продать для выкупа и надел вашего соседа, э-э... ну, ты его знаешь... Все расходы, расходы... Такая дороговизна, не поверишь. Вот и крутись. А тут еще вы не приносите никакого урожая и сосед ваш. Скоро по миру пустите.

— Так вы ж наши участки продали, — попробовал возразить Мальчик.

— Ну, продал, продал! А деньги где? Нет уже денежек-то!

И урожая, а мне с него оброку. Ты понял? Двойной убыток. Что теперь делать?

— Не знаю, — ответил Мальчик. Он и вправду не знал.

— Ну и наглец! — вскипел Экономов. — *Послушайте, автор, давайте разорим его вконец, чтоб неповадно, будет знать!*

— *Воля твоя, давай разорим, — согласился автор. — Тогда его земля и с землей Мальчик перейдут во владение другого феодала, более богатого, или к королю.*

— *Нет, не годится. Главное — Мальчика жалко. Если уж суждено ему на кого-то работать, так пусть хоть на кого-нибудь, кто сам трудится, а не на этого бездельника и мота. Неужели ничего сделать нельзя?*

— *Ладно, подброшу-ка я этому феодалу идею...*

— А я знаю! — гордо воскликнул Феодал. — Я тебя отправлю в город, ты научишься ремеслу, будешь платить мне оброк деньгами и изделиями. Незачем мне чужим ремесленникам переплачивать, когда столько своих крестьян.

Тратить, чтоб разбогатеть

И Мальчик отправился в город. Он учился ремеслу, живя впроголодь, и выполнял всю работу по дому. И еще, он присматривался к своему «учителю» — хозяину мастерской, сапожнику.

Хозяин копил деньги. Накопил — и откупил себя, свою семью и свою мастерскую у своего феодала. И продолжал копить.

— Хозяин, а на что вам деньги? — спросил его как-то Мальчик.

— Ну как? — замылся сапожник. — Деньги — это богатство, это сила! Феодал мой, помню, копил, и я коплю. Может, я стану богаче своего феодала, а?

— И что? — засмеялся смысленый Мальчик. — Будете на золоте есть, на охоту ездить, балы устраивать, на дуэлях драться?

— Ну ты скажешь тоже, — совсем засмутился хозяин. — Разве не видишь? Ем я вместе с вами, то же, что и вы, к соколиной охоте не приучен, на бал меня и не пустит никто, а на дуэль сам не пойду: барская забава, убить могут.

— Так зачем деньги?

— А и правда — зачем? — задумался вконец озадаченный ремесленник. — Прокутить их, что ли? Неловко вроде. Да и не в радость мне. Я скромный. Жалко денег — не даром достались.

— А я вот что думаю, — равнодушно заметил Мальчик, — выгоднее всего их потратить...

— Я тебе потрачу! — возмутился сапожник и уже схватил колодку, чтобы взгреть хорошенько дерзкого ученика. Но тот продолжал, и это оказалось интересным...

— Чем больше башмаков вы продадите, тем больше за них получите, а больше можно спить башмаков, если больше будет мастерская, больше материала, больше верстаков, больше работников. Надо тратить деньги на это — и они принесут еще больше денег!

Хозяин аж присел.

— Так ты говоришь, что большая мастерская — большее богатство, чем деньги, лежащие в сундуке? Верно! Ведь это все время увеличивающееся богатство. Я и сам уже думал... Какой хороший мальчик! На тебе золотой, нет, серебряный, нет, медный... Медный грош, иди купи себе сладостей. Только скорей возвращайся: работы много...

С тех пор хозяин стал жить еще скромнее. В заказах нет отбою, ученики и подмастерья гнут спину от зари до зари, почти ничего не получая, а он живет, как сирый бедняк. Но зато всю полученную выручку, все время увеличивающуюся выручку, тратит без сожаления на покупку кожи, гвоздей, дратвы, инструментов, нового сарая, чтобы разместить новых работников. И получает еще больше выручки, чтобы потратить ее снова на кожу, гвозди, сарай...

Мальчику от этого лучше не стало. Так много, так безжалостно, так настойчиво его не заставлял работать еще никто и никогда. Этого и следовало ожидать: родился совершенно новый собственник — капиталист.

— *Что-то я вконец запутался. Совсем не заботишься о производстве — плохой человек, тунеядец. Заботишься только о производстве — плохой человек, капиталист. Жили ведь люди справедливо — в первоначальнообщинном строе! Нет, надо было иначе. А как ни менялось — обязательно несправедливо. Что же заставляло все менять? Ради чего?..*

Не успел автор собраться с мыслями и ответить, как сзади раздался странный, вряд ли принадлежащий человеку, голос:

— *Я заставлял! Ради меня все!*

Они обернулись. Нечто неодушевленное предстало их взору. Нечто неодушевленное, но большое и сильное. И тут они узнали его. Это был неодушевленный герой нашей рассказа — Продукт.

Новое имя Продукта

— Рассвет наступает, — назидательно начал Продукт, важно развалившись в кресле, — не потому, что петух прокукарекал. Но пока петух не запоет, не всякий заметит, что день уж начался: Петька кричит громче, чем солнце встает. Так и у вас. Хватило сообразительности увидеть, как разительно изменились все действующие лица вашего рассказа, а того и не поняли, что все изменилось, потому что изменился я!

— Не много ли на себя берешь, Продукт? — запальчиво воскликнул Экономов.

— Простите, молодой человек, — язвительно поправил этот наглец, — не Продукт! Посмотрите, как я велик! Разве меня можно съесть, укрыться мной, жить во мне только тому, кто меня произвел? Я слишком для того огромен. Я для своего производителя лишний.

— Ну и что? Большой лишний Продукт? Это лишь прилагательное.

— Это самое существительное! Меня производят таким большим, чтобы я был лишним¹. А лишнее можно только обменять, отнять, присвоить, но не использовать тому, кто произвел. Я не могу ему принадлежать, и он это знает. Я принадлежу только тому, кто меня отнял, присвоил, купил, обменял на что-то. Поэтому я не Продукт. Я — Товар.

Главное мое свойство в том, что я продажен. Я и рождаюсь для того, чтобы быть проданным. Я служу всякому, кто меня купит. А никто не купит — никому служить не стану. Мне все равно. Скажем, сделает меня оружейник. И продаст воину. Или воин у него меня отнимет — он же сильнее. И что вы думаете? Я своего оружейника за милую душу убью, если воин того пожелает.

— Да, — усмехнулся Экономов, — стал бы я на месте твоего оружейника тебя производить!

— А куда он не денется! Хочешь быть оружейником — производи товар на продажу. С тех пор как я, будучи еще Продуктом, стал лишним, производство стало товарным. Все только и производят что товары. Все только и делают, что отдают их другому и тем самым совершенно теряют контроль над тем, что произвели. Об этом даже не заботятся, об одном думают: как бы произвести меня побольше. Из-за этого и нет покою в обществе, из-за этого история вся и состоит из смены форм собственности и способов производства. А причина всему — я, родименький.

— Ладно уж, ты! — не сдавался Экономов. — А восстания рабов? А революции? А войны?

— Естественно, все из-за меня! Все ради того, чтобы меня сделать больше...

¹ Конечно, на самом деле никто не стремится производить Продукт лишним. Хотят произвести добавочный, избыточный, большой. Лишний он только для того, кто его произвел, и только в том смысле, что пользоваться им сам производитель не собирается. Но мы примем эту условность и поправлять неодоушевающего героя нашего повествования не будем, прекрасно циничная, что имеется в виду на самом деле.

Экономов уже рот раскрыл, чтобы возразить по привычке. Но видно, не знал, что. Так и замер с раскрытым ртом. И умоляюще посмотрел на автора. Просил помощи.

Автор бы и рад. Давно понял, что пора вмешаться: спор затягивался. Но признаться, не хватало веских аргументов. В глубине души он, конечно, понимал, где правда, где ложь, где простое преувеличение. Однако автор, хоть и вполне взрослый человек, тоже не все знает. Сюжет развивать, слова складывать — это сугубо его дело. А когда надо что-то объяснить, доказать, аргументировать с глубоко научной точки зрения, автор, случается, робеет. И правда, тут лучше обратиться к специалисту. Хорошо хоть, автор заранее предусмотрел в сюжете такие ситуации. В таких ситуациях всегда будет появляться Экономист и давать комментарии.

КОММЕНТАРИИ ЭКОНОМИСТА

ЧЕГО НЕ ВИДЕЛ МАЛЬЧИК

Прежде всего надо разобраться, что произошло в последнем рассказе. Если коротко говорить: смена общественно-экономических формаций.

Николай Экономов, знающий историю на твердую четверку, наверняка решил, что просто рабовладельческий строй, сменивший первобытно-общинный, в свою очередь сменился феодальным, а тому на смену пришел капитализм. Это так. Но почему? Кто мог установить ту или иную систему, вообще очередность смены разных собственников? Кому это под силу?

Не кому, а чему.

Что, например, мешало первому собственнику — рабовладельцу — появиться в первобытном стаде, собирающем съедобные корешки в нехоженом лесу?

Это вопрос простой. Нечем ему было бы владеть. Некому на него было бы работать. Средства производства — сама природа. Ею не завладеешь.

Или какой-нибудь прогрессивный патриций в Древнем Риме вдруг решил наладить капиталистические отношения в своем хозяйстве.

Тоже ничего бы не получилось. Наемные рабочие вместо рабов — и

невыгодно, и неприлично, и просто невозможно (где их взять?), да и не нужно — никто не заинтересован в бурном росте производства, а производительности труда не с чего расти.

Значит, что мешает с ходу переключиться из одного строя в другой? С одной стороны — уровень производительных сил, с другой — существующие производственные отношения. Те и другие вместе (и всегда во взаимодействии) образуют господствующий в данном обществе способ производства.

Чтобы способ производства был действительно господствующим в данном обществе, производственные отношения должны обязательно соответствовать производительным силам — это закон.

А если нет? Тогда происходят революции, войны, восстания, перевороты и всяческие социальные потрясения. До тех самых пор, пока производственные отношения не придут в соответствие с производительными силами.

И по мере того как восстанавливается это трудное равновесие, в обществе создаются юридические законы, порядки, весь образ жизни — со-

ответствующий восторжествовавшему способу производства.

Все это вместе и составляет исторический тип общества — общественно-экономическую формацию.

При первобытнообщинной формации справедливым считалось работать всем и всем же пользоваться произведенным Продуктом. Это и было закреплено в обычном праве (то есть законе, основанном на обычае) древних. При том уровне развития производства, состояния обмена, возможности потребления нельзя было не трудиться всем, не делиться со всеми.

Но как только производительные силы возросли, ситуация перестала быть столь однозначной. Незачем стало проедать все, что произведено. Незачем трудиться всем без исключения. А исключения рождают и новые правила. В увеличении Продукта заинтересован только собственник-рабовладелец, так как все излишки достаются ему. Причем без всякого обмена. Поэтому участника производства — раба — он должен полностью подчинить себе, не оставив никаких прав, кроме обязанности работать, чтобы тот из-за своей незаинтересованности не замедлил увеличение Продукта.

Производительные силы выросли. А дальше расти не могут: слишком большая часть общества исключена из процесса распределения создаваемых благ, нет смысла для роста Продукта при существующих производственных отношениях.

Значит, надо опять менять формацию.

Новый собственник — феодал — самое главное средство производства — землю, конечно, не отдает. Но крестьянин обладает свободой — самому кормить себя и свою семью, обеспечивать себя орудиями труда.

Крестьянину, в отличие от раба, не все равно, будет урожай или нет. Ему, в отличие от раба, безразлично, чем пахать: сохой или плугом, имеется ли в его деревне мельница.

И если соху или ручной жернов каждый мог смастерить себе сам, как принято было в натуральном хозяйстве, то теперь не обойтись без специалиста — кузнеца-механика, плотника, каменотеса.

Стало быть, их тоже кормить крестьянину. А на каких условиях? Они ведь не феодалы. Значит — на условиях обмена. И это естественно. Ведь потребность общества в кузнеце-механике, плотнике, каменотесе означает углубление процесса разделения труда, что само по себе всегда подталкивало к обмену. Так что эта сфера экономики существенно расширяется, и значение ее растет.

Как раньше необходимость в регулярном обмене привела к появлению товара-посредника и сделала его главным товаром, так теперь расширение поля деятельности обмена вывело на главные роли в обществе человека-посредника — торговца.

Но ведь главный при феодальной формации тот, кто, собственно, дал ей название, — феодал. Тут и таилась основная для неизбежности формации опасность.

Торговец — не феодал, он не владеет ни землей, ни людьми. Крестьяне перед ним шапку не ломают — он им не власть и в деле не помощник, его товары им не нужны. В эпоху натурального хозяйства торговец обслуживает (как и все в феодальном обществе) исключительно потребности феодала, который его так не уважает. Поставляет ему предметы роскоши: меха, шелка, украшения, пряности, оружие и доспехи.

Но ведь это — самое главное, в чем нуждается феодал. Что попить-поесть, ему крестьяне и так дают. А товары, которые может доставить купец, от своих крестьян не получить. И они-то для феодала самые желанные. Именно на них-то он тратится.

Конечно, кое-что можно получить задаром, но много так не возьмешь. Надо принимать условия игры торгов-

ца — товар за товар. Или за главный товар — деньги.

А где их взять? У крестьян их отродясь не было. Значит, у того же торговца. У него-то деньги есть.

Если и среди торговцев разделение труда уже произошло, то за деньгами феодал отправится скорее всего к ростовщику. Это тоже торговец, но, может быть, состарившийся — рискованные путешествия с товарами ему уже не по силам или вообще не по нраву. Его товар всегда при нем, он торгует... деньгами. Дает их в долг, а возвращают ему с процентами от суммы. Дал тысячу — получил обратно тысячу сто. Или тысячу пятьсот, смотря, какой оговорен процент. Так деньги получают рост. У ростовщика, конечно. Это вообще самый презренный человек. Но самый необходимый транжире феодалу.

Как феодалу отдать больше, чем взял, когда он и брал-то только потому, что денег не хватало? Надо продать — скажем, торговцу зерном — больше зерна со своей земли, чем раньше. И феодал увеличивает оброк — он в своей вотчине хозяин-барин, — может обдирать своих крестьян до последнего.

Крестьянин, собиравшийся с выручки от нынешнего урожая купить плуг, чтобы лучше обрабатывать свой надел, об этом уже и не мечтает. Какая выручка? Какой плуг? У него вообще ничего не осталось для продажи, так что и покупки делать не на что. На следующий год он уже и не старается получить больше урожай: все равно феодал все заберет до крошки. Да и как ему урожай увеличить — плуга-то нет!

И феодал в панике. Деньги-то он брал не на хозяйство — на предметы роскоши. Они теперь у купца заморскими товарами. Выручки от скудного урожая едва-едва хватило на выплату процентов, долг он не отдал. Надо брать еще. Но на этот раз ростовщик требует залога. Что может заложить

феодал? Замок, драгоценности, землю...

Но и на будущий год поумневший крестьянин больше урожая не соберет. Значит, земля в счет долга должна перейти к ростовщику. А на что она ему? Он торгует деньгами, ему его профессия нравится. А вот сменить залоговый вексель (или долговую расписку) на деньги — готов. Пусть выкупит тот, у кого деньги есть.

Есть они, скорее всего, у коллеги-торговца. С точки зрения общества лучше, чтоб он эту землю купил. Потому что в обществе уже начался застой из-за неразумной экономической политики феодала. Он ободрал до нитки крестьянина — крестьянин не купил плуг, не может лучше обрабатывать землю, собирать больший урожай, да и не хочет: стимула нет.

А в обществе уже есть ремесленники, они могут делать плуги, строить мельницы, того и гляди, механические молотилки. Есть торговцы, они хотят и могут продавать в заморских странах больше зерна, плугов, продуктов промышленности и сельского хозяйства, привозить оттуда больше заморских товаров и еще больше богатеть.

И все эти возросшие производительные силы не могут развернуться в полную мощь, потому что имеющий деньги не спешит покупать права на землю.

А он, действительно, не спешит. При существующих производственных отношениях кто будет работать у него на этой земле? Да и позволено ли ему будет владеть землей — он же не дворянин? Это, выходит, теперь из-за такой нелепости и Продукт расти не будет?

Нет уж. Восстание, революция, война, государственный переворот — что угодно, — но отношения должны перемениться. И появиться новая формация. Такая, где все свободно продается и все свободно покупается.

Для этого все должны быть свободны. Но одни, получается, свободны

и от средств производства и вынуждены продаваться за средства существования тем, кто имеет капитал.

Однако такова уж капиталистическая формация. Здесь все — товар. И все обменивается на золото, на деньги, как любой товар. Не хочешь — не покупай. Хочешь — продавайся. Имеешь деньги — купишь. Имеешь товар — продашь. Не имеешь — станешь товаром сам.

Так что Продукт в дискуссии с Николаем Экономовым был прав. Ради его увеличения один строй сменялся другим, возникали восстания и войны. Без этого движения был бы невозможен прогресс. И бесчеловечный, по нашим понятиям, капитализм до поры прогрессивен. За него еще предстоит долгая мучительная борьба.

Автор был несколько неточен, назвав разбогатевшего ремесленника, к которому попал Нестареющий Мальчик, одним из первых капиталистов. Первым капиталистом был торговец. Это он подталкивал ремесленника к расширению производства. Однако, для того чтобы расширить производство, ремесленнику нужны деньги. Нужен первоначальный капитал. То есть те же деньги. Но — предназначенные пойти в оборот.

Как вода: она одинаково мокрая и в реке, и в стакане, и в колоде, но только та, что вертит мельничное колесо, — становится производительной силой и дает мельнику доход. Так и деньги — на них можно купить что угодно, но только те, что тратятся на торговлю или производство, становятся капиталом. Потому что только так деньги могут принести больше денег — только поступив в оборот.

Как стаканом воды не привести в движение мельничное колесо, так при отсутствии денег или малом их количестве не заладить оборота.

Торговцу это изначально ясно. Чтобы продать товар, его надо сначала купить, ну, еще снарядить корабль, нанять матросов, словом, хорошенько

потратиться. Без денег ты не купец; чем больше денег пустишь в оборот, тем большую получишь выручку. Торговцу прийти к этой истине было легко: она лежала на поверхности.

Не укрылась она и в конце концов и от того ремесленника, что бросал завидуящие взгляды на сладкий купеческий пирог. А что означало для ремесленника поступать, как торговец? Перво-наперво — сколотить первоначальный капитал. Без этого нельзя расширять производство. Кто не попал в первую пуговичную петлю, тому уже не застегнуться.

Вот почему сапожник, хозяин Нестареющего Мальчика, копил деньги. Всякое капиталистическое производство начинается с этого.

Но разве можно налаживать капиталистическое производство в одной какой-то мастерской? Нет. Видно, в обществе уже начали вызревать такие отношения, которые мы потом назовем капиталистическими.

Они и втягивают в сферу своего влияния отдельную сапожную мастерскую. А тогда уж сапожника и осенит — хочет он этого или не хочет, — что деньги копил не просто так, а в качестве первоначального капитала. А сто лет назад ни за что бы не осенило, как бы Мальчик ни подсказывал.

Все зависит от общей экономико-исторической обстановки. Как на солнце всем становится жарко — и тем, кто собирается загорать, и тем, кто к жару не расположен, — а в тени всем прохладно, так и процессы, протекающие в обществе в целом, неизбежно отражаются на каждой отрасли, каждом хозяйстве, каждой семье в данных исторических условиях. Не на всех одинаково, но на всех обязательно.

Один конкретный сапожник или портной не мог следовать торговой мудрости: накопи и расширяйся! — без того, чтобы эта идея не завладела всем обществом.

Но общество того времени уже не община. Оно управляется государством. Если сапожник и портной уже усвоили великую истину, а царь-царевич, король-королевич — нет, то никому не сидеть на золотом крыльце.

То есть и государственная мудрость в управлении хозяйством должна быть сродни торговой. Если ремесленнику вслед за торговцем, чтобы разбогатеть, надо накопить, то и государство должно поступать точно так же.

Первоначальное накопление — старт капитализма. Вот почему в эпоху зарождения капитализма идея накопления денег была главенствующей идеей экономической политики государств. Копить следовало торговцу — чтобы вступить в дело; ремесленнику — чтоб расширить производство; государству — чтобы развить национальное хозяйство, а значит, дать возможность получать выручку самым разворотистым гражданам.

Всякому мудрому правителю было чем оказать содействие своему «третьему сословию». Чтобы поощрять производство отечественных товаров, следует ограничивать ввоз тех же заграничных. Нет ничего проще. Надо установить высокие таможенные пошлины — и заморскому купцу уже не хозяйничать на твоём рынке: его товары будут всегда дороже, чем у любого отечественного неумехи.

Экономисты раннего капитализма искали способы получения денег, но нашли, как выяснилось, большее — законы рационального хозяйствования, которыми по-настоящему удалось воспользоваться уже после них. Прежде следовало узнать, чего стоят деньги и чего они, увы, не стоят. Ибо истинное богатство общества заключалось все же не в деньгах и увеличивала его на самом деле не торговля.

Но понять это еще только предстояло.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ
ЧТО ЧЕГО СТОИТ?

де, стало быть, мы оставили нашего Мальчика? В учениках у сапожника, одного из первых капиталистов... Но время прошло — он уже обучился. Сапоги тачал — любо-дорого.

Хозяин выделял нашего героя среди прочих учеников и подмастерьев. А как же — тот подсказал ему такую идею,

научил, как стать настоящим капиталистом! Добро за добро — он откупил Мальчика у феодала. Правда, двигало им не столько чувство благодарности, сколько поиски прямой и скорой выгоды: от смышленного работника хозяйству прибыль. Да ведь и не даром же! Все-таки капиталист — скряга каких поискать. Лишь только с купчей было закончено, бывший сапожник (сам он к верстаку уже не сажался — куда там — такая мастерская!) велел Мальчику позаботиться о возмещении расходов на его освобождение.

Тут радости, конечно, поубавилось. Хороша свобода! Ярмо!

— А с чего возмещать, хозяин? — взмолился Мальчик. — Я ведь, почитай, за одни харчи работаю.

— А ты думай, — ухмыляется освободитель, — на что тебе голова? Мне ведь тоже убыток терпеть нерезон. Я ведь тоже не Гарун-аль-Рашид какой, чтобы всех мальчиков у всех феодалов задаром выкупать, сам пойми.

Хитрый капиталист просто ждал от Мальчика новой экономической идеи. И дождался.

Порешили они так. Отныне Мальчик должен был не только шить башмаки, но и сбывать их на рынке, приобретать материал для новой работы — будто он сам хозяин части хозяйской мастерской. С той лишь разницей, что выручка все равно достанется хозяину в счет погашения долга. Такая несущественная разница. Капиталиста она весьма устраивала.

И Мальчик отправился на рынок.

Как пообедать сапогами

Ах, что за чудо средневековый рынок! В ту пору, когда не было ни универмагов, ни универсамов, на рынке продавалось буквально все.

Мычали, упираясь, коровы в предчувствии скорого заклания. Весело стучали молотки медников в ремесленных рядах. Зазывая покупателей, выбивал дробь горшечник на своем звонком товаре. Гоготали гуси от щекотки привередливых кухарок. Горами высились фрукты из южных стран. В суконных рядах заморские купцы разматывали сукна. Спорили торговцы, торговались покупатели. Праздных зевак на рынке было мало. Большинство продавцов, сбыв товар, тут же становились покупателями. Чей-то продукт труда кому-то — предмет труда. Купля-продажа на средневековом рынке — операция производственного процесса, дело важное.

И Мальчик пришел сюда сбывать сделанные им сапоги, добыть кожи для новых. Потому направился прямо в кожевенный ряд. И надо же, как раз какой-то юный кожевник раскладывал свой товар. Мальчик обрадованно бросился к нему:

— Эй, парень, купи сапоги!

— На что мне твои сапоги? — удивился кожевник.

— Как на что? Ты ведь кожу продаешь? Продаешь. А я сапоги. Ты мне отдашь кожу, я тебе — сапоги. Товар — на товар. Мы ж на рынке!

Кожевник пытливо посмотрел на Мальчика, потом уперся взглядом в землю (на самом деле — в мальчиковы башмаки) и буркнул исподлобья:

— Сам носи свои сапоги.

— Ну какой ты непонятливый! — возмутился Мальчик. — Сапоги — мой товар, я их на продажу делал. Сам, смотри, в деревянных башмаках хожу.

— И я в деревянных, — упорствовал кожевник. — Мне тоже твои сапоги без надобности.

— Вот привереда! Ты ведь кожу делал для меня?

— Ну, да, для сапожника.

— А я о чем! Никто, кроме сапожника, у тебя кожу не купит. А я как раз сапожник. Давай меняться — и не дури!

— Больно ты хитер, — еще больше насунился кожевник. — Конечно, из моей кожи ты сошьешь новые сапоги. А как я из твоих сапог сделаю новую кожу? Мне нужны шкуры.

— Ну смотри, — пригрозил Мальчик. — Сейчас уйду — и будешь куковать тут со своим товаром... А впрочем, и мне без кожи придется туго. Ладно...

И Мальчик побежал к мяснику. В мясной лавке висели на крюках ободранные туши. Гучи мух вились вокруг, терпеливо ждали требухи бродячие собаки. В другое время Мальчик поиграл бы с ними или подразнил, но теперь некогда, он склонился к здоровяку хозяину:

— Слушай, я сапожник, мне кожа нужна. А этот болван никак не хочет продать ее мне за сапоги. Сменяю, говорит, но только на шкуры. Не подсобишь?

— А чего ж не подсобить? — обрадовался мясник. — Мясо-то я трактирщику продаю, а шкуры ему не нужны.

— Вот спасибо! На тебе сапоги, давай мне шкуры, а то уже сил нет этого кожемяку уламывать.

— погоди, парень, — прервал его мясник. — А мне-то зачем эта барская обувка? Я шкуры осторожно обдирал, очищал от жира, солил от порчи, в подвале держал, чтоб не сгнили. И теперь отдать за ненужную вещь? Найди кого другого... — но, видя, как опечалился Мальчик, посоветовал: — Сходи-ка ты к трактирщику. У него господа бывают, ему надо выглядеть прилично, он небось твои сапоги купит.

И правда. Оглядел трактирщик сапоги, постучал ногтем по подошве, голенища ощупал и сказал:

— Покупаю. Сколько просишь?

— Извиняйте, дяденька, — замешкался Мальчик, — запямятовал я. Мало сахара в детстве ел — память такая дырявая. Зато ноги быстрые. Я сейчас мигом к хозяину сгоняю — спрошу, а то накажет.

Сам же во весь дух помчался к кожевнику. Тот грустно смахивал пыль с кожи. Он думал, Мальчик уже не вернется. И даже обрадовался грубому крику сапожника:

— Благодарю меня, деревенщина! Век бы тебе здесь сидеть. Нашел я продавца шкур. И покупателя сапог нашел. Теперь хоть советом помоги — за сколько товар сбывать?

— А я почему знаю? — опять напыжился кожевник. — Твой товар — тебе и знать, сколько он стоит.

— Ну до чего ж ты бестолков! Я зачем сапоги продаю? Чтоб у тебя кожу купить, так? Кто ж должен знать, сколько ты с меня спросишь, — я или ты?

— Да ведь и я кожу продаю, чтоб шкур купить у мясника, — то скливо возразил кожевник. — Наверное, он знает. Пойти, что ли, спросить?

— Ну вот еще! Ты пойдешь к мяснику, я — к трактирщику. Не тот, так другой нас, как пить дать, надует, и мы потом свой торг не сладим. Самим надо прикинуть... Давай рассуждать. То, что мы предлагаем друг другу, то, что могут предложить нам, — все товары.

— Товары, — согласился кожевник.

— Видишь? Уже общее свойство. Значит, меняться ими можно. Но они все разные.

— Ой, разные... — тут же сник кожевник.

— Вот в чем загвоздка! Оттого, что они разные, их и сравнить трудно. Были бы одинаковые — другое дело. Ведро воды я бы сменял на пятьдесят стаканов воды — это без обмана. Но какой смысл менять воду на воду? Мы и меняемся, чтобы получить что-то другое, чего у нас нет. А как соразмерить кожу с сапогами, сапоги с хлебами?.. Ну, попробуем, как с водой. На изготовление пары сапог ушла одна кожа, так? Значит, я за пару сапог должен взять с трактирщика стоимость одной кожи?

— Верно! — воспрял кожевник. — По рукам!

— Я тебе дам — по рукам! — обиделся Мальчик. — Выходит, я неделю работал, чтобы только получить материал на новую работу? А что я есть буду?

— Но ты ж сам сказал: в ведре воды — пятьдесят стаканов, в паре сапог — одна кожа. Справедливо?

— Хорошо. Иди к трактирщику, продай ему кожу, а потом придь я — он мне заплатит за шитье сапог из твоей кожи. Ведь заплатит? Или я за так буду шить ему сапоги, за то, что он с тобой расплатился?

— Верно, — задумался кожевник, — твой труд надо тоже оплатить.

— Постой! — осенило Мальчика. — Ведь трактирщик мне заплатит за шитье как раз столько, на сколько сапоги стоят больше кожи. А заплатит он мне только за труд... Погоди-погоди... И мясник мне не отдаст даром шкуры, потому что он на них труд затратил. И ты не станешь менять одну кожу на одну шкуру, потому что затратил на нее труд. Я все понял! Это и есть общее свойство всех товаров — на каждый из них затрачен труд. Так можно их и сравнивать.

— Разные товары? — усомнился кожевник.

— Товары-то разные, а созданы одинаково — трудом. А труд измерить легко — временем, на него затраченным. Вот я сапоги сшил за неделю. А ты за неделю сколько сделал кож?

— Ну, если не считать времени, пока они отмокали, дубились, — две кожи сделал.

— Все! Мы меняем неделю твоего труда на неделю моего труда — справедливо?

— Справедливо.

— Твоя неделя труда — две кожи, моя — одна пара сапог. Значит, ты за две кожи, а я за пару сапог должны получить еды на всю неделю, шкур там или кож.

— Эх, — посетовал кожевник, — зря я напрягался. Можно было мне за ту неделю и одну кожу сделать — все равно получил бы всего, что надо.

— Только полвсего! С какой стати я или другой покупатель должен оплачивать твою лень? Ты ж не один кожевник на рынке. Если все за неделю делают две кожи, а ты одну, так и стоимость твоего недельного товара будет вдвое меньше, чем у всех остальных. Не на острове живем!

— Никуда не деться без труда, — смирился кожевник. — Ну ладно, между собой мы разобрались, но ведь я у тебя все равно сапоги не покупаю и кожу тебе за сапоги не продаю. Как другим объяснить нашу справедливость?

— И объяснять не надо. Мы с тобой всю неделю дурака не валяли, всю неделю отработали честно. Значит, за неделю мы потратили столько же труда, сколько все остальные. Этим каждый из нас должен обеспечить свою жизнь в течение трудовой недели. То есть получить стоимость хотя бы шести обедов в трактире...

И Мальчик предложил решить задачу...

Задача
Сколько взять за сапоги?

Итак, дано:

Изготовление пары сапог занимает 6 дней работы Мальчика.

Изготовление кожи для этих сапог — 3 дня работы кожевника.

Подготовка шкуры для изготовления этой кожи — 1 день мясника.

Спрашивается:

Сколько обедов должен взять Мальчик с трактирщика за сапоги?

С задачей Мальчик справился быстро.

— Вот, десять обедов. — весело объявил он¹.

— Ты чего, — изумился кожевник и слотнул слюну, — один столько обедов слопаешь?

— Ну, как! Они же не все мои. Я ведь при изготовлении сапог использовал результаты труда и кожевника, и мясника. Значит, должен тебе три обеда и один мяснику.

— Что ж получается? — возмутился кожевник. — Ты всю неделю сыт будешь, а я — всего три дня, а мясник — вообще один.

¹ Автор настолько доверяет читателю, что уверен: он справится с задачей так же быстро, как Мальчик. Потому подробное решение приводить не станет. Но он (автор, конечно) может и ошибиться. Поэтому решение все-таки будет приведено. Однако в следующем рассказе. (Примечание автора.)

Хитришь, брат! А сам говорил — одинаковая величина нашего недельного труда, одинаковая!

— Ну какой же ты непонятливый! Ты ж за неделю сделал две кожи. А я тебе три обеда дам — за одну. Сменяй другую еще на три обеда у другого сапожника — будешь так же сыт, как я.

— А мясник? — грозно наступал кожевник. — А мяснику — пять дней голодать, да?

— А мясник, — в раздражении ответил Мальчик, — вообще на мои сапоги один день работал. Все остальные дни он воловью тушу разрубал, чтобы сдать мясо трактирщику. Он и получит с него за эту работу свои обеда — я-то здесь при чем?

— А... — успокоился кожевник.

— Теперь понятно, что за неделю мы создаем одинаковую новую стоимость?

— Это-то я понял, — кожевник задумался не на шутку. — Ты мне другое объясни, раз уж сообразительный такой. Трактирщик отдаст нам столько обедов — оплатит и мой труд, и твой, и мясника. А что ему останется, если он только отдает? Трактирщик вообще при таком порядке должен вконец обеднеть, а вроде не беднее нас?

— Да уж не беднее. Он ведь ничего не отдает даром. Он меняет свой товар — обеда — на наши товары. Каждый оплачивает только то, чем пользуется. Я в неделю пользуюсь половиной твоего недельного труда и шестой частью труда мясника — с меня вам четыре обеда. Он в неделю приобретает мою неделю, неделю мясника и половину твоей недели — с него нам пятнадцать обедов. Но он-то эти обеда приготовит из той туши, которую разрубил и отдал ему мясник. Так что все по справедливости.

— Слушай, — вдруг спохватился кожевник, — а ты в следующее воскресенье тоже придешь торговать? Но ведь трактирщик за неделю твоих сапог не износит. Что делать будем? Прогорим!

— Подумаешь! Найду кого другого, кому сапоги нужны. Кузнецу, например, продам.

— Хорошенькое дело! Что ж мы, железо есть будем?

— Зачем железо? Я ж теперь все вычислил. Возьму с кузнеца стоимость причитающихся за сапоги обедов — и все.

— Ну-у, — разочарованно протянул кожевник и стал (довольно-таки похоже) передразнивать Мальчика: — Неделя кузнеца равна неделе жнеца, мешок овса — половине жеребца... Опять надо считать. А вдруг трактирщику не нужны ни подковы, ни гвозди?

— Успокойся, — рассмеялся Мальчик, — я ведь уже все вычислил. Сапоги продам кузнецу за деньги и деньгами же с трактирщиком за обеды расплачусь. Стоимость легче всего выразить в деньгах. Потому что это такой товар: на все буквально меняется. Их и придумали для того, чтобы легче было меняться. Мой недельный труд стоит шесть обедов. Шесть обедов стоят три золотых.

Мальчик был спокоен: теперь он знал, как наладить свое производство и обмен, — он знал стоимость. Разберемся и мы, что она такое.

ОСТОВ. СТОИМОСТЬ

64

Если я скажу: «Вода» — что ты представишь себе? Реку? Стакан газировки? Графин на столе в учительской? Или просто формулу — H_2O ? Все зависит от того, в чем ты испытываешь потребность прежде всего.

А ведь я лишь одно слово сказал: «Вода». Но представить (даже просто представить!) воду «вообще» — невозможно. Только в виде чего-то.

Так и труд. Труд вообще — неразличим, и мы к нему безразличны. Как вода известна нам в виде реки для купания, стакана газировки, химического вещества — словом, всего того, что позволяет удовлетворить наши потребности, так и труд. Он должен быть обязательно воплощен в *Продукте*. При разделении труда и товарном производстве — в *Товаре*. Этот воплощенный в необходимом для общества товаре труд и образует его стоимость.

Конечно, тут дело хитрое. Товар можно осмотреть, взвесить, пощупать, а стоимость нельзя. Но, в общем, ничего загадочного. Мы же не удивляемся, что можно пощупать, попробовать, даже съесть яблоко, а накопленные яблоком соки земли, живительный свет солнца, сложные химические превращения увидеть нельзя. Хотя именно это делает яблоко яблоком. Но ведь и товар делает товаром накопленный в нем и нужный нам труд. Чему же удивляться?

Как собственные уши можно увидеть только в зеркале, так и стоимость можно распознать только в отражении — в обмене.

Буратино, например, разобрался в этом буквально в первый день жизни. Чтобы купить билет в кукольный театр, он предлагал расчетливому мальчишке и свою чудесную бумажную курточку и полосатый колпачок, а тот лишь отвечал: «Ищи дурака!». В обмене, затеянном Буратино, труд папы Карло над курточкой и колпачком не проявился как стоимость. Почему? Разве папа Карло плохо трудился? Нет, но его труд удовлетворял потребности собственного сына, он не стал общественным трудом, а потому для других не представлял стоимости. Но обнаружить это можно было только в обмене.

В обмене же обнаружилось, что труд, вложенный в азбуку, стоимость

представляет. Ее-то Буратино и предложил в качестве товара, когда выяснилось, что его одежда — не товар. Из этого мы заключим, что потребность в учебе у Буратино была меньше, чем потребность в театре. Товар — это всегда та вещь, которой ее владельцу пользоваться не собирается.

Теперь обратим внимание вот на что. Чтобы получить несчастные четыре солда, Буратино пришлось продать совершенно новую азбуку. Но даже он, деревянный мальчик, понимал, что пять золотых (сумма, по крайней мере, в 125 раз большая) могут превратиться в мешок денег только в стране Дураков. И то из этого ничего не получилось.

Конечно, страны Дураков нет и не было никогда. В любой стране при любых условиях стоимость (а в товарном производстве деньги ее выражают лучше всего) увеличивается, только если вложен дополнительный труд — хоть свой, хоть чужой.

Уж лучше бы Буратино посеял на поле Чудес не золотые монеты, а пять зерен пшеницы, да полил, да удобрил, дождался всходов, собрал урожай, смолол из него муку, испек булочку да не сам ее съел, а продал на рынке... Вот тогда бы, действительно, стоимость увеличилась и удалось собрать на поле Чудес больше, чем Буратино в землю закопал. Но какие это чудеса? Обычный труд.

Значит ли это, что какая-то сумма денег не может принести еще большей суммы денег? Конечно, нет. Только надо деньги истратить на производство. Раз идет производство, значит, вкладывается труд, значит, создаются новые стоимости, которые, соответственно, приносят новые деньги. В этом как раз видит главную цель своей жизни капиталист. Ему все равно, что производить и для кого, — лишь бы росли стоимости.

Цель социалистического производства иная — удовлетворение потребностей общества. И потому мы заинтересованы в снижении стоимости создаваемого Продукта. Так как не только производим, но и потребляем его сами.

Как можно уменьшить стоимость? Если она повышается в зависимости от времени, затраченного на производство Продукта, значит, чем меньше необходимого рабочего времени истратим на Продукт, тем ниже будет его стоимость. Но что такое меньше времени? Это — если помнишь — повышение производительности труда.

Выше производительность — ниже стоимость. Потому нет для нас задачи важнее.

КОММЕНТАРИЙ ЭКОНОМИСТА

Раз уж известно, что такое стоимость, можно сказать недосказанное в вашем словаре о деньгах. Ведь не пристало нашим читателям знать меньше, чем средневековому Мальчику. Он-то сразу понял, что стоимость удобнее всего выражается в деньгах. Иными словами, одна из основных функций денег — быть мерой стоимости.

Почему Мальчик уверен, что за неделю создает стоимость в три золотых, а за три золотых купит шесть обедов? Потому, очевидно, что для добычи золота на три монеты требуется неделя работы старателя. Но столько же — на три золотых — увеличивает стоимость двух шкур кожевник, деляя кожи, а стоимость вола — мясник, обдирая шкуру и разрубая тушу.

66

Так как во всех этих товарах воплощен недельный труд на удовлетворение общественных потребностей каждого справного работника в этом обществе.

Ну, а теперь время сказать недосказанное на стр. 35 — почему в качестве всеобщего эквивалента было выбрано золото, а не простой песок, который и делить удобно, и добыть легко.

Да потому как раз, что легко добыть. Это ж сколько надо песка, чтобы измерить им стоимость недельного труда пескодобытчика? Целый обоз. Хорошенький получился бы кошелек. Приедут на базарную площадь

два мелких торговца — третьему уже места нет. Любая безделица стоит целый воз песка. А сколько же тогда стоит сам воз, лошадь? Впрочем, если денег не хватает — не беда, сходи на берег реки или в сосновый лесочек — накопай. Нет, золото лучше. Тем лучше, что его трудно добыть, что под ногами не валяется. Это идеальный материал для выражения меры стоимости. Вот почему только золото, серебро, другие драгоценные металлы могут служить основой денег. Вот почему и Мальчик выразил стоимость своего товара в деньгах — так удобнее. Однако денежное выражение стоимости имеет другое название...

ОСЛОВ. ЦЕНА

67

Сколько стоит эта книжка? Ну, загляни — на обороте написано: 1 р. 10 к. Это стоимость? Нет, там же написано — цена.

Но мы ведь всегда, выясняя стоимость, узнаем цену. Зачем разные слова? Если цена — денежное выражение стоимости, а ее, в свою очередь, легче всего выразить в деньгах?

Ну, попробуем обойтись хорошо знакомым, вычислить только стоимость.

В книге воплощен труд автора, художника, редакторов, корректоров, машинисток, полиграфистов, бумажников, лесозаготовителей, энергетиков, транспортников, машиностроителей... Я перечислил не всех. Но суть не в этом. Даже если бы нам удалось точно определить стоимость продукта труда каждого, имеющего отношение к созданию данной книги, сложить, перемножить и поделить на количество экземпляров, полученный результат все равно пришлось бы выражать в деньгах. Выходит, мы выяснили бы все то же — цену. Никак иначе стоимость не выразить, пока за книгу, бумагу, электроэнергию, станки, хлеб, молоко и пряники мы расплачиваемся деньгами.

Впрочем, вовсе не обязательно даже точно измеренная стоимость будет равна своему денежному выражению — цене.

У тебя в голове, может, вполне созрела куча мудрых мыслей. Но чтобы хоть одну из них обнародовать, надо ее прежде сформулировать, понятно изложить. А изложил — разве сам не видишь, как это отличается от того, что созревало в голове? Мысль, высказанная, выраженная в словах, всегда отличается от той, что рождалась в голове. А насколько — это от многого зависит. Во-первых, от самой мысли. Какая она? Новая или банальная. Во-вторых, от словарного запаса зависит. Найдешь емкие и точные формулировки — не много слов и понадобится. А если одними местоимениями и междометиями — проталдычишь битый час, пока поймут.

Если вообще поймут...

В-третьих, зависит от внешних условий: где говоришь, кому и насколько твоя бесценная мысль актуальна именно в этой конкретной обстановке. Если вы обсуждаете какую-то сложную проблему, бьетесь в поисках решения, а у тебя как раз возникла идея — говори как хочешь, пусть самыми корявыми словами, — выслушают, еще и спасибо скажут. А встрянешь посреди важной дискуссии со своими впечатлениями о вчерашнем футболе — мигом оборвут — не до того сейчас... Мысль, высказанная тебе вахтером, может быть совсем проста: «Не пуцуй!». Но отмахнуться от нее ты не можешь. А он, напротив, спокойно может пропустить мимо ушей твои объяснения, почему тебе пройти надо. Поскольку хозяин положения он, а не ты. Он вправе диктовать условия вашего общения.

Теперь там, где я говорил «мысль», подставь слово «стоимость», а где «слова» — «деньги», и ты поймешь, как стоимость выражается в деньгах, то есть как определяется цена.

Она, конечно, напрямую зависит от стоимости. Но лишь во-первых. А во-вторых — еще и от стоимости самих денег: товар, который стоит три золотых, можно продать или купить за тридцать сребреников, а если деньги — песок, понадобится целый обоз. В-третьих, она зависит от положения на рынке: насколько твой товар хотят у тебя купить.

Чем больше спрос на товар, тем выше можно поднять на него цену. Чем шире предложение, тем ниже опускается цена. Перенасытится рынок — цена упадет ниже стоимости. А вынесешь на рынок товар, которого ни у кого нет, но всем он позарез нужен, — можно вообще о стоимости забыть: запрашивай, сколько хочешь — с руками оторвут — ты диктуешь цены.

Так что ж тогда цена выражает, если в ней и про стоимость можно забыть? А то самое — стоимость. Как бы цены ни прыгали, как бы ими ни играли азартные товаровладельцы, равенство соблюдается. Если сложить все цены всех товаров, проданных на рынке, сумма будет равна сумме всех стоимостей всех проданных товаров. Это закон.

А по отдельному товару цена может полностью соответствовать стоимости (тоже, конечно, относительно — как относительно выражает суждение созревшую в голове мысль), лишь когда спрос на этот товар полностью соответствует его предложению. Чаще это бывает при простом товарном производстве. Именно на таких условиях делал и продавал свои сапоги Мальчик. А поскольку не был единственным сапожником на рынке и для своих сапог покупателя нашел, сбыв свой товар по цене, равной стоимости, которую, в свою очередь, без труда мог узнать, благодаря простоте тогдашнего производства.

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

СТОЛЬКО
И СВЕРХ
СТОЛЬКО

Происхождение трех золотых

так, Нестареющий Мальчик свершил торг и радостный побежал к хозяину.

Хозяин по обыкновению считал деньги.

— Столько, — прикидывал он, — плюс столько равняется на столько-то больше, сколько... А если еще приба-

вить столько, будет столько-то. Значит, каждый работник должен мне принести по столько, а Мальчик несколько больше, поскольку он сам и торгует. Только...

Тут скрипнула дверь — вернулся Мальчик.

— Продал? — не оборачиваясь, спросил занятой хозяин.

— Еще бы! — хмыкнул Мальчик, довольный собой.

— За сколько?

— Все по стоимости, хозяин! В сапогах — неделя моего труда, полнедели труда кожевника, один день — мясника. Трактирщик, которому я продал товар, согласился, что сапоги стоят поэтому. — Мальчик взял уголек и начертал на верстаке:

$$6 + 3 + 1 = 10 * -$$

десять обедов, или пять золотых.

— Правильно, — согласился хозяин. — Давай скорее эти пять золотых, видишь, я как раз деньги считаю.

Мальчик оторопел.

— Какие пять золотых? Шесть обедов. Да и те стоимостью в три золотых.

— А? — вскрикнул хозяин, еще надеясь, что ослышался. Но он не ослышался. И पुще заорал: — А-а-а! Ограбил! Обманул! Разорил!

Уж на что был смышлен Мальчик, но все-таки оглянулся, чтобы увидеть злодея, на которого так гневался обиженный капиталист. И конечно, напрасно. Оказалось — виной всему он сам.

— Ты, ты, — все еще не в силах овладеть собой, твердил хозяин, — ты потратил мои деньги на свои обеды?

— Не было, хозяин, — принялся оправдываться Мальчик. — Не брал я у вас денег.

— Но я-то тратился! Я тратился на мастерскую, на инструмент, на кожу. И все ради того, чтобы тебя накормить?

— Но, хозяин, — пробовал возразить Мальчик, — не мог я дороже продать сапоги. В их стоимости — стоимость кожи, шкуры, мой труд и, конечно, ваш инструмент, но все это вместе — десять обедов, пять золотых, из которых нам остается шесть обедов, три золотых, поскольку надо заплатить за кожу. Да ведь и мне меньше шести обедов в неделю нельзя оставить, правда?

— Правда-то правда. Но ведь и я после стольких трат рассчитываю от твоего недельного труда получить шесть обедов или хотя бы три золотых, что одно и то же. Сам посуди: зачем мне затевать производство — платить три золотых в неделю тебе, покупать кожу и дратву, ремонтировать крышу над сараем, если я за те же деньги могу купить себе шесть обедов без всяких хлопот? Я накопил деньги, я их не прокутил, а мог, я тебе работу дал. Где вознаграждение? Где моя законная прибыль?

Мальчик не понял. Он еще плохо ориентировался в незнакомых словах. Он спросил:

— Это что?

* Вот как раз и есть решение задачи, которое автор не стал приводить в прошлом рассказе, а обещал привести в этом. (Примечание автора)

— Что-что, — передразнил хозяин, — деньги — что же еще? Разница между выручкой и затратами. Я деньги вложил? То есть пустил в оборот капитал. Произвел с твоей помощью товар. Теперь товар продан. То есть капитал совершил оборот. Он должен ко мне возвратиться — тоже деньгами, только еще большими, с прибылью. А больше я в оборот пуцу — больше будет прибыль. Такое правило: больше пустишь — больше вернется, но всегда больше большего.

— Да как же может быть больше? — упорствовал Мальчик. — Товары-то меняются по стоимости!

— Слушай, — вконец осерчал хозяин. — Что мне от вашей стоимости? Прибавьте к ней что-нибудь. Какую-нибудь прибавочную стоимость, и все, и мы в расчете.

— А где ее взять? — удивился Мальчик, только что на рынке прекрасно усвоивший, что ничего из ничего не берется.

— Ну где? — приосанился хозяин в предчувствии счастливой догадки. — Как вообще создается какая-то стоимость? Трудом. Только упорным трудом.

Мальчик не стал спрашивать, чьим трудом. Это и так было ясно. Его другое смущало.

— Да разве ж я мало трудился? Как все. Это даже обмен показал.

— Сам видишь, — вздохнул капиталист, притворно жалеючи работника, — больше надо. На стоимость ты наработал, а на прибавочную — увы! Разве свой товар ты продавал сегодня на рынке? Мой!

— Но сапоги сделал я! — обиделся Мальчик.

— Но, продавая сапоги, ты же понял, что в них есть труд и кожевника, и мясника? А еще, согласись, кузнеца, сделавшего молоток и клещи, плотника, сколотившего сарай и верстак. Так вот, весь этот прошлый труд оплатил я. Еще до того как усадил тебя к верстаку. И если бы я этого не сделал, тебе не к чему было бы свой труд приложить, верно? Товар, сделанный в моей мастерской, — мой товар.

— Но ведь это я сделал сапоги! — упрямо твердил Мальчик.

— А разве я спорю? Ты. Однако разберемся, для чего и за что. Между нами всеми в нашем цивилизованном обществе существуют товарные отношения. Мы все друг для друга покупатели и продавцы. Кто чем владеет, тот тем и торгует. Ты, например, чем владеешь?

— Я? Ничего у меня нет, — с грустью признался Мальчик.

— В том смысле, что никакой собственности? Ничего такого, что могло бы кормить — земли там или мельницы? Правильно. Но это и хорошо — тебе за свою собственность и держаться не надо, ты по-настоящему свободный человек. Я и у феодала тебя специально откупил, чтобы ты был уж до предела свободным. Потому что только свободный человек может без препятствий торговать принадлежащим ему товаром. Мне нужно, чтоб ты и такие, как ты, торговали своим товаром свободно.

— Что-то вы запутались, хозяин, — прервал Мальчик. — Мне ведь нечем торговать, у меня ничего нет для производства товаров, сами же сказали.

— Правильно! У тебя нет средств производства. А торговать есть

чем — тем, что тебе действительно принадлежит. Смотри — руки-ноги есть? Голова на месте? Вот и торгуй...

— Чем — руками-ногами? Головой?

— Да ты что, — возмутился хозяин, — что ж я, живоглот какой? Людоед? Я готов купить у тебя не руки-ноги (они мне без пользы), а твою способность к труду. А ты готов ее продать. Во-первых, потому, что она полностью тебе принадлежит, это единственное, чем ты безраздельно владеешь. Во-вторых, потому, что ты сам ею воспользоваться все равно не можешь: средств производства-то у тебя нет. То есть налицо все признаки товара. Как сапоги в моей мастерской: принадлежат-то они мне, а носить-то я их все не могу — не сороконожка, поэтому толк мне от них один: продать. И тебе так же твоя способность к труду — товар, только для продажи и годен. И ты продаешь...

— Погодите — продаешь! — всполошился Мальчик. — Я должен прежде стоимость узнать.

— Чего узнавать прежде? Ты что, не понял еще, что стоимость узнается только в обмене? Раз ты согласен работать за харчи, значит, и твоя способность к труду за неделю не дороже шести обедов, трех золотых. За эти деньги я ее и куплю. Она для меня теперь будет рабочей силой. Коль я ее купил и пользуюсь, то должен тебе выложить три золотых в неделю, чтоб ты с голоду не помер, не ослабел, мог трудиться.

— Ну и все, и в расчете! Мой товар — ваши деньги, все по стоимости...

— Нет, погоди! Я, купив у тебя способность к труду, тут же продаю тебе, вернее, сначала даю в долг возможность трудиться. Ну, средства производства, одним словом: кожу, дратву, верстак, место в сарае. Это в стоимость рабочей силы не входит. Но я-то на это тратился, но ты-то этим пользуешься! Так что все, за тобой должок. — И хозяин победно посмотрел на обескураженного Мальчика.

— Да где ж я возьму? — опечалился тот.

— А не верил, — укоризненно пожурил хозяин... — Я же говорил: больше надо трудиться, больше. Что ж, придется тебе опять помочь, знай мою доброту. Ты, стало быть, сколько кожи купил на выручку от сапог? Одну. Так и быть, я дам тебе еще одну. Но ты уж за будущую неделю сделай не одну, а две пары сапог.

— Вдвое больше? — изумился Мальчик. — Это ж мне от зари до полуночи сидеть за верстаком не разгибаясь!

— А что делать? — сокрушенно заметил хозяин. — И, уверяю тебя, мне от этого достанутся только крохи.

Он взял уголек и, как недавно Мальчик, произвел подсчет прямо на верстаке...

Задача

Откуда берутся крохи для капиталиста?

Дано:

Стоимость 1 пары сапог на рынке — 5 золотых.

Стоимость рабочей силы 1 работника за 1 неделю — 3 золотых.

Спрашивается:

Какую прибыль может принести хозяину Мальчик, если делает за неделю 2 пары сапог?

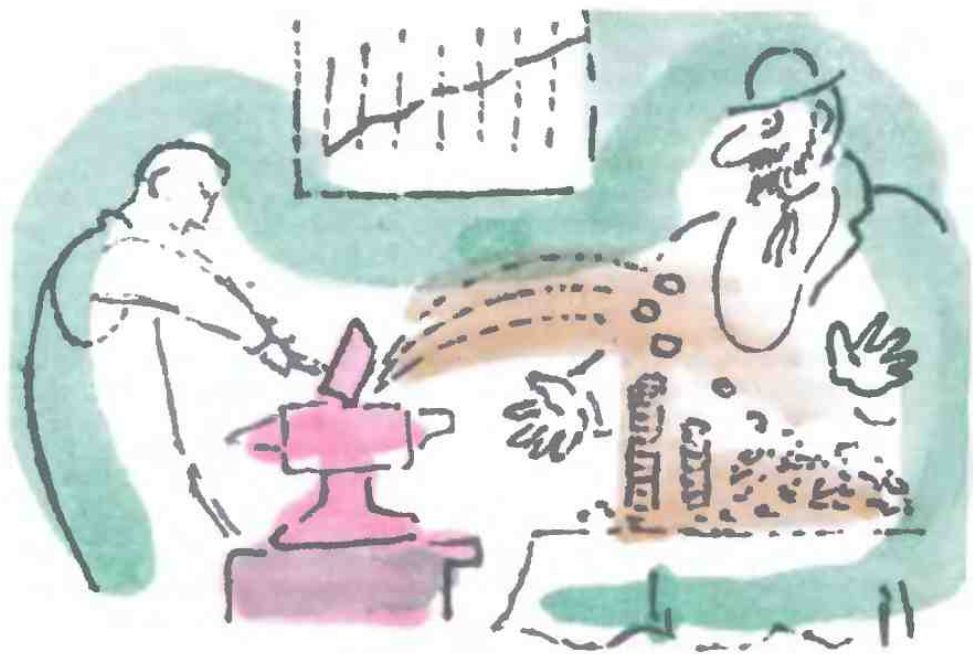
Решение:

1. Сколько стоят на рынке 2 пары сапог?

$$5 \text{ з.} \times 2 = 10 \text{ з.}$$

2. Во что обойдется производство 2 пар сапог хозяину?

обладают только той стоимостью, за которую капиталист их приобрел. А рабочая сила — товар, который сам приносит капиталисту увеличение стоимости. Исключительно выгодный товар. Надо только эту выгоду из рабочей силы умело извлекать. Надо ее использовать. Одним словом, эксплуатировать.

Это — закон: раз уж приобрел, денежки выложил — эксплуатируй. Иначе прогоришь. Ты можешь быть добрым малым, человеколюбом и вообще завзятым филантропом, но раз уж ты капиталист, источник дохода у тебя один — эксплуатация.

Ведь что такое капитал? Это стоимость, приносящая прибавочную стоимость.

Прибавочная — как сливки на молоке. Маслодел приобретает много молока, но исключительно ради вершков — сливок. Только из них получается масло. В цельном, только что надоенном молоке они неразличимы. Поэтому не всегда ясно, что лучше — бидон или цистерна? Если сепаратора нет или сепаратор работает плохо, маслоделу может быть пользы от цистерны — на стакан. Его дело — получить из этого молока масло, и, естественно, его не волнует, что чем больше он выжмет из молока сливок для масла, тем меньше останется пахты для творога и сыра, — это проблемы сыродела. А коль приобретал молоко маслодел, он уж позаботится, чтоб сепаратор крутился на полную катушку.

Стоимость так же бела и однородна, как молоко. Но капиталист знает, что выделит из нее сливки прибавочной стоимости, если хорошо раскрутит ручку сепаратора — эксплуатации. Он получит свое масло. И чем больше получит, тем меньше достанется тому, кому не до жира, кто должен довольствоваться пахтой.

Оправдания у капиталиста всегда под рукой: «Ведь это я тратился на средства производства. И на рабочую силу — тоже я...» Верно. Но и средства производства, и рабочую силу он покупал по стоимости. Товар продал по возросшей стоимости. А за прибавочную он не платил. Она вся — его. Он этой разницей живет. Умерить свой аппетит он не в силах: снизишь эксплуатацию — меньше будет увеличиваться стоимость, она не сможет уравновешиваться со стоимостями, которые извлекают другие капиталисты, выносящие свои товары на рынок.

Кому надо больше

Вот, стало быть, какая несправедливая ситуация сложилась в сапожной мастерской, куда мы привели Мальчика ради избавления его от феодальной зависимости. Привели, кстати, по подсказке Николая Экономова. Теперь он, неутомимый искатель справедливости, сидит рядом с автором и в нетерпении ерзает на стуле. Но подсказать что-либо не решается, боясь опять попасть пальцем в небо.

Я понимаю, мне и самому хочется обличить бессовестного капиталиста или хотя бы пристыдить. Добро бы, только мне да Экономову. Так ведь любой из читателей готов бросить обвинение зарвавшемуся дармоеду. Ну что — рука к перу, перо к бумаге — осудим? Однако свою правоту надо еще и суметь доказать.

— Это я-то дармоед? — возмутится Капиталист. — А что я такого сделал? Заставил Мальчика сшить за неделю две пары сапог вместо одной. То есть позаботился, чтобы один сапожник обувал за неделю не одного человека, а двух. И это — злодейство? Да общество должно быть мне благодарно! Давайте спросим у общества: как ему лучше — чтобы было на рынке сапог больше или чтобы меньше? Спросим или и так ясно? Между прочим, если мои мальчики-сапожники вдруг сделают лишние сапоги, так у меня их никто и покупать не будет, а я, естественно, прогорю. И несмотря на такую серьезную угрозу, я — оцените! — все же стараюсь, чтобы мальчики делали сапог больше. Да я им еще и машину, когда ее изобретут, куплю, чтобы каждый мальчик не вдвое, а в пять, в десять раз больше давал продукции. И что вы думаете? Общество мне будет только благодарно. Чем больше сапог, тем они дешевле. Я — смотрите — вообще двигаю технический прогресс. А вы — «дармоед»! Смешно, право. Нет, обидно даже.

Серьезный удар по нашим позициям, ничего не скажешь.

А мы что, не знали, что Капиталист — хитрюга и демагог? Нам есть что возразить. Пусть не шибко изображает из себя благодетеля. Он заставляет Мальчика вдвое больше надрываться на работе не для того, чтобы облагодетельствовать общество, а чтобы увеличить свою прибыль.

— Какая разница? — не смолчит Капиталист. — Люди-то носят на ногах не мою прибыль, а проданные мной сапоги. Неужели им было бы лучше ходить босиком или в неудобных деревяшках — лишь бы мне прибыли не принести?! А так и я сыт, и они обуты. Между прочим, и Мальчик не помирает с голоду исключительно благодаря этому.

Ну уж нет! Мальчик был бы сыт, сделав и одну пару сапог, — мы же помним!

Тут Капиталист вообще зайдется смехом:

— Вы промахнулись дважды! Во-первых, не сделает он и одной пары сапог без меня: средств-то производства у него самого нет! А во-вторых, если он будет сыт с одной парой сапог, то больше одной он и делать не станет! Такие сапожники никогда не смогут обеспечить наше общество сапогами. Зачем им повышать производительность труда — они же и так сыты! И машины таким сытым мальчикам не нужны: с машинами цена пары сапог понизится, да и тратиться на машину надо, а мальчишки — что за неделю ни сделают, то и проедают. Стало быть, что? Стало быть, вы — враги прогресса, если хотите, чтобы Мальчик делал не больше одной пары сапог в неделю. Стимул делать больше есть только у меня. Потому что я получаю от этого прибыль. Но получая ее, я ведь и Продукта обществу даю больше... А кстати! Ведь и вы в своем социалистическом обществе хотите, чтобы ваши рабочие давали больше Продукта. Чем же вы лучше меня?

Ну вот наконец он и попался.

Цель капиталистического производства — получить больше прибыли. Цель социалистического производства — полнее удовлетворить потребности людей. Мы хотим получить больше Продукта. Но мы не хотим, чтоб наш рабочий трудился от зари до зари. Какое же это удовлетворение потребностей, если, кроме станка, он ничего видеть не будет — ни детей, ни книг, ни театра? А капиталисту на это как раз наплевать. Пока мог, он устанавливал 18-часовой рабочий день, теперь, когда рабочие организованы, он и за 8-часовой рабочий день максимально выжмет из них силы. Хоть условия и изменились, цель прежняя: от рабочего ему нужна только прибыль.

— Ладно-ладно, — усмехнется Капиталист, — еще неизвестно, кто попался. Вот вы своего рабочего жалеете, а я своего не буду, — значит, всегда в моем обществе Продукта будет больше, чем в вашем.

Что сказать? Самонадеянность капиталиста не новость. Однако он опять неправ. Во-первых, в нашем обществе все трудятся, нет никого, кто на законном основании живет чужим трудом. Значит, нас, работающих, больше. А во-вторых...

— *А! Во-вторых, в-третьих, в-пятнадцатых!* — не выдержав, выскочил Экономов из-за авторской спины и в сердцах так хрястнул своим бойким кулачком по столу, что пишущая машинка (нежно любимая автором «Юнис де-Люкс-тривел») жалобно задрезжала и осеклась. — *Может быть, хватит разговоры разговаривать? Да еще с кем!*

И Экономов оглядел комнату, ища, на кого бы бросить свой невыразимо презрительный взгляд. Конечно, он никого не нашел (Капиталиста в доме не было, мы же его только вообразили), и этот взгляд пришелся на автора.

— Но, Николай, — попробовал было воспротивиться автор, ощущая перепуганную «Юнис», — мы вели глубоко принципиальный спор, хотя и воображаемый.

— Не о чем тут спорить! — отрезал наш юный друг. — Некогда Мальчику надо спастись!

— Да как же спасти? — упорствовал автор. — У нас конкретная историческая обстановка, определенная экономическая ситуация, сложившаяся социально-политическая структура...

Экономов, однако, был непреклонен.

— Уведите его, избавьте от этого кровососа!

— Николай, это нарушение законов повествования, — пытался усовестить автор, — да и экономики.

Лишь на минуту задумался оппонент, а потом решительно предложил:

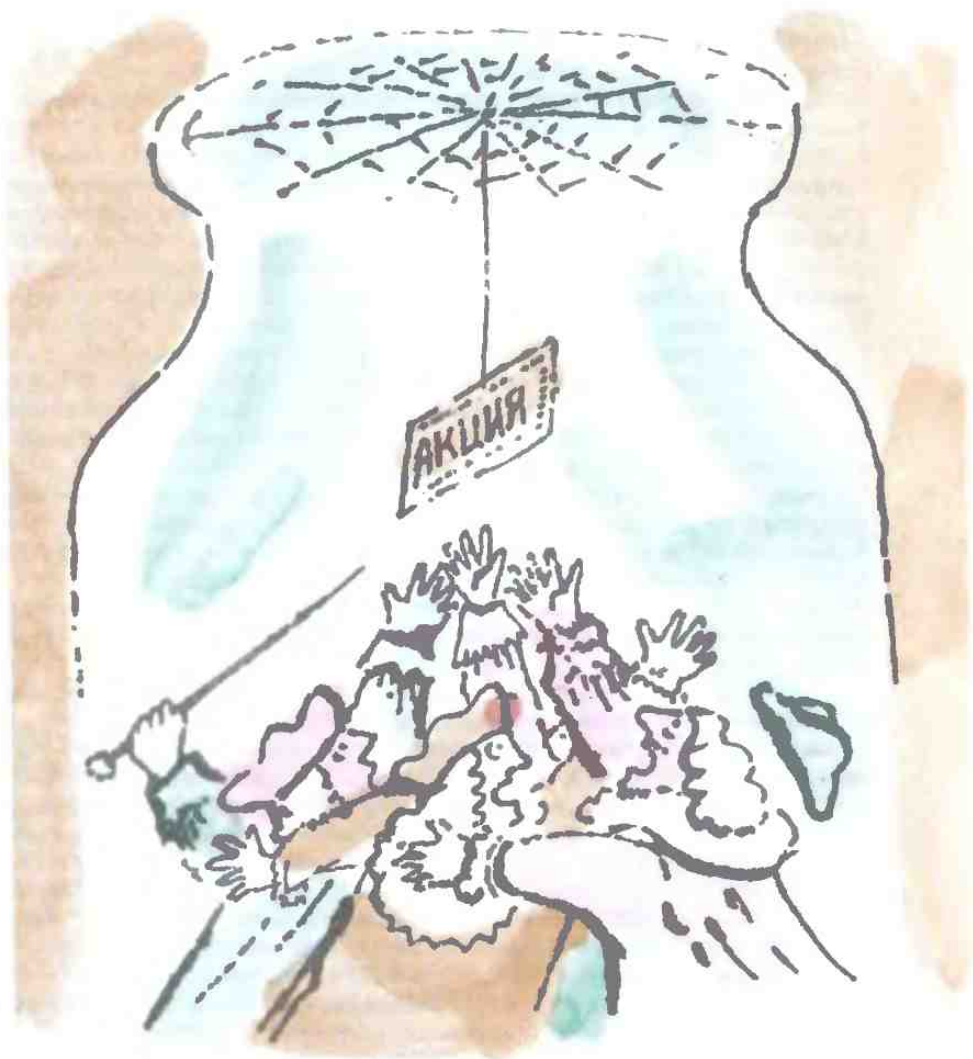
— Никакого нарушения. Он ведь теперь свободен. Так почему бы ему не уйти от своего хозяина-эксплуататора?

Ничего автору не оставалось, как выполнять условия игры. Тем более что и «Юнис» уже пришла в себя — можно было продолжать работу.

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

ПАУКИ В БАНКЕ

Всю ночь Мальчик не смыкал глаз. Обида, горестное чувство попранной справедливости томили его. Поутру он собрал сундучок с нехитрыми пожитками и явился к хозяину.

Комната, в которой раньше размещалась вся мастерская, была превращена хозяином в контору. Он уставил ее новой

мебелью, увешал зеркалами, да и сам облачился в барскую одежду: белую рубашку с кружевными манжетами, жабо и шелковый камзол, — стал пудрить голову по моде.

Несмотря на раннее утро, Капиталист выглядел утомленным. В задумчивости пощипывал гусиное перо и снова склонялся над разграфленным надвое листом бумаги, нервно записывал какие-то цифры, подчеркивал, опять писал.

— Вот, — пожаловался он вошедшему Мальчику, — бухгалтерию осваиваю... Баланс, видишь, не сходится. Беда прямо.

Мальчик молчал. Плевать он хотел на всякие капиталистические балансы, не за тем пришел.

— Небось и не знаешь, что это такое, — продолжал хозяин, не поднимая головы. — О, тут целая наука. Вот... деньги, которые выручил за товар. Это актив. А это — пассив. То, что я сам вложил в дело и взяв в долг и что должен выплатить по процентам... И теперь обе части надо сбалансировать. Чтобы они уравновесили друг друга, как чашки весов, а лучше, чтоб актив перевесил... Задача, доложу тебе... И все я, я один. Бедная моя головушка.

Мальчик уже терял терпение. Он тихонько громыхнул сундучком, чтоб как-то отвлечь хозяина от его увлекательного занятия. Тот наконец поднял голову, впервые посмотрел на Мальчика. Брови его поползли вверх, лицо налилось краской — недоумение, потрясение, гнев — все сразу отразилось в нем.

— А ты что же это, а? — закричал он возмущенно. — Ты что ж не у верстака еще? Ты как же это собираешься две пары сапог стачать за неделю, если спать все да по конторам гулять? Вон утро на дворе, а кожа еще не кроена. Да я тебя выгоню!

— А я и сам уйду, — спокойно ответил Мальчик. — Собственно, за тем и пришел — сказать. Не желаю я. Работай вдвое, получай столько же. Эксплуатация, понимаете...

Такого оборота хозяин не ждал. Он всплеснул руками и посмотрел на Мальчика с глубокой и искренней укоризной.

— Да ты что же, — проникновенно заговорил Капиталист, — думаешь, мне охота из тебя соки жать? Что я, по злобе? Это жизнь такая, такая моя хозяйская планида. Производство расширяется, расходы растут. Добро бы только на производство! Ну скажи, ну ты ж меня знаешь, ну на что мне это?.. — И он в раздражении сдернул с себя узкий камзол, стал пинать ногами диванчики и кресла. — Это все за чем? А должен покупать! Надо выглядеть солидно, богато. Иначе никакой ростовщик, а по-новому — банкир не даст денег в долг.

— Своих, что ли, не хватает? — усомнился Мальчик.

— В том-то и дело, что нет! Ты знаешь, сколько нужно денег, чтобы как следует, с настоящим размахом расширить производство? О, — он мечтательно закатил глаза, губы неслышно шептали числа... — Много! — Наконец выпалил вслух: — Они потом ко мне, конечно, вернутся, но сначала, для первоначального капитала, их надо получить в долг, в кредит. Вот моя главная забота на сегодняшний день...

Тут нам надо уяснить для себя, почему это бессердечный, вообще-то, капиталист вдруг как-то даже расстроился от перспективы расстаться с Мальчиком. Он уже понял, какой наш Мальчик смысленый. А терять смысленного работника — всегда убыток.

Гениально: бумажные деньги!

— Слушай! — доверительно сказал хозяин. — Не уходи, а? У меня такие планы!.. Новое дело затеваю. Прибыльное! Мне помощник нужен. Вот такой как раз смысленный, как ты. Денег надо достать. А тогда — ух и размахнемся!..

— Какой же из меня в этом деле помощник? — изумился Мальчик. — Где ж я денег достану?

— А ничего, — успокоил его хозяин, — сейчас как раз такое время — всем дают.

— То есть так просто всем и дают? — не поверил Мальчик (хотя верить ему хотелось).

— Ну не всем, — терпеливо объяснил хозяин, — а только приличным людям, которые собираются пустить полученные деньги в оборот. И не за так, а в долг, под проценты.

— Ростовщик, что ли, щедрый объявился? — проявил догадливость Мальчик, впрочем, без всякого интереса.

— Да нет же! — хозяин возбужденно заходил по комнате. — Стал бы я так суетиться из-за нового ростовщика! Много ли толку от этих скупердяев? Денег у них не допросишься, а дадут — так под грабительские проценты. Но сколько они могут дать?! Ну, пять тысяч, ну, десять, двадцать. А мне, может быть, для воплощения моих замыслов нужно... нужно... полмиллиона! Или... — ему не хватило воздуха, он на секунду даже сам оробел от дерзновенной своей мечты, — или целый миллион!

— Всякая мошна не бездонна, — философски заметил Мальчик.

— А вот и неправда, — победно глянул на него хозяин. — Недавно господин шотландец Джон Ло открыл в Париже Всеобщий банк.

— Это что-то вроде ростовщической конторы?

— В принципе, да. Любой банк служит для этого. Туда можно сдать деньги на хранение и получить деньги в долг. Последнее называется банковской ссудой. Если я, скажем, взял в банке ссуду, — значит, получил кредит. Ну допустим, мне для открытия нового дела нужно... — хозяин хотел сказать «миллион», но всегда так волновался, называя эту желаемую сумму, что теперь, щадя свои нервы, поскромничал, — сто тысяч. У меня таких денег нет. Я беру стотысячную ссуду в банке, то есть получаю кредит на определенный срок. И возвращаю с процентами. Эти проценты — прибыль банкира. Но мне эти сто тысяч — если я распорядился ими с умом — принесут еще большую прибыль. Так что нам обоим выгодно: ему больше дать, мне больше взять.

— Да чтобы дать, надо иметь, — возразил Мальчик. — Так ведь каждый хочет обогатиться. А на всех даже у банкира денег не хватит.

— В том-то и дело, — радостно воскликнул хозяин, — что в банке господина Ло денег хватает на всех!

— Откуда у него столько золота? — Мальчику справедливо показалось, что его морочат.

— Да ниоткуда. — торжествовал хозяин. — Золото ему дам я.

Допустим, тысячу ливров в качестве залога. А он мне — на сто тысяч ценных бумаг.

Мальчик оторопел. В его понятия о стоимости такой обмен не умещался.

— С одной стороны, — попробовал размышлять он, — банкир в прогаре: за тысячу ливров отдает товару на сто тысяч. С другой — вы. Это ж сколько бумаги, даже самой ценной, надо завезти, чтоб на сто тысяч ливров! Зачем вам столько? Ее ж не использовать, не продать.

— Ай, — досадливо поморщился хозяин, — ну ты опять не понял. Не простые это бумаги. Они называются банкноты Всеобщего банка. И много их не понадобится — всего, допустим, тысячу листочков, но на каждом написано: «Сто ливров». Вот, смотри...

Он открыл сейф и бережно вытащил оттуда новенькую, хрустящую бумагу — банкнот.

— А если бы здесь было написано «тысяча»? — поинтересовался Мальчик.

— Тогда банкнот стоил бы тысячу ливров. — Хозяин, видно, в совершенстве освоил систему.

— За один ливр — в десять раз больше?! — ужаснулся Мальчик. — Это ж против всяких законов стоимости! Да кто ж решится отдавать такие деньги за бумажку?

— Опять ты ничего не понял, — стал уже терять терпение хозяин. — Стоимость банкнота на нем и указана. И никто денег на нем терять не собирается. За столивровый банкнот можно купить тот же товар, что и за сто ливров золотом или серебром. На то есть специальный королевский указ. А если ты такой любитель золота, то пожалуйста: выдав тебе банкноты, Всеобщий банк берет на себя обязательство в любой момент обменять их на монеты. Банкноты те же деньги, только бумажные.

— Все равно не понял, — нерешительно сказал Мальчик, — какой смысл покупать деньги за деньги?

— О! — торжествуя заключил хозяин. — В этом и есть гениальное изобретение господина Ло...

И он разразился проникновенной, пространной речью во славу своего бога — денег.

Оказывается, деньги — главное, чего не хватает людям для счастья. И более всего их не хватает капиталистам. То есть не то чтобы они в обществе самые нищие (хозяин такого не говорил, ведь Мальчик все равно бы не поверил).

Но им деньги нужнее всех. Им нужно много, все время больше. Они могут бесконечно развивать и развивать производство и торговлю. Единственное, что сдерживает их и тех, кто на роль капиталистов претендует, — нехватка денег. Убери эту препону — и наступит всеобщее благоденствие.

Но как? Нельзя же предоставить капиталистам, даже в долг, больше денег, чем есть свободного золота в стране? И господин Ло нашел выход: надо увеличить количество денег настолько, чтобы хватило всем желающим вложить их в капитал. А так как золотой запас ограничен, надо превратить в деньги долговые расписки банка — банкноты. Бумаги-то на них всегда хватит.

Тут Мальчик, правда, усомнился: уж слишком все просто. «Если у меня, — прикидывал он, — в достатке бумажных денег и на них я могу купить все необходимое, зачем мне еще и товар производить?» Но хозяин успокоил: банкноты банк выдает только для вложения в капитал, а капитал всегда приносит больше стоимости, чем стоит сам. Так что в конце концов, за счет этой разницы, бумажные деньги уравновесятся полновесным золотом или товаром, который этого золота стоит.

— Господин шотландец еще и не то придумал, — радостно сообщил хозяин, почувствовав, что все-таки убедил упрямого собеседника. — Он продает еще и такие бумаги, которые сами приносят доход. Представляешь?

— Ну, это уже вообще непонятно. — Представить такое Мальчик и вправду был не в силах.

— Честно говоря, — признался хозяин, — я и сам толком не знаю, как так может быть. Знаю только, что бумаги эти называются акциями и купить их очень трудно. Вот почему мне и нужен помощник. Сам-то я надолго оставить мастерскую не могу, а тебе доверяю. Одну тебя поприличнее, денег дам. Ты отправишься в Париж, все толком разузнаешь, выдашь себя за моего сына, возьмешь ссуду во Всеобщем банке, а главное — постарайся (если дело так выгодно, как о нем рассказывают) купить акции.

Предложение несколько обескуражило Мальчика. Но уж очень хотелось в Париж. К тому же — как ни сложно было поручение — оно все-таки заманчивее, чем перспектива тачать по две пары сапог в неделю. Мальчик согласился. Он отправился в Париж.

Столичный переполох

Мальчик вошел в Париж ранним утром. Он не спешил спрашивать дорогу, надеясь, что и отыскать здание банка, и осмотреться, и поболтать с привратником время у него будет.

Но против ожиданий, чем более приближался Мальчик к центру, тем оживленнее становилось на улицах. И те, кому вроде бы не полагалось иметь дела в богатых кварталах, и те, кому полагалось в этот час почивать: ремесленники и франты, священники и военные, лакеи и стряпчие, буржуа и дворяне, — пешком, верхом, в экипажах и даже на костылях спешили куда-то, словно боялись опоздать. Приглядевшись, Мальчик обнаружил, что вся эта разношерстная публика, которую ничто вроде не должно бы соединять и никакой общей заботой связать невозможно, движется в одном направлении.

Он забеспокоился. Может, на сегодня назначен какой-то праздник или казнь важного преступника, все и устремились туда. А у него-то цель иная, значит, с ними не по пути! Надо выяснить, куда идти, и следовать себе своей дорогой. Мальчик выбрал среди прохожих кого попроще — какого-то школяра с добродушным, приветливым лицом — и вежливо спросил:

— Сударь, не подскажете ли, где мне искать Всеобщий банк господина Ло?

— Королевский банк, вы хотели сказать? — поправил его школяр. — Теперь это Королевский банк, соединенный с Миссисипской компанией, сударь. И если вы по тому же делу, что и я, искать его не надо: туда, как в Рим, ведут все дороги. Все эти люди торопятся к дверям компании, сегодня как раз подписка. Пристраивайтесь, а то не успеете.

— Что ж они так торопятся? — любопыствовал Мальчик, поспешая за словоохотливым школяром. — В такую-то рань!

— Ах, сударь, — не останавливаясь отвечал школяр, — сразу видно, что вы издалека. Торопятся, потому что уже опоздали. Предусмотрительные люди караулят час открытия со вчерашнего дня, чтобы получить возможность приобрести акции.

Услышав знакомое и в то же время таинственное слово, Мальчик изо всех сил припустил вслед за школяром, хотя с непривычки ему было трудно в новых туфлях. Чтобы как-то унять боль в стертых ногах, он решил отвлечься беседой и учтиво дернул за рукав школяра:

— Не откажите в любезности, сударь, объяснить глупому провинциалу, что за прок от этих акций? Ибо я имею деликатное поручение...

— Что, и тебя отец послал состояние сколачивать? — свойски перешел на более близкий ему (а мы знаем — и Мальчику) язык школяр. — Помешались все на этих акциях... Хотя, конечно, дело прибыльное. Каждый может разбогатеть.

— Как это?

— А стать акционерами. Ты слушай. Знаешь, наверное, что нашей любимой Франции принадлежат земли в Новом Свете? (Мальчик этого не знал, но сразу поверил.) В том числе и вдоль реки Миссисипи. Это такая огромная река, что наша Сена по сравнению с ней ручеек. Там столько свободных земель, лесов со зверьем, железа, золота! В общем, рай. Но чтоб освоить эту райскую страну, нужны деньги. Снарядить флот, построить города и села, шахты. Даже у короля таких денег нет. И ни у какого подданного королевства — тоже. А вот если много состоятельных, а пусть и не очень состоятельных людей — лишь бы много — объединят свои капиталы, тогда хватит. Но это дело надо организовать, средствами распорядиться. Те, кто внес деньги, получают специальные бумаги — акции. Чем больше акций купил, тем большая часть прибыли от деятельности компании достанется тебе.

— И надо отправиться в Новый Свет? — поник Мальчик, зная, что хозяин его не отпустит.

— В том-то и дело, что нет! Времени это занятие по освоению Миссисипи не занимает, акции купил — и знай себе получай дивиденды, так называются проценты от кредита. Ты сразу становишься хоть чуть-чуть, но — капиталистом. Вот все и стремятся. Ведь выгодно! Край там благодатный, жители радушны, французов любят ужасно, сразу встречают и несут, несут золото, драгоценные камни, диковинные плоды в обмен на всякие безделушки, которые у нас просто некуда девать.

— Ты-то откуда знаешь? — усомнился Мальчик.

— Так пишут в изданиях господина Ло, — важно заметил школяр, — значит, правда. А то бы стали люди за этими акциями давиться? Вот сейчас увидишь...

Да, они уже подходили к зданию Компании Индий, или, как ее называли, — Миссисипской. Школяру не пришлось объяснять это. Люди

шли сплошным потоком, экипажи застревали — было невозможно протиснуться сквозь скопище возбужденных пешеходов. И когда за углом последней улицы открылась площадь, Мальчик оторопел.

Такой толпы он не видел со времени Древнего Рима. Многоотысячная очередь осаждала подъезд. Все смешалось в этом столпотворении. Нарядные дамы, покинув бесполезные теперь экипажи, толклись в очереди вместе с извозчиками, важные аристократы — с неизвестными лапочниками. Все одинаково волновались, все были равны перед призрачностью этого нового счастья.

Еще не придя в себя от такого разгула демократии, Мальчик по примеру школяра расталкивал локтями почтенных и малопочтенных господ, пока не уперся в сплошную людскую стену. Двигаться дальше было некуда. Да Мальчик и не видел в этом смысла. Он уже понял: здесь ему мало что светит. Но не таков наш Мальчик, чтобы отчаиваться. Трудности в достижении цели лишь побуждают к действиям.

— Слушай, — толкнул он в спину тоже заметно поскучевшего школяра, — а нельзя ли где в другом месте приобрести акции?

— Можно, — с безнадежностью в голосе ответил школяр, — да не про нашу честь. Люди особо знатные и влиятельные здесь не толкуются, а ищут пути к самому господину Ло. И еще можно перекупить акции на бирже. Только я туда не пойду — надуют, глазом моргнуть не успеешь.

— Ну как знаешь, — заключил Мальчик, уверенный, что уж его-то надуть никому не удастся.

Новая профессия: спекулянт

Надежда прибавляла сил. Забыв о стертых ненавистными туфлями ногах, Мальчик помчался на улицу Кенкапуа, где располагалась биржа.

Однако там творилось то же самое. Такая же разношерстная толпа. Только шуму больше. Какие-то солидные господа выкрикивали какие-то суммы. Какие-то шустрые молодые люди, по виду судейские, сновали от одной группки к другой, заискивали, сердились, что-то записывали в толстых блокнотах. Разобраться в этом растревоженном улье было совершенно невозможно. Мальчик обессиленно прислонился к стене.

Но и здесь, оказывается, шел торг. Рядом с Мальчиковым пристанищем беседовали двое. Их можно было принять за господина и лакея, если предположить, что лакей отважится на равных спорить с господином, а тот до такого снизойдет.

— Антуан, — говорил похожий на господина, — ты должен уступить мне эти акции хотя бы за два номинала, я куплю все оптом.

— Никак нельзя, господин граф, — отвечал похожий на лакея. — Вы же знаете, ради вас я готов терпеть любые убытки, но меньше пятнадцати номиналов никак нельзя.

— Совести у тебя нет, Антуан, — увещевал граф. — Мы же с тобой не чужие люди. Они же тебе обошлись по дешевке. Разорить меня хочешь?

— Вы несправедливы ко мне, господин граф, — упорствовал Антуан. — Как я рисковал, истратив все свои сбережения на акции! Разве риск не стоит денег? Не моя вина, что курс повысился. Только из почте-

ния к вам уступаю за пятнадцать номиналов. Вы же знаете — они сегодня идут по двадцать. А завтра, может, и по тридцать пойдут.

— Ах, Антуан, так-то ты платишь за мою доброту!

— Знаете, граф, — осмелел Антуан, — доброта денег не стоит, а акции — стоят... Пожалуй, не буду вам вообще ничего продавать по такой цене. Прогорю я с вами.

— Да ты что? — вскипел господин, привычно хватаясь за трость, чтобы взгреть обнаглевшего лакея.

Но тот только улыбался:

— Хотите получить акции — перепишите на меня ваше поместье и землю, тогда и денег не надо.

Граф в гневе плюнул ему в лицо и зашагал прочь.

— Ничего, — пробормотал Антуан, спокойно утираясь, — вернешься еще, никуда не денешься.

Вообще. Мальчику нравилось, когда осаживали заносчивых аристократов, но почему-то радости от только что увиденной сцены он не испытал, равно как и гордости за угнетенное сословие. Честно говоря, противно было. Однако следовало приступить к делу.

Покрутившись с независимым видом вокруг безмятежного Антуана, Мальчик, как бы невзначай, спросил:

— Вы часом не Миссисипской компании акции продаете, месье?

— Интересуетесь? — оценивающе оглядел Мальчика тот.

— Да, — с достоинством подтвердил Мальчик и вроде бы машинально похлопал себя по карману с кошельком, где монеты звякнули тяжело и внушительно, — только мне бы глянуть на них.

Антуан оценил жест. И в свою очередь развернул акционерную ассигнацию. Мальчик увидел указанную на ней стоимость — 500 ливров. Этого ему и надо было.

— Я, пожалуй, приобрету у вас две акции, — важно произнес он и вытащил кошелек. — Здесь ровно тысяча ливров.

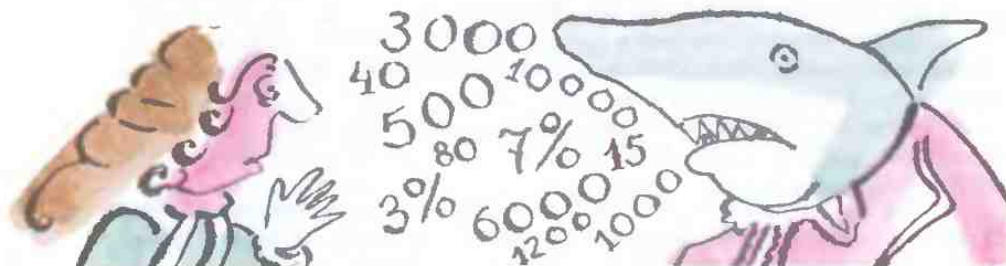
Обескураженный барышник долго непонимающим взглядом смотрел на Мальчика, словно и не замечая протянутого ему кошелька.

— Да вы что, сударь, — произнес он, наконец обретя дар речи, — издеваетесь надо мной?

Мальчик мужественно выдержал взгляд. Он одним был озабочен: чтоб не надули, и твердо помнил объяснения хозяина по поводу банкнот: сколько на ценной бумаге написано, столько она и стоит. Поэтому, не тушуясь в новой обстановке, возразил:

— Разве дважды по пятьсот — не тысяча? Я считать умею!

— Это же акции! — взвопил Антуан. — Живое дело! А что на них

написано — не имеет значения. Меньше десяти тысяч за штуку и разговору быть не может.

— А сами за сколько купили? — строго поинтересовался Мальчик.

— А вот это уже никакого значения не имеет. В первый год существования компании пятисотлировая акция стоила двести пятьдесят ливров, и все равно никто не брал. Когда сам господин Ло приобрел двести акций, пообещав через полгода заплатить по пятьсот, по номиналу, за каждую, сколько бы она к тому времени ни стоила, над ним все смеялись.

— И что?

— А то, — с гордостью за господина Ло, как будто это его родственник, заключил Антуан, — что через полгода они стоили в несколько раз дороже номинала — так подскочил спрос. И господин Ло, благодаря своей смелости, положил в карман громадную прибыль... А вы предлагаете продать по номиналу. Эти пятисотлировые акции уже и компания продает по пять тысяч, да попробуй купи. Ну, а я перепродаю за десять. Один мой знакомый биржевой маклер говорит, что и по пятнадцать, по двадцать тысяч будут они стоить. Знаете, сколько я могу выручить за те десять акций, что у меня есть? Пятнадцать центнеров серебра!

— Спекуляция на дефиците, — прошептал Мальчик, вспомнив объяснения хозяина.

— Я ж говорю, — отозвался спекулянт, — дело живое.

— Но у меня нет таких денег, — пожаловался Мальчик, — и поспешно добавил: — С собой.

— Это ваши проблемы, — утратил интерес к покупателю Антуан, — обратитесь в банк, заложите свои монеты, возьмите кредит, купите акции — богатеете на здоровье. Сейчас все богатеют прямо на глазах. А пока прощайте!

Мальчик задумался. Насчет банка идея, конечно, здоровая. Но все равно покупать акции по спекулятивным ценам биржи — невыгодно. Он вспомнил: школяр говорил, что знатные люди добиваются покупки акций дома у этого гения Ло. Мальчик решил попытаться счастья.

В логове Ло

Он уже был близок к дому великого банкира и министра, оставалось пройти переулочек, свернуть на улицу, где высился украшенный лепниной особняк. Но в конце этого переулочка идущая впереди карета вдруг остановилась, загородив дорогу. Мальчику пришлось протискиваться между домами и экипажем. Тут он совершенно случайно стал свидетелем такого разговора. Красивая дама в роскошном платье и дорогой шляпе, высунувшись из каретного окошка, внушала кучеру:

— Так ты понял, Жак? Возле самых дверей и шумно. Только не перестарайся — еще покалечишь.

— Не извольте беспокоиться, — заверял кучер, — все исполню в лучшем виде.

— Ну, с богом, — кивнула дама и перекрестилась.

Когда Мальчик свернул на улицу, карета его обогнала, пронеслась на полном ходу дальше и вдруг перед домом банкира с грохотом, звоном, ржанием коней, испуганными криками — кучера, дамы, прохожих — опрокинулась набок.

Такое несчастье! Мальчик бросился на помощь. Вместе с кучером, который выглядел почему-то вовсе не обескураженным и виноватым, а даже довольным, они стали вытаскивать из кареты даму — она была без чувств. За их спинами топтался растерянный привратник, выскокивший на шум. Из растворенного окна особняка прозвучал уверенный голос:

— Франсуа! Помогите, доставьте даму сюда.

При этих словах хозяйка кареты, как показалось Мальчику, несмело улыбнулась, помогла подхватить себя поудобнее, впрочем не выходя из бесчувствия.

Ведомые исполнительным привратником, они внесли пострадавшую в комнату, обставленную с такой роскошью, какой Мальчику еще не приходилось видеть. Кучер незаметно исчез, когда вошел сам хозяин, окруженный гостями. Дамы щебетали испуганно и восторженно. Мальчика, правда, удивило, что щебечут они не о состоянии несчастной дамы, а о великодушии и добром сердце господина Ло.

— Как вы себя чувствуете? — склонился он над дамой, уложенной на кушет. — Послать за лекарем?

Дама раскрыла прекрасные глаза.

— Ах, господин Ло! — воскликнула она и снова лишилась чувств.

Лакей поднес к ее лицу флакон с нюхательной солью, от чего дама дернулась и неохотно пришла в себя.

— Могу ли я чем-нибудь вам помочь, мадам? — опять спросил хозяин.

Дама слабо улыбнулась.

— Господин Ло... — Кажется, она опять собралась упасть в обморок, но, покосившись на лакея с флаконом, передумала, — господин Ло спрашивает, чем он может помочь бедной герцогине?..

Внезапно дама выпрямилась и с живостью, которой нельзя было ожидать от человека, только что пребывавшего в бессознательном состоянии, произнесла:

— Конечно можете! Вы и только вы можете мне помочь. Я давно искала встречи с вами, великий человек. Раз уж несчастью, — тут она лукаво улыбнулась, — суждено было подарить мне такую удачу, я обращаюсь к вам за помощью. Вы знаете, какой.

Умолкнувшие было дамы возмущенно загалдели. Хозяин дома поднял брови от удивления, потом смежил их в задумчивости — не прогневаться ли? — и все же великодушно рассмеялся. Сам по натуре авантюрист и игрок, он умел по достоинству ценить и чужие выходки.

— Я понял, чего вы хотите, — смеясь подтвердил Ло, — и не смею вам отказать. ...Месье Серж, — подозвал он секретаря, — обеспечьте нашу гостью пакетом акций.

И дама бросилась целовать руки своего спасителя и благодетеля. Тут благородные гости господина Ло вообще возроптали. «Герцогиня! — перешептывались они. — Публично! Целует руки! Какой позор!..» Но та не испытывала ни малейшего стыда, она выглядела абсолютно счастливой.

— И вы, молодой человек, — обратил внимание на Мальчика Ло, — тоже явились за этим?

Мальчик растерялся.

— Нет, — неожиданно для себя выпалил он, — мне хотелось бы разобраться в финансовой деятельности Банка.

Надо сказать, здесь было вовсе не то общество, где стремление к познаниям считалось добродетелью. Послышались насмешливые замечания, снисходительные пофыркивания. Мальчик ловил на себе презрительные взгляды, а дама, только что обреченно признавшая в нем товарища по удаче, недоуменно повертела пальцем у виска. Один лишь господин Ло, фанатик финансов, романтик кредита, проникся к нашему герою симпатией после столь рассудительного ответа.

— Месье Серж, — распорядился он, — удовлетворите любопытство молодого человека. Мне кажется, он заслуживает всяческого нашего расположения.

Миллионы из воздуха

Секретарь был раздражен. Но, как потом выяснилось, его недовольство касалось не Мальчика, отказавшегося сразу заграбастать дефицитные акции, а дамы, которая устроила эту умелую инсценировку с опрокидыванием кареты.

— Житья нет от этих аристократов, — сетовал месье Серж, когда они с Мальчиком сошлись поближе. — Вчера один тип проник в дом через печную трубу, свалился в камин — давай ему акции. Сегодня — эта. А я — убытки терпи.

— Почему — вы? — не понял Мальчик.

— Ну как же, — откровенничал секретарь, — столько народу стремится быть представленным господину Ло, что никому на это не жалко никаких денег. А кто может устроить аудиенцию? Я, конечно. Но не бесплатно. Уже довольно-таки солидное состояние заработал. А эти проникают в обход меня, и я оказываюсь без барыша.

— А что все стремятся покупать эти акции? — поинтересовался Мальчик, не решаясь как-либо оценивать степень порядочности притязаний могущественного секретаря. — Дорого ведь.

— Ну, — равнодушно пожал плечами тот, — рассчитывают на прибыль.

— И действительное прибыльное дело?

— Как вам сказать... Вообще, освоение новых земель — дело при-

большое. Но дорогое. Тут вся задача — привлечь побольше денег, строго говоря, сконцентрировать капитал. Поэтому нужно, во-первых, акционерное общество, во-вторых — ажиотаж вокруг акций. Тогда и акций больше покупают, и сами акции дороже стоят.

— Так ведь дорогие не всем по карману, — заметил Мальчик. — Мне, например, не хватило тех денег, что дал хоз... то есть отец.

— А, тут все предусмотрено, — успокоил его секретарь. — Для того мы и слили компанию с банком, чтобы всякий, кому не хватит денег на покупку акций, мог взять у нас кредит и все-таки их купил — у нас же.

— А если и в банке не хватит денег?

— В нашем? — секретарь взглянул на Мальчика с нескрываемым превосходством. — Практически невозможно. В любом другом банке — да. Любой другой банк как строит свой баланс?..

Мальчик поморщился — опять это скучное слово. Но он же сам выврался вникнуть в суть, так что отступать некуда.

— Ну, допустим, — объяснял секретарь, — владельцы банка внесли первоначальный капитал на миллион ливров золотом, миллион вложили вкладыши. Банк печатает банкнот на миллион ливров — и живет спокойно. Пассив у него три миллиона, в активе — столько же: два миллиона золота и один миллион выданных ссуд. Такой банк ничем не рискует. Если в какой-то день все банкноты и вкладыши будут предъявлены к оплате — все клиенты свое получают. Двух миллионов золота на это хватит. У нас — другое дело. С таким же капиталом, с теми же вкладами мы можем отпечатать банкнот на десять миллионов. А это значит: сразу двенадцать миллионов поступит в оборот.

— А если все банкноты будут предъявлены к оплате? — смекнул Мальчик. — Золота ведь всего два миллиона, в пять раз меньше, чем банкнот.

— В том-то и дело, конечно, риск есть. Но зачем людям может понадобиться золото? Только если некуда вложить капитал. Вот мы и создаем условия, чтобы было, куда вложить. В акции компании, например. Вкладывай и вкладывай — Миссисипи, как прорва... Вот у нас сколько денег?

— Тысяча ливров, — ответил Мальчик.

— Ну, с такими деньгами не развернуться! Давайте, я все устрою, внесите их в банк — получите ссуду в десять тысяч, купите хоть две акции. И все — сидите дома и получайте дивиденды. И нам хорошо — вы на тысячу ливров увеличите наш золотой запас, и вам — мы в десять раз увеличим ваше состояние.

Конечно, Мальчик не заставил себя уговаривать.

Крах

Когда он вернулся домой и все рассказал хозяину, разыгралась такая бурная сцена восторга и отчаяния, что описывать ее из экономии времени автор не станет. Приступы радости от превращения тысячи ливров в десять тысяч сменялись у хозяина жестокими терзаниями по поводу упущенных возможностей. Он понял, что нельзя терять времени — надо скорее раздобыть побольше денег, чтобы выручить еще

больше банкнот, приобрести как можно больше акций — и богатеть, богатеть... Но где же взять много денег сразу? В горячности первого порыва хозяин даже решил было продать свою мануфактуру, весь запас материалов и инструмента, а все вырученные деньги обратить в акции, то есть стать уже не промышленным капиталистом, а рантье...

ОСТОВ. РАНТЬЕ

Это капиталист, который живет за счет процентов от капитала, обращенного в ценные бумаги, акций, например. Из всех капиталистов рантье самые большие бездельники и дармоеды, ведь в процессе производства они не участвуют никак. Избавлены даже от труда по организации производства. Но в эксплуатации трудящихся участвуют — не ударив палец о палец. Ведь что такое получаемые ими проценты от капитала, как не полученная в результате эксплуатации прибавочная стоимость?

Но что-то хозяина удержало. Какая-то интуитивная капиталистическая осторожность. Он решил не зарываться, накопить большие деньги постепенно. Стал эксплуатировать рабочих пуще прежнего, увеличил выпуск товаров и в конце концов накопил через несколько месяцев десять тысяч ливров и с этими деньгами отправил Мальчика снова в Париж.

Теперь Мальчик первым делом направился знакомой дорогой на биржу. Прежде следовало узнать курс акций — чтобы уяснить, какую ссуду запросить в банке.

Что тут творилось! Суета, которую застал на бирже Мальчик в прошлый раз, нынче сошла бы за церковную тишину. Казалось, весь Париж участвует в этом переполохе. Крики отчаяния неслись из толпы. Народ все прибывал.

Мальчик застыл в растерянности. С тем богатством, что хранилось у него в специальном поясе, надетом под рубашкой, он не решался вступать в беспокойную толчею, здесь явно было раздолье для воров.

Но ему повезло. Из людской массы на волю выбрался тот самый лакей-спекулянт Антуан. От его бывшего лоска не осталось и следа: лицо в ссадинах, сюртук разодран, — в общем, на этот раз он не производил впечатление удачливого коммерсанта. И тем не менее Мальчик с надеждой бросился к нему.

— Сударь, вы узнаете меня? В прошлый раз мне не хватило денег для достойной сделки. Но сейчас, если у вас еще остались акции...

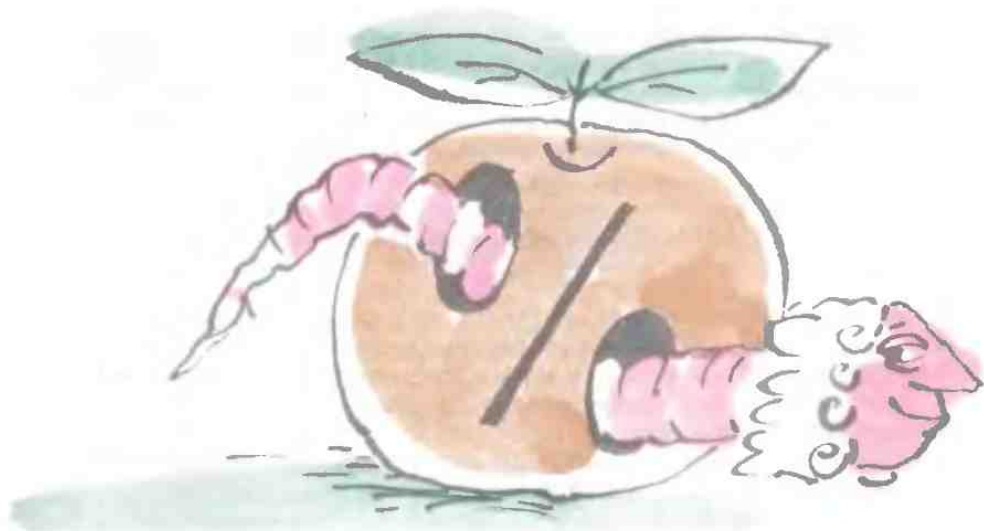
— Ах, ну конечно остались! — радостно вскричал Антуан, крепко хватая Мальчика за рукав. — Купите, прошу вас, скорее купите, спаситель вы мой!

Несколько ошарашенный такой переменной тона, Мальчик попытался объяснить:

— Погодите, у меня с собой только десять тысяч, я еще собираюсь взять ссуду в банке..

— Нет! — воскликнул Антуан. — Только не это! Не надо банкнот.

Золото, серебро, медь — что угодно, сколько угодно — только не банкноты.

— Но золотом у меня всего десять тысяч.

— Вот вам двадцать акций, — поспешно полез в карман Антуан.

— Погодите, — осадил Мальчик, подозревая неладное.

— За пять тысяч, — сразу сбавил Антуан, — за три...

Тут Мальчик окончательно убедился, что во время его отсутствия на бирже произошли какие-то перемены. Он попытался высвободить свой рукав.

Не тут-то было...

— Хорошо-хорошо, — скитрил наш герой, как всегда, привык поступать в таких случаях, — сейчас я сбегая за деньгами и вернусь.

Воспользовавшись кратким замешательством, он вырвался и побежал к дому господина Ло. Уж наверное, помня приказание великого банкира, его ловкий секретарь все объяснит.

И опять ему показалось, что весь Париж спешит в одном с ним направлении. И чем дальше, тем больше крепло в нем это ощущение. А уж когда Мальчик вышел на знакомую улицу, он вообще не знал, что подумать.

Разъяренная толпа штурмовала дом, как неприятельскую крепость. Люди выкрикивали проклятия, размахивали палками, швыряли булыжники в окна. Под самой стеной были выстроены в каре повозки, груженные... боеприпасами? Нет, разглядел Мальчик, бумагой... Порыв ветра разворошил бумажные кучи — и над толпой вознеслись легкие листы. Мальчик изловчился, поймал один — и похолодел. Это были банкноты!

— Ло — мошенник и вор!.. Ло! Верни наши деньги!.. Ло — на виселицу! — скандировала толпа.

Поскальзываясь на разваленных там и сям пачках никому не нуж-

ных денег, Мальчик поспешил в обход. Он решил пробраться в осажденный дом с тыла и все-таки выяснить, в чем дело. Тут в глухом переулке прямо перед ним спрыгнул со стены человек, заматанный шарфом по самые глаза и с ларцем под мышкой. Увидев Мальчика, он испуганно отпрянул. Но тот узнал его — это был секретарь Ло.

— Месье Серж! — закричал Мальчик. — Что случилось?

— Бежим! — бросил на ходу секретарь и припустил в противоположную от бушующей улицы сторону.

Лишь оказавшись на почтительном расстоянии от этого ужасного места, он снова обрел дар речи и наконец ответил:

— Крах! Банк лопнул. Компания прогорела. Ло низложен. Франция разорена.

— Но как это произошло? — искренне удивился Мальчик.

— А я и сам толком не знаю, — ответил беспечный секретарь. — Так все было хорошо... И вдруг трах-бах — крах.

— Но есть, наверное, какие-то причины...

— Да есть, конечно, — признался секретарь. — Какие-то слишком умные финансисты стали предъявлять банкноты к оплате. И много — мы же много банкнот выпускали. А откуда у нас столько золота?

— Как откуда? А прибыль от развития производства? Вы же ссуды выдавали только на вложение в оборот.

— Да, это простым смертным. А какой был у нашей любимой Франции государственный долг? Вот государственные долги и выплачивались из наших средств. Эти расходы прибыли не дают. Золото уходит, а банкноты печатать надо, чтоб хоть чуть-чуть еще пополнить золотой запас.

— А Компания? — подсказал Мальчик. — Такое прибыльное дело — золото должно было потечь рекой.

— А! — махнул рукой секретарь. — Вы что ж думаете, все деньги, вырученные от продажи акций, мы тратили на корабли и товары для Миссисипи? Только малую часть.

— А остальное?

— На то же самое — погашение государственных долгов.

— И что, все ваши вкладчики, все ваши акционеры теперь разорились?

— Ну не все, конечно, — успокоил Мальчика месье Серж. — Кое-кто, наоборот, разбогател. Я, например. Или вот герцог Бурбон. Он сколотил двадцать пять миллионов ливров на спекуляциях акциями и успел все их обратить в ценности. Королевская семья, герцог Орлеанский совсем не пострадали. А всякие там ремесленники, мелкие торговцы и дворянчики, даже крестьяне, которые накопили сбережения в банкнотах, те прогорели. И сам господин Ло. В этом ларце все его состояние — восемьсот золотых монет. Но я думаю, ему их не удастся провезти через границу. Печальная история, сударь...

У дома, где скрывался самый популярный человек Франции, они простились. Мальчику предстояло возвращаться к хозяину и тянуть лямку без надежды на экономические чудеса. А финансовому кудеснику Ло — бежать в Италию и умереть на чужбине в бедности и одиночестве. Ему так и не довелось узнать, что его изобретению суждена долгая жизнь в образе вечного спутника хозяйственного разлада — инфляции.

Тем, кто привык пить чай с сахаром, одной ложки на стакан кажется мало. Две — в самый раз. А если пять?

Такой приторный сироп надо разбавлять кипяточком, иначе и пить не станешь. Но для этого придется сначала полстакана отлить в раковину.

Сплошные убытки. Выходит, для утреннего чая ты использовал пять ложек сахара вместо двух. Сахар обесценивается, как... Как деньги...

Потому что с ними происходит то же самое, когда нарушены пропорции, когда деньгами перенасыщен рынок.

Это и называется инфляцией.

«Экономическое чудо» Джона Ло потому провалилось и вместо благоденствия ввергло Францию в разорение, что в экономике чудес не бывает. Все товары, имеющиеся в государстве, стоят всех имеющихся в государстве денег, и не меньше. Точно так же — на все деньги, что есть в стране, можно купить все имеющиеся в стране товары. Но не больше. Ведь на то деньги и нужны, чтоб обмениваться на товары.

На количество товаров искусственно повлиять невозможно: сколько произведено в стране и в нее завезено, столько и будет. А на количество денег, особенно бумажных, государство повлиять может — бумага стерпит.

Но так как все они все равно должны уйти на покупку всех товаров, каждый товар будет просто стоить больше денег — поднимутся цены.

Ну, арифметика: при неизменном делимом делитель больше — меньше частное, делитель меньше — частное больше.

Тогда какой смысл государству печатать избыточные купюры? Бывают ситуации... Скажем, война. Сколько народу оторвано от производства Продукта, служит в армии! Войско надо вооружить, поить его, кормить и одевать, платить жалованье солдатам и офицерам. То есть Продукт уменьшается, а количество людей, состоящих на государственной службе и на государственные деньги претендующих, увеличивается. Ну, государство никому не отказывает, деньги печатает, всем платит...

А цены уже выросли.

Солдат, вернувшись с войны, считает себя состоятельным человеком. С карманами, распухшими от денег, отправляется он на рынок и тут обнаруживает, что свое щедрое королевское жалованье потратит куда быстрее, чем его кровью зарабатывал. Крестьянин-то дерет втридорога (сам при этом, правда, ничуть не богатея, так как и с него тоже дерут втридорога).

А чему удивляться? В хозяйстве — разруха, всего нехватка. Саблей поле не вспашешь, пулями не засеешь, да и засеешь — они хлебом не взойдут. Значит, Продукта мало. Всякий товар поднимается в цене, все за все берут дороже, то есть требуют больше денег. Ну, государство еще печатает...

Другое дело, что на эти деньги все равно нельзя больше купить. Но цены — разве государство повышало? Пусть солдат сетует на крестьянина, крестьянин — на ремесленника, ремесленник — на купца, купец — на крестьянина. Пусть они испытывают недовольство друг другом. Для недовольства государством у них оснований нет — благодаря бумажным деньгам, оно постоянно поддерживает иллюзию, что за свои расходы расплачивается со своими подданными сполна.

Но не все одинаково нищают от падения ценности денег. Крупным землевладельцам, хозяевам доходных домов, дельцам, успевшим вложить свое состояние в капитал, обладателям сокровищ от инфляции только польза, они обогащаются, пока другие нищают.

Значит, кому она выгодна? Имущим классам. А раз выгодна, с точки зрения эксплуататорского государства, грех ею не воспользоваться.

Когда экономика развивается устойчиво, государственные расходы умеренны, финансисты стараются следовать обычному правилу банковского баланса: масса пущенных в обращение бумажных денег не должна превышать стоимости имеющегося в казне золота. Но счастливая идея Джона Ло побуждает к росту appetitов.

То государство решает резко увеличить мощь армии — это дорогое удовольствие, а Продукт от него вовсе не увеличивается, прибыль получают только поставщики армии. То какой-то капиталист или группа капиталистов захватывают в свои руки производство каких-то видов товаров целиком и получают возможность взвинтить цены по собственному желанию. Тут же появляется дополнительная потребность в деньгах — а значит, и нарушение баланса между золотом и бумажными деньгами. Государство эту потребность разделяет, стало быть, и удовлетворяет — в его силах. Инфляция не заставит себя ждать.

Современный капитализм умело использует ее как противоядие в классовой борьбе. Каждый раз с ростом дороговизны рабочие начинают отстаивать свои права — требуют повышения зарплаты. Раньше капиталисты сопротивлялись до последнего: вызывали войска на подавление забастовок, останавливали производство, увольняли непокорных, закрывали предприятия.

Теперь не упорствуют. Мало вам? Пожалуйста, прибавим! Наше капиталистическое государство еще денег отпечатает. Но уж цены-то — не взвешивайте — в наших руках. И на вашу прибавку в жалованье мы обеспечим такую прибавку в ценах, что в убытке не окажемся.

По росту цен и узнают приход инфляции. Цены могут подскочить резко — это галопирующая инфляция. А могут увеличиваться постепенно, почти незаметно. Это уже другая инфляция — ползучая. Но и та и другая — во вред трудящимся, мелким и средним производителям, наемным рабочим, людям с так называемыми фиксированными доходами: служащим, учителям, врачам, пенсионерам... А крупный собственник берет и с нее свой куш.

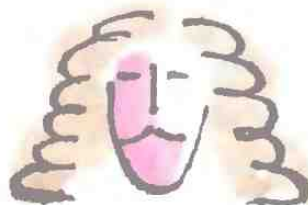
КОММЕНТАРИЙ ЭКОНОМИСТА

■ В науке и отрицательный результат — результат.

■ Опыт, проведенный Джоном Ло в Париже, содержал важную подсказку. «Не в деньгах счастье!» — такой житейский вывод следовало сделать из рискованного эксперимента великого шотландца. Не пройдет и полвека, как другой великий шотландец, Адам Смит, обоснует этот вывод по всем правилам тогда-

шней науки: «Богатство нации в приумножении создаваемого нацией продукта».

Однако усвоение столь очевидной истины потребовало поисков и ошибок еще нескольких поколений, пока не были окончательно выработаны закономерности капиталистического хозяйства, пока история не вступила в эпоху развитого капитализма.

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

ПОЛЕ ДЛЯ МОНОПОЛИИ

3

а время отсутствия Нестареющего Мальчика капитализм созрел окончательно... раздался в плечах, окреп. Это уже устоявшийся строй, со своими традициями, опытом, манерами поведения.

Ну, Мальчик-то их еще не знает. Ты же помнишь, он был

в отлучке, выполнял поручение хозяина в столице. Все же лет сто пятьдесят прошло, не такая безделица. Это только в нашем повествовании никаких внешних перемен и Мальчик — по-прежнему доверенное лицо хозяина, юный помощник и советчик.

Банкрот

Едва наш герой явился на порог, как сразу понял: что-то произошло. Хозяин сидел, уткнувшись лицом в ладони, по полу были разбросаны бумаги, и конторские книги, гроссбухи, — святая святых — шелестели тяжелыми листами, предоставленные ветру на произвол.

Мальчик тронул хозяина за плечо.

— Что с вами? — неожиданно спросил он.

— А, — со стоном выдал хозяин, — все пропало. Я банкрот.

Пришлось расспрашивать.

Оказывается, это не новая форма вложения капитала, как подумал было Мальчик, а наоборот, — потеря капитала, финансовая несостоятельность. Если предприниматель не может платить свои долги, он объявляется банкротом, его имущество продается.

— Так не надо долгов делать, — назидательно заметил Мальчик.

— Ну, — возмутился хозяин, — ты вообще живешь старыми представлениями. В наше время, если не делать долгов, так и делать ничего нельзя. Это когда-то можно было: сшить сапоги — снести продать, получить выручку — купить кожу, еще сшить сапоги. Теперь так даже кустари не работают. Теперь я закупаю оптом, то есть сразу, большую партию кож и всего прочего, запускаю в производство, чтобы выпустить большую партию обуви и продать ее оптом. А пока у меня окажется выручка, мне какие платежи надо производить! Только в долг могу... То есть, — снова вспомнив о своем плачевном положении, затосковал хозяин, — мог... Покупал... Выпускал... Все в прошлом. Мастерская пошла с молотка, стало быть, продана на аукционе...

А произошло вот что. Хозяин жил себе, не тужил, эксплуатировал работников, продавал обувь — по пять монет за пару. Были на рынке и другие сапожники, они тоже продавали обувь примерно по такой же цене. Правда, хозяин из каждых десяти монет выручки три брал себе, но ведь и другие хозяева поступали так же.

И тут вдруг в соседнем городе появился обувной фабрикант. У него на фабрике трудилось много рабочих, он установил машины, обеспечил высокую производительность труда. Сто рабочих фабриканта выпускали не двести пар сапог в неделю, а шестьсот. Так что стоимость этой обуви была дешевле. Фабрикант скостил цену продукции до трех монет и все равно оказался в барыше.

Но сколько сапог могли сносить жители соседнего города? Пришлось вывозить товар на другие рынки. Наконец этот везунчик добрался и до города, где безбедно существовал хозяин нашего Мальчика.

Как только покупатели увидели, что можно покупать обувь не за пять монет, а за три, они перестали брать ее у местных обувщиков.

— Вот и остался я теперь ни с чем, — закончил свой грустный рассказ хозяин. — Давно ведь собирался закрыть обувное дело, открыть новое — и на тебе, не успел. Теперь и не на что. Хоть застрелись...

Цель и средства

— Погодите стреляться, — успокоил Мальчик. — Есть деньги.

И он вытащил из-под рубашки пояс с десятью тысячами монет.

— Как? — подпрыгнул от радости хозяин. — Разве не пропали наши денежки из-за того великого банкротства? Какое счастье! Ох, теперь и заживем!

Он обнимал Мальчика, целовал монеты, рвал гроссбухи, благодарил бога, — это продолжалось долго. Затем, придя наконец в себя, хозяин стал размышлять, как лучше распорядиться деньгами. То есть, ясно, что их надо обратить в капитал, для него сомнений не представляло. Но — в какой?

— Так чего? — посоветовал Мальчик. — Выкупите мастерскую, оснастите ее машинами — ведь родное дело!

— Да ты что! — возмутился хозяин. — Чтоб я еще раз связался с обувным производством? Сколько я от него натерпелся! Жизнь положил! Нет уж, это занятие для тех, кому честь не дорога.

— Вообще, конечно, — согласился Мальчик, — выбор профессии — дело серьезное. Если душа не лежит — лучше не идти.

— Вот уж нет, — засмеялся хозяин. — Профессию я себе уже давно выбрал. Я — предприниматель, капиталист. И призвание мое — делать деньги. В жизни должна быть цель, и выбор следует делать соответственно. А цель моя — накопление, умножение богатства... То есть, — спохватился он, — точно найти, в чем наиболее насущная потребность общества, за что оно может больше дать. Общество мне не заплатит за то, что ему без пользы. Прогорю.

— А в чем сейчас потребность общества? — поинтересовался Мальчик (за полтора века случайного отсутствия он мог несколько отстать от жизни).

— В машинах, — уверенно сказал хозяин. — Тут у нас произошла промышленная революция, и теперь всякий предприниматель, который без машин, моментально прогорает. А я, надо тебе сказать, когда еще деньги были, купил у одного типа идею... В общем, тут все подробно описано — как сделать машину, которая приводит в движение целую фабрику ткацких станков. Такой еще ни у кого нет. Может, сделать?

— А что, интересно, — зажегся Мальчик.

— Погоди, — остановил его хозяин, — прежде подсчитаем.

АНОНС!

ВНИМАНИЮ читателей!
РЕДКИЙ СЛУЧАЙ: МОЖНО
ПРОВЕРИТЬ КАПИТАЛИСТА.

Возьми бумагу и карандаш, считай
вместе с ним.

ИНТЕРЕСНЕЙШИЕ
ПРЕВРАЩЕНИЯ ЦИФР!

Проверь и **УЛИЧИ!**

Или ты готов согласиться с капиталистом?

ПОВЕРИТЬ ЕМУ НА СЛОВО?

Возьми бумагу и карандаш — **СЧИТАЙ!**

100

— Значит, так, — начал считать хозяин, — оборудование и помещение машиностроительной мастерской стоит шесть тысяч монет. Материалы для изготовления одной машины — тысяча. Значит, на средства производства уйдет...

И он записал на листе грессбуха:

$$6000 + 1000 = 7000 \text{ монет.}$$

— Ох, — вздохнул Капиталист, — а надо еще рабочую силу купить. Это сколько ж надо для содержания одной рабочей семьи?.. Да, меньше чем на триста монет в год не прожить. Ну что ж, меньше никто и не платит — какая с голодного работа? А больше я платить не стану — какой я тогда хозяин! Так... сколько там у меня остается от затрат на средства производства?..

$$10\ 000 - 7000 = 3000 \text{ монет.}$$

Ой, всего три тысячи. Это ж сколько на них можно нанять рабочих?

$$3000 : 300 = 10 \text{ рабочих.}$$

— Неужто вдесятером сделают машину? — изумился Мальчик.

— А пусть попробуют не сделать! У меня больше денег нет, банк мне, банкроту, займы не даст. Значит, только десятерым и работать. Да еще и пусть за год мне эту машину сделают! Меньше, чем за год, пожалуй, не управиться.

— Ну все, — поторопил Мальчик, которому эта бухгалтерия уже порядком надоела, — затраты известны, можно считать? Теперь сложим — и получим...

— погоди ты складывать, — обиделся Капиталист, — рано еще. Тут вот какое дело: средства производства переносят свою стоимость на товар неодинаково. Материалы, сырье — они расходуются пол-

ностью, за один производственный оборот. Из одного яйца можно либо зажарить яичницу, либо высидеть цыпленка. Зато на одной сковороде можно зажарить тысячи яичниц, а одна курица высиживает десятки цыплят. Так и станок, например. Приобретаю я его один раз, но он, обтачивая болванки, не исчезает с каждым новым изделием, а лишь постепенно изнашивается.

— Так как считать?

— А так: если срок службы у него десять лет, то каждый год он переносит на товар только десятую часть своей стоимости. Оборудование мастерской, которую я собираюсь приобрести, рассчитано на десять лет. Значит, за год израсходованная стоимость составит...

$$6000:10=600 \text{ монет.}$$

Вот теперь можно складывать: стоимость средств производства, расходуемую на изготовление машины за год (шестьсот плюс тысяча) и стоимость рабочей силы (три тысячи)... Это — издержки производства...

$$600+1000+3000=4600 \text{ монет.}$$

Записав последнюю цифру, хозяин как-то сник.

— Ну?! — глянул он на Мальчика, ища сочувствия. — Половина состояния — в расход!..

Он вскочил и нервно забегал по комнате.

— Такие деньги уйдут, такие деньги! А что получу взамен? Это ж выяснится только через год. А вдруг ничего, а? Или меньше? Ты-то как думаешь?

— А непонятно, — беспечно ответил Мальчик. — Откуда знать, что можно выручить за машину? Дело-то новое.

— Вот и я говорю, — не в силах унять волнение, повторял хозяин, — новое дело, ничего не ясно... Риск, ой риск!

— Риск — благородное дело, — заметил Мальчик.

— Да плевал я на благородные дела, — признался Капиталист. — Нет уж, деньги-то, чай, не чужие, мне их жалко. Знаешь, ну ее совсем. Не буду я рисковать. Лучше поступить, как люди делают...

— Опять, что ли, сапоги?

— Ну зачем сапоги? На них я уже разорился. А вот смотри, на нашем рынке продают свои товары три текстильщика. И прекрасно, между прочим, живут! Ткани не машина! Ткани всем нужны. И всем известно, что наши капиталисты получают по тридцать процентов прибыли с капитала. Да лучше я брошу капитал в текстильное дело, по крайней мере, все ясно, верно ведь?

— А вы подсчитайте, — предложил Мальчик, чтоб отвязаться: отвечая на дурацкие вопросы он любил еще меньше, чем считать.

Но хозяин и вправду стал считать издержки.

У него получалось так. На оборудование расходы ничемные. Какое оборудование при ручном производстве? Фактически только сарай и стоит денег — 1000 монет. Пользоваться им без существенного ремонта можно десять лет, так что годовые издержки на первую статью:

$$1000:10=100 \text{ монет.}$$

За год текстильная мастерская с десятью работниками перерабатывает пряжи и использует челноков на 6000 монет. Значит, общие издержки за год:

$$100+6000+3000=9100 \text{ монет.}$$

— Ну? — поинтересовался Мальчик, изображая из себя заинтересованного помощника (хотя какой интерес — он же знал, кому достанутся сливки).

— А что, — сказал довольный хозяин, — больше, конечно, чем пришлось бы израсходовать на производство машины, но зато ясно, что покупатели эти затраты возмещают (иначе текстильщики не производили бы ткани) да еще и обеспечивают тридцать процентов годовых. Ты понял? При десяти тысячах запущенного капитала три тысячи каждый год в кармане!

И он радостно потрепал Мальчика по плечу, ощупывая заодно его мускулы: сможет ли выдерживать по четырнадцать часов за ткацким станком?

— Знаешь, — задумчиво поделился хозяин, — нравится мне такое производство. Я, пожалуй, готов вложить в него деньги.

— Скажите, хозяин, — вдруг спросил Мальчик, — а вы, что ли, один в нашем городе умеете считать?

— Это ты к чему? — насторожился Капиталист.

— А к тому, что если и другие предприниматели считать умеют, что ж они до сих пор все не перебежали в текстильное производство? Выгодное дело!

— Так тогда бы вон сколько текстильщиков было! Затоварились бы.

— Так, может, с вашим приходом и начнется затоваривание?

— И правда, — изумился Капиталист. — Надо бы подсчитать. Стали считать.

Пока что общество оплачивает каждому владельцу текстильной мастерской его расходы (9100 монет) и обеспечивает ему прибыль (3000), то есть заинтересовано в их товарах и потому выкладывает:

$$9100 + 3000 = 12\ 100 \text{ монет}$$

на каждого и

$$12\ 100 \times 3 = 36\ 300 \text{ монет}$$

всем троим.

— Ну, смотрите, — понял Мальчик, — если в это производство включитесь еще и вы, то должны быть уверены, что общество готово выложить за ткани на двенадцать тысяч сто монет больше, чем тратит сейчас. А вы уверены?

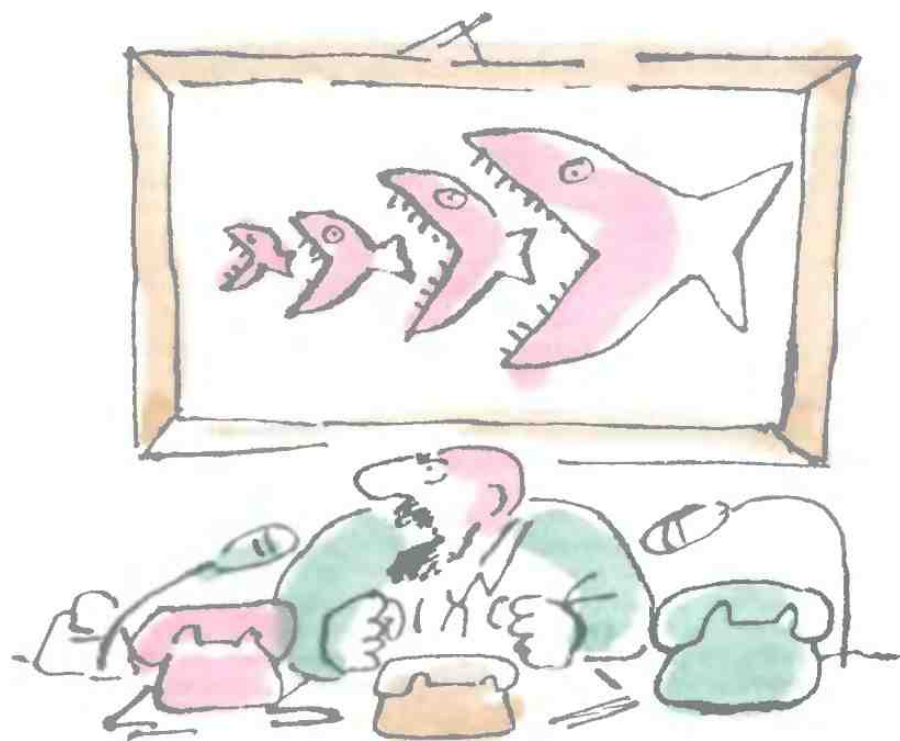
— Куда там! — в сердцах воскликнул Капиталист. — И сейчас портные без ткани не сидят, зато рвут друг у друга заказы. Кому я нужен со своими тканями?

— Другое дело, если бы покупали их в первую очередь у вас, а не у других, — предположил Мальчик.

— А с какой стати? Это ж я должен их всех победить в конкурентной борьбе...

ОСТОВ КОНКУРЕНЦИЯ

Это нормальные взаимоотношения между частными товаропроизводителями в борьбе за наиболее выгодные условия производства и сбыта товаров, увеличение собственной доли в производстве

и сбыте, за прибыль. Правило такое: если я тебя не съем, ты съешь меня. В нормальных условиях, когда на нашем с тобой общем рынке не тесно, мы ужиться можем. Но и тогда, если мой товар лучше, дешевле, если его просто больше, твой окажется некупленным. Придется тебе стараться работать лучше меня.

Но и я этого допустить не могу, я тоже не буду останавливаться. Так, подталкивая друг друга, мы движем наше общество к прогрессу, к более полному удовлетворению его запросов.

Хотя, если я просто сильнее и тебе за мной не угнаться, ты пропал: либо вообще покинь наш общий рынок, либо подчинись мне, воспользуйся моей силой в обмен за свою самостоятельность.

Но если еще на рынке и тесно, тут отношения между нами значительно обостряются. Я уже стараюсь съесть тебя, а ты — меня. Здесь все средства хороши, и сильный никогда не простит слабого. А так как принцип свободного предпринимательства предполагает полную свободу выбора размещения капитала, стихию рынка укротить нельзя, тесно на рынке становится довольно часто.

Каждое перепроизводство товара вызвано чрезмерным притоком капитала в какую-нибудь отрасль. И здесь особо разгорается конкурентная борьба, она выбрасывает из переполненного сосуда наиболее слабых, сильные остаются, повышают производительность труда, снижают затраты, чтобы при следующей вспышке борьбы не оказаться в числе слабых. И кто-то все равно оказывается.

Так что конкуренция выполняет необходимую регулирующую роль — как предохранитель в телевизоре. Не выдержал напряжения — вылетай. Но если предохранитель будет выдерживать чересчур большое напряжение, перегорит телевизор. Так случается в результате роста производства в капиталистическом мире. Однако на это есть другое слово — кризис. Мы до него еще дойдем.

Рыночная справедливость

— А я знаю, как сделать, чтобы предпочитали покупать у вас, — сказал Мальчик.

— Как? — напрягся хозяин.

— А вы продавайте свои ткани дешевле других!

— Тьфу ты! — обиделся хозяин. — Тоже — сделал открытие! Подумай: как я — капиталист, хозяин — могу отказываться от своей прибыли?

Мальчик пожал плечами — его дело предложить. А хозяин задумался.

— Вообще, можно, конечно, — поразмыслив, сказал он. — Если бы стоимость моей ткани снизилась, а у других она осталась та же. Тогда я бы цену приспустил — прибыль не упала бы. Но для снижения стоимости надо сократить издержки производства... Зарплату рабочим разве что скостить?

Мальчик обиженно хмыкнул — подавай после этого идеи!

— Нет, нельзя, — продолжал размышлять хозяин. — Цена рабочей силы — это и так минимум. Платить меньше — они работать не смогут... Вот если бы удалось держать меньше рабочих, а тканей они давали столько же! То есть надо их заставить дольше трудиться...

— Да вы что, — не выдержал Мальчик, — дольше, чем у других? А стачки не боитесь? А законы?

— Верно, не годится, — с тоской согласился Капиталист. — Выхода нет — надо повышать производительность труда... А как? Эх, иметь бы машину! Но я же ее не стал делать...

— А вы ее сделайте! — снова нашелся Мальчик. — Чего тут огород городить? Надо сделать машину и продать ее владельцу текстильной мастерской...

— А ведь верно, — подхватил мысль хозяин. — Он тогда сам отдаст мне часть своей прибыли, чтоб я не стал его конкурентом, а, наоборот, помог ему своих нынешних конкурентов обскакать. Ну, спасибо тебе. Давай-ка быстро подсчитаем, на что можем рассчитывать.

И Капиталист стал снова подсчитывать в гробсбухе...

— Если начальные капиталы у нас с текстильщиком одинаковые, то у меня разница между издержками и выручкой должна быть такая же, как у него:

$$12\ 100 - 9100 = 3000...$$

Но у меня затраты другие, так что цена моей машины должна быть никак не меньше, чем...

$$4600 + 3000 = 7600 \text{ монет.}$$

Жирной чертой он подчеркнул итог и удовлетворенно потер руки.

— Ну что ж, — весело подмигнул Мальчику Капиталист, — при таком раскладе игра стоит свеч. Будем выпускать машину! Можно!

Но Мальчик не спешил разделить радость с капиталистом. Во-первых, он смутно понимал, что сам от этого технического прогресса не больно-то и выиграет, а уж рабочие, которым придется за год успеть сделать совершенно новую машину за минимальную плату, тем паче. Во-вторых, у него были сомнения в обоснованности расчетов.

— А с чего это вы решили, — спросил он, — что можете получить такую же прибыль, как хозяин-текстильщик?

— Так у нас же капиталы вложены одинаковые!

— Но производства-то разные! Он за год вон сколько ткани выпустит, вы же — одну машину.

— А это как раз неважно, — беспечно улыбнулся Капиталист. — Конечно, машину строить сложнее, чем тряпку ткать, — на одно оборудование сколько тратиться надо. И конечно, текстильное дело быстрее дает оборот. То есть вроде бы оно выгоднее...

— Вот и я говорю, — подтвердил Мальчик.

— погоди. Но будь это так, все мы, люди с деньгами, стали бы помещать свои капиталы только в такие, выгодные производства...

— Да, прямой резон.

— И тогда, — продолжил хозяин, — они моментально стали бы невыгодными! Рынок перенасытится товарами этих производств, упадет спрос, и тогда снизятся цены. Помнишь, мы с тобой считали, — я же сам чуть не сглупил. Вот... А невыгодные производства никто не захочет развивать, хотя эти товары как раз нужны.

— Так надо заставить, — предположил Мальчик.

— Здрате, заставить. У нас же принцип свободной конкуренции, свободного предпринимательства! Свобода выбора в нашем свободном обществе — святая святых.

— Что ж делать? Ведь необходимо!

— Точно, — с гордостью сказал хозяин. — И необходимость эту каждый приличный капиталист понимает. Он готов поделиться частью своей прибыли с тем, кто вложил капитал в «невыгодное» дело, — лишь бы тот не стал ему новым конкурентом и не бросил развитие нужного производства.

— А вдруг не договорятся?

— Им и договариваться не надо. Все происходит стихийно. И стихийно устанавливается какая-то общая для всех товаропроизводителей норма прибыли. То есть при нормальных условиях, когда и спрос и сбыт нормальные, все должны получать одинаковый процент от вложенного капитала — и только от него! — в качестве прибыли. У нас на рынке, как я понял по текстильщикам, норма прибыли тридцать процентов. Значит, меньше трех тысяч монет я не получу. Однако, — хитро улыбнулся Капиталист, — в данной ситуации я рассчитываю на большее.

— Как это, — удивился Мальчик, — если норма прибыли тридцать процентов?

— А сам увидишь, — продолжал посмеиваться хозяин. — Давай-ка зайдем к моему будущему покупателю, хозяину текстильни, тут неподалеку...

Всегда можно договориться

Предприниматель-текстильщик, услышав от будущего машиностроителя о его планах, расположился к гостям всей душой. Стал угощать сладкими и кофе, оказывал всяческие знаки внимания, и Мальчику даже показалось, что перед его хозяином он явно заискивает. Хотя он ведь точно знал, что у них, в продажном мире, заискивать следует продавцу перед покупателем — не наоборот. Почему же будущий покупатель извертелся в почтительных поклонах, а будущий продавец заносчив, как наследный принц?

Все выяснилось, когда разговор зашел о цене машины.

Текстильщик не хуже Мальчикова хозяина прикинул возможную цену новинки и точно предусмотрел трехтысячную прибыль: у него тоже выходило, что стоит машина будет 7600 монет.

Он тут же принялся подсчитывать свои расходы на оборудование. Выходило, придется истратить к своей тысяче еще 7600, то есть 8600 монет. Если машина рассчитана на десять лет, то в следующем году в стоимости выпускаемых им тканей издержки на оборудование составят:

$$8600 : 10 = 860 \text{ монет.}$$

— В восемь с лишним раз больше! — всплеснул руками текстильщик.

Но Мальчиков хозяин, озабоченный лишь тем, как побольше бы содрать с уважаемого соседа, любезного сердцу покупателя своего товара, не смутился.

— Э, дорогой сосед, — хладнокровно заметил он, — давайте уж все считать. Моя машина позволит вдвое поднять производительность труда в вашей мастерской. Вы сможете, нанимая столько же рабочих, перерабатывать вдвое больше пряжи, продавать вдвое больше тканей. Не на двенадцать тысяч сто, а на двадцать четыре тысячи двести!.. Между тем издержки возрастут ненамного, только за счет двойного увеличения стоимости пряжи и челноков...

$$860 + 12\,000 + 3000 = 15\,860 \text{ монет.}$$

Зато прибыль-то какая!..

$$24\,200 - 15\,860 = 8340 \text{ монет.}$$

Ну? Чуть не в три раза больше! И почти все — за счет моей машины.

Бедный текстильщик сидел, утирая взмокший лоб. Глазки у него то загорались от предвкушения высокой прибыли, то потухали — от предчувствия великих трат. И он тоже, капиталист опытный, оказался прав.

— Я думаю, — твердо сказал Мальчиков хозяин, — по крайней мере, половина этой суммы причитается мне — как надбавка к стоимости за мой столь удачный товар.

Текстильщик поперхнулся кофе. Но и откашлявшись, долго молчал, багровый от гнева. Наконец он нашел слова. И разразился длинной речью в защиту справедливости. Он говорил о том, что они, честные капиталисты, деловые партнеры, должны помогать друг другу. Что негоже нарушать справедливый принцип получения прибыли в зависимости от размеров капитала. А ведь теперь, после стольких трат на оборудование и дополнительные материалы, его капитал станет уже не чета капиталу уважаемого продавца — он тратится больше. На

прежнее оборудование с учетом пятилетнего износа — 500 монет, плюс 7600 на машину, на пряжу и челноки вдвое больше, словом:

$$500 + 7600 + 12\,000 + 3000 = 23\,100 \text{ монет.}$$

— Давайте так, — подытожил текстильщик, — моя прибыль — восемь тысяч триста сорок монет — это тридцать шесть процентов моего капитала. Получайте и вы тридцать шесть процентов от своего — разве я против? Это ж будет по справедливости. Согласны?

— Нет, — ответил Мальчиков хозяин, решительно вставая из-за стола. — Я должен еще подумать.

— И сколько времени вам нужно на раздумья? — напряженно спросил текстильщик.

— А ровно столько, — с деланным равнодушием ответил коварный продавец, — сколько понадобится, чтобы дойти до вашего коллегги — владельца другой текстильной мастерской.

— Сядьте, пожалуйста, — тихим, вкрадчивым голосом произнес текстильщик. — Мы обязательно договоримся.

Кто кого съест?

— И не жалко вам его? — спросил Мальчик хозяина, когда они возвращались после удачной сделки. — Он ведь предлагал все по-честному.

— Какой по-честному? — отмахнулся хозяин. — Разве он всю правду сказал? Он ведь с моей машиной сможет выпускать ткани дешевле, чем его конкуренты. Он их съест, захватит рынок, а потом установит монопольную цену, то есть какую сам захочет. У него такие прибыли будут! Пусть не приедняется.

— Ну все равно, — настаивал Мальчик, — вы же говорили, что все предприниматели должны получать одинаковую норму прибыли. А сами?

— Ха, — самодовольно усмехнулся Капиталист, — ты так ничего и не понял. Думаешь, почему он стал таким покладистым? Да потому, что на нашем рынке он не единственный текстильщик, а я — единственный производитель машин. У меня монополия на машины, потому я и могу диктовать свои условия всем. Понятно?

Это, конечно, требует объяснений даже для нас.

ОСТОВ. МОНОПОЛИЯ

Буквально это слово означает исключительное право какого-либо человека, группы людей или государства что-либо продавать или производить. Нужна монополия для того, чтобы господствовать на рынке. Это самый надежный способ избавиться от конкурентов и конкуренции.

Ведь она и впрямь неудобна капиталисту с хорошо развитым аппетитом. Это ж вечная гонка: только и следи, чтоб собрать тебя не обскакали, внедряй самое новое, самое передовое, а то чуть поотстал — придется сходить с дистанции. С другой стороны, и цену хочется повысить — тоже ты не хозяин

над своим товаром. Станешь продавать дороже, чем конкуренты, — не купит у тебя никто.

Другое дело, если ты со своим товаром на рынке один, то есть монополист. Тогда можешь устанавливать не простую, а монопольную цену. Затратил на доллар — выручка на тысячу. Получай свою монопольную прибыль, не обращая внимания на норму прибыли, общую для всех. Потому что, коли ты монополист, только ты этим товаром и торгуешь, никто тебе не укаж.

Хорошо быть монополистом! Но как им стать? Свободная предпринимательская деятельность предполагает свободное право каждого имущего преследовать свой корыстный интерес.

Значит, надо не оставить своим конкурентам никаких шансов. Кому это по плечу? Тому, кто первый успел. Но он сохранит свою монополию ненадолго.

Легче тому, кто богаче. Тогда можно, например, скупить все сырье, оснастить свое производство такой техникой, которая никому не по силам.

Поэтому с тех пор как борьба за монопольное положение на рынке стала ощутимым фактором развития, свободная конкуренция утратила свое решающее значение. Слабому тягаться с сильным — напрасные потуги. Мелкие собственники не выживают. Крупные объединяются, чтобы создать гигантские капиталистические корпорации — монополии.

Для должного размаха монополии нужно много денег. Поэтому, как правило, в центре ее находится банк. Так финансовый капитал объединяется с промышленным и властвует. Тут уже не до соблюдения «естественных» законов экономического развития капитализма. Монополия не приспособляется к условиям общества, законам государства, а диктует им свою волю, ведь она обладает всем.

Конкуренция не исчезает вообще, она лишь ведется между монополиями. Это война не личностей, а целых армий. И часто она перерастает в войну между государствами.

— Что ж теперь будет? — поинтересовался Мальчик. — Вы станете монополистом машин, наш новый знакомый — текстиля. Но одной машины для этого мало, а на большее у вас денег нет.

— Ничего, — не унывал хозяин, — мне, монополисту, банк денег даст. Я накоплю больше станков, найму больше рабочих (как раз освободятся рабочие руки после разорения текстильных мастерских), сделаю столько машин, а монополист-текстильщик сделает столько тканей! Все только у нас и будут покупать.

— Так вам же все время будет требоваться больше и больше денег.

— Ну! — хозяин совсем не разделял опасений Мальчика.

— А вдруг и в банке денег не хватит?

— Ничего, государство поможет. Когда только мы, монополисты, господствуем на рынке, мы же и станем основной опорой государства, оно обязано нам помогать.

— И вы все время будете расширять производство продукции?

— А как же! Кто ж откажется от таких прибылей?

— Но ведь народ не сможет купить всего, что вы произведете. Сколько предприятий разорится, сколько безработных появится. А какой из безработного покупатель?

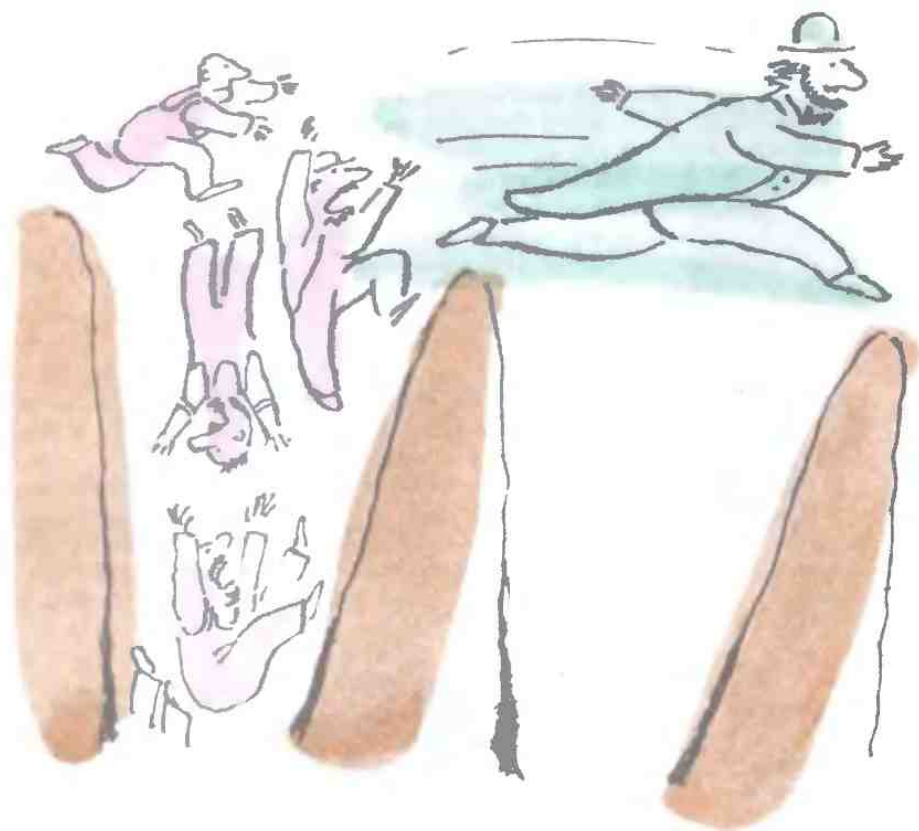
— О, это страшная беда. Хуже для нас ничего нет. Это ж кризис!

До каких пор можно надувать воздушный шарик? До тех пор, пока не лопнет. Лопнул, — значит, ты хотел от него невозможного. Хотя желание у тебя было вполне естественное: сделать этот шарик большим-пребольшим. Но всему есть предел. Если б ты знал заранее предельные размеры, силу натяжения резины, количество воздуха, наполняющего его с каждым твоим выдохом, то, конечно, вовремя остановился бы. Но откуда тебе все это знать? Ты глядишь — шарик растет и чем больше становится, тем больше тебе нравится, — вот и дуешь дальше. Пока не лопнет.

То же происходит и с производством в условиях частной собственности. У монополий широкие возможности для его развития, мощные стимулы; они и развивают производство, пока хватает сил, а сил у монополии много. Но общество находится вне ведения монополий, его интересы им неинтересны и неизвестны. Рано или поздно наступает момент, когда раздутое до предельных размеров производство настолько превосходит возможности потребления, что шарик и лопается.

Это и есть экономический кризис. Для экономики он, конечно,

катастрофа. Заказов нет — предприятия закрываются — рабочие оказываются на улице, без средств к существованию. Товаров произведено так много, что их можно отдавать за бесценок. Но капиталисты никогда этого не сделают — при избытке товаров на рынке падают цены, а вместе с ними — прибыли монополий. Так что — пусть народ голодает, некупленное выгоднее уничтожить совсем, чем допустить падение цен. И цены повышаются.

Конечно, и монополии в убытке. Но у них запас прочности велик — если повезет, выживут. А трудящиеся от кризисов не защищены.

Но при капитализме кризисы неизбежны. Это — очищение. После того как шар лопнул, можно взять другой и надувать опять. В отличие от твоей игрушки, раздувание товарного производства дает прибыль. Так раз от разу начинается новый подъем экономики, затем следует кризис — и опять подъем.

Мальчик все хотел понять смысл неумной тяги к росту производства.

— Может, все-таки остановиться надо, если слишком разрослись? — предположил он.

— Да не могу я! — взмолился Капиталист. — Мне нельзя останавливаться. Это ж как на велосипеде: педали перестал крутить — упадешь.

— Так ведь не нужно столько всего! — терял терпение Мальчик. — Каждый, кто мог купить, купил, кто не может — все равно не купит. Производство ведь невозможно без потребления.

— Ну, не знаю, — пожал плечами Капиталист. — Мое дело — прибыль получать. А коли съесть не могут всего, что я напроизводил, им же хуже. Есть масса способов развивать производство и прибыль получать даже тогда, когда потребление падает.

— Ну да? — не поверил Мальчик.

— Да, а, например, война. Выгодное, между прочим, дело. Заказы есть, безработицы нет, новые рынки, дешевая рабочая сила.

Лишь только Николай Экономов дошел до этого места, лицо его стало сердитым и недоверчивым.

— Что-то здесь автор явно расфантазировался, — сказал он, с надеждой глядя на Экономиста. — Война, разруха, человеческие жертвы — какая от этого может быть польза производству? А ведь все, что производству не на пользу, и капиталисту во вред.

— Ты не совсем прав, — заметил Экономист, который, конечно же, оказался по случайности рядом. — Карл Маркс писал, что при обещании десяти процентов прибыли с капитала капиталист оживляется, при ста — проявляет бешеную активность. А за триста процентов прибыли... Нет такого преступления, на которое не мог бы пойти капиталист.

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ, РАССКАЗАННЫЙ
ЭКОНОМИСТОМ.

СТРАШНО ПРИБЫЛЬНОЕ ДЕЛО

Зачем ахейцам Троя?

примерно в 1195 году до нашей эры общественное мнение Эллады было взбудоражено из ряда вон выходящим событием. Сын троянского царя Парис, будучи в гостях у спартанского царя Менелая, похитил жену хозяина и своего лучшего друга — прекрасную Елену (между прочим,

женщину неслабую — чемпионку Греции по женской борьбе).

Такого вероломства, такого оскорбления, такого пренебрежения всеми божескими и человеческими законами гордые греки снести не могли. Через некоторое время 1000 греческих кораблей не менее чем с шестьюдесятью тысячами воинов отравились разрешать семейную трагедию Менелая. Под стенами Трои к ним присоединились еще примерно сорок тысяч союзников. Началась десятилетняя осада города — знаменитая Троянская война.

Освободительная? Конечно! Освобождали похищенную жену.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Троя — древний город на северо-западе Малой Азии, центр средиземноморской торговли в начале XIII века до нашей эры. Кто владел Троей, тот контролировал торговые пути к побережьям Средиземного и Черного морей, в Африку, Северную Европу, в Египет — богатейшую страну античного мира.

Конечно, и гнев, и попранная честь, и национальное единство перед внешним врагом — святыне чувства. Но вот вопрос: откуда взялась такая несметная военная эскадра, невиданная по тем временам армия, стоило только Парису оскорбить Менелая?

Ответ один: все это уже было. Заранее.

Наверное, Греция все время воевала, вынуждена была отражать полчища иноземных захватчиков на суше и на море, потому и держала громадную армию и такое дорогое удовольствие — флот?

В том-то и дело, что нет.

Не считая неудачного морского похода в Египет, в котором, кстати, основные греческие государства весь свой военный флот потеряли, в Греции как раз воцарился почти на сто лет прочный, убыточный мир.

И опять вопрос: почему это вдруг мир — убыточный?

«Что ж тут непонятного, — объяснил бы нам любой толковый правитель древнегреческого государства или крупный рабовладелец-аристократ. — Нет войны — нет притока рабов. Как расширить производство, если нет притока? Рабов мало, — значит, цены на них, ну, просто грабительские. Так что нам этот мир — прямо попереk горла».

И правда. Жуткая нехватка рабочей силы. Своих свободных нищих, конечно, хватает с избытком. Но что это за народ? Лесные жители, не приспособленные ни к ремеслу, ни к земледелию, полудикие, больные от недоедания. Они и рады бы стать рабами, чтобы получать похлебку, — никто не берет. Производство не расширяется — полная безысходность.

Попробовали было греки промышленность пиратством. Но великие торговцы — пунийцы — стали снаряжать купеческие караваны с эскортами военных кораблей. Бедные пираты сами попадались в плен. Куда деться? Эх, стать бы на перекрестке морских

торговых путей да драть пошлину со всех. Но там уже стоит Троя. Ох, уж эта Троя!

Но как воевать? Мир в античном мире. Мир, будь он проклят! И конечно, единства в обществе нет. Если аристократам война — мать родная и единственный выход из разорительного положения, если правителям крупных городов она — избавление от забот по поводу нищего, не находящего себе применения в производстве, а потому всегда готового к возмущению народа, то имеются и другие. Земледельцы, ремесленники боятся призыва в армию — это обязательно означает обнищание собственного хозяйства.

И тогда хитрый политик идет к кузнецу.

— Ну, как дела, как заказы? — участливо спрашивает он.

— Какие заказы! — сетует кузнец. — Кому сейчас нужно мое искусство? Много ли заработаешь на подковах и браслетах?

— Да, — сочувственно вздыхает политик, — вот если бы война — сколько понадобилось бы оружия, доспехов! Враз бы разбогател, а?

И кузнец задумывается.

А политик идет к плотнику. И намекает: вот, дескать, были бы заказы на военную флотилию — то-то жизнь пошла бы! Но это, мол, так, пустые мечты... И плотник задумывается...

А политик ловит на городской окраине лесного жителя Аркадии прелестной, завернутого в шкуру, как первобытный предок.

— Хочешь каждый день есть похлебку с мясом? Одеться в настоящую одежду да еще в сандалии с поножами? Ты не представляешь, как удобно ходить по каменистой земле в обуви!

Полудикий голодранец — и без того немногословный — замирает от вожделения: о такой роскоши он и мечтать не смеет.

— А ведь все это есть у солдата, — подзуживает политик. — Хочешь быть солдатом?

Зачем спрашивать? Все, буквально все хотят жить лучше. Всем выгодно... нет, не война, но — подготовка к войне.

Однако на нее надо потратиться. И политик собирает своих приближенных — аристократов-рабовладельцев, соседних мелких царьков. С одними он откровенен — надо потратиться сегодня, чтобы завтра получить богатую добычу. С другими хитер — нам угрожают чужестранцы, смотри, одному тебе не устоять, так что давай готовиться к войне вместе. Нет, наш союз только для обороны, но если обидят — уж все так все.

Рекой течет золото, серебро и железо. Все расходы государства — на военные заказы. Производство расширяется — народ кует мечи и строит корабли; нищими козопасами гнущаться нечего (солдат из них воспитать легче, чем ремесленников): они каждый день едят мясо и ходят в кожаных доспехах. Больше требуется продуктов, и цена на них растет.

Но на что все эти траты? На войну.

А войны нет. Ай, как нехорошо.

— Куда деваются наши денюжки, труд наших рабов? — возмущенно кричат политику братья-аристократы и союзники-царьки. — Мы потратились — где доходы?

И вот тут-то самое время Елене быть украденной Парисом. Парисом или кем другим, Елене или кому другому. Но что-то должно произойти. Потому что производству нужен оборот. Военному производству — война, и ее Продукт — военные трофеи, рабы, земли, пошлина с торговцев, власть над миром, которая даст еще больший барыш.

И вот этот-то Продукт получит не солдат, погибший или изувеченный в сражении, не ремесленник, ковавший оружие, не плотник, строивший галеры, а только собственник, затеявший войну и подготовку к ней. Весь урожай его. Он знал на что шел. Но не до конца.

Микены — самое могущественное в XIII веке до нашей эры греческое государство (оно и затеяло троянскую авантюру) — за десять лет осады Трой пришли в упадок. Да и остальные участники похода вернулись в обнищавшие дома, на запущенные земли.

Логика экономики, которая подтолкнула сметливых политиков к великому походу, снова подтвердила свою правоту: производство должно быть направлено на удовлетворение нужд людей, а не на разрушение.

А первая мировая война? Собственнический интерес преследовали капиталисты каждой из основных воюющих стран, хотя повод был один: убийство в сербском городе Сараеве австрийского принца. Правильно, в Древней Греции — прекрасная царица Елена, в Европе XX века — толстый принц Фердинанд. Разницы никакой. Вот, например, история о том, как вступили в войну Соединенные Штаты Америки. Они раньше других начали готовиться к войне, подстрекали к ней другие государства (всего в этой

бойне участвовало 33 страны с населением в 1,5 миллиарда человек), но сами воевать не торопились. И вдруг — время пришло...

Национальная честь в цифрах

А зачем Америке воевать? В Америке и так все было хорошо. Это старушка Европа обнищала до крайности и считала, что если мир по-новому не поделить, так и производству расширяться некуда. Это там каждой стране позарез нужны были чужие земли и колонии.

Германцы возмущались: «Вон Англия и Франция себе всю Африку и пол-Азии оттяпали, а мы что — рыжие?». Русский царь переживал за своих капиталистов: «Как же это они без Константинополя и Дарданелл? Тоска, ей-богу, никакого простора нет». И так всякий — кому Украина нравилась (и правда — отличный чернозем), кому — угольные бассейны... У каждого свой интерес. И главное — все это уже кому-то принадлежит, а нам надо.

— А нам, — посмеивался американский капиталист, — ничего не надо. Нам — были бы денежки, а остальное все мы купим, пусть Европа воюет на здоровье. Слышь, воюйте, ребята, а я вам денег дам.

И давал. И Европа воевала. Словом, Соединенным Штатам не нужна была война? Как бы не так! Еще как нужна! Но по-своему.

Никто и не понимал сначала, почему это с европейских полей, уже обильно политых кровью многих народов, текут за океан обильные золотые ручейки. Что за странные физические превращения? А превращения были чисто экономические.

Два года уже воевала и, воюя, безнадежно нищала Европа, а в Америке всюду кричали про «просперити», что в переводе означает «процветание».

Посмотреть, действительно, экономика Америки процветала как никогда. За два с лишним военных года объем торговли США с зарубежными странами вырос вдвое. Обычно для такого роста требуются десятки лет.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

В 1916 году Соединенные Штаты продали товаров за границу на три миллиарда долларов больше, чем в 1913-м. Следовательно, настолько же больше товаров купили у них воюющие страны. Но сами-то они в это время почти ничего не продавали, стало быть, и выручки не имели. Откуда же деньги брались? Из кармана народа. Кому же доставались купленные на народные деньги товары? Ее величеству войне. Ведь торговый оборот рос за счет продажи Соединенными Штатами странам Европы предметов, необходимых для военных действий.

Американский капиталист радостно потирал ручки:

— Живем! И жить будем, лишь бы не прекращалась эта война.

Капиталист был доволен, а купленная им пресса втолковывала и рабочему: «Ты тоже доволен. Это наше общее «процветание». Смотри — благодаря военным заказам ты не безработный. Капиталист заинтересован в твоём труде. Смотри — благодаря нашему общему «процветанию» у тебя выросла зарплата. Радуйся!»

Рабочий уж собирался радоваться, но вдруг оглядывался на свою семью, свой дом, свой стол — и сникал. Потому что еще больше, чем его зарплата, выросли цены.

Да и как им было не вырасти? Ведь «процветание» получалось в результате двойного увеличения производства товаров военного назначения, а не продуктов потребления. Продуктов потребления производилось мень-

ше, значит, и цены на них росли — чему удивляться? Инфляция.

Зато ежедневные доходы, например, стального треста Юнайтед Стил Корпорейшн выросли впятеро.

Такое положение сложилось в конце 1916 года в США. Американские капиталисты готовили новые сундуки: в 1917-м еще больше золотишка потечет из Европы, если положение не изменится. А чего его менять?

«Американская нация, — заявил тогдашний президент США Вильсон, — слишком горда, чтобы воевать».

Но прошло совсем немного времени — и тот же Вильсон призвал готовиться к войне.

Что же случилось? Германия оказывается, оскорбила национальную честь Америки — такое смывается только кровью.

А дело в том, что германские подводные лодки стали топить в Атлантике суда с американскими товарами, следующие в Европу. Перекрывался канал торговли, а с ним — увеличения барышей капиталистов непотопляемой заокеанской державы. И 6 апреля 1917 года США вступили в войну.

Думаете, американский капиталист от этого проиграл? Нет. Он стал получать военные заказы не только европейских государств, но и своего. Прибыли выросли еще больше.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Первая мировая война обошлась ее участникам более чем в 400 миллиардов золотых рублей. Германия и Англия, например, потеряли от 1/4 до 1/3 национального богатства. От производительного труда было оторвано более 70 миллионов человек. Потери от разрушений составили 58 миллиардов золотых рублей. Война принесла 10 миллионов убитых, 20 миллионов человек были ранены, контужены, отравлены газами.

Обратим внимание: капиталисты всех воюющих стран на военных поставках богатели и в то же время экономика всех воюющих стран несла от войны невосполнимый урон. Но разве капиталист — враг своей стране? Нет, конечно. Зачем же он ей вредит?

Так само собой получается. Логика капиталистического производства не дает ему поступать иначе. Капиталист — если он капиталист настоящий — должен преследовать свою выгоду неуклонно. Война ему выгодна, значит, — куда деваться? — она нужна. Против экономической целесообразности любой аргумент бессилён.

И тут возникает вопрос: может быть, вообще, раз так, пока есть капитализм, война неизбежна?

Снова попробуем найти ответ в истории. Вспомним: единственным государством, которое по своей воле, по воле своего народа, вышло из первой мировой войны, была Россия — стоило только трудящимся взять государственную власть в свои руки.

Это тоже экономически обусловлено: если капитализм низвергнут, нет в государстве силы, заинтересованной в войне. Трудящиеся-то в ней не заинтересованы.

Существование социалистических государств — само по себе препятствие мировым войнам. Но вторая мировая война все же возникла и нашу социалистическую страну не обошла.

Почему германские милитаристы к нам сунулись и почему в конце концов проиграли?

Как воюют заводы

Вспомните, какие последствия принесла ахейцам троянская война. Упадок хозяйства.

Времена меняются, но действие экономических законов неизменно. Едва завершилась первая мировая война, иссякли военные заказы — и золотой дождь для капиталистов

прекратился. А народ — и победивших стран, и побежденных — хлебнул послевоенного обнищания полной чашей. Глубокий кризис охватил весь западный мир.

Едва ли не хуже всех пришлось опозоренной поражением, обескровленной контрибуцией Германии. Тяжелобольная экономика требовала быстродействующего лекарства. Таким средством могла стать подготовка к новой войне — более свежих идей не было.

Германские капиталисты обратили свои взоры к предводителю нацистских сборищ в мюнхенских пивных — Адольфу Гитлеру. Ему дали денег, он взял власть.

Гитлер не обманул надежд. Промышленность Германии пробудилась от кризисной спячки, она стремительно крепла.

Рейх тратил на военные нужды больше, чем любая другая страна мира. За шесть лет, со времени прихода нацистов к власти до 1939 года, была израсходована на эти цели фантастическая сумма — 90 миллиардов рейхсмарок.

Повторилась троянская история: теперь следовало получать отдачу от затрат. И самая мощная, самая технически оснащенная армия мира, обладающая самым военизированным тылом, начала завоевывать Европу. Легкие победы гитлеровских войск вполне могли предсказать даже не военные стратеги, а экономисты.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

В. И. Ленин еще в 1918 году, когда решался вопрос о выходе революционной России из войны, подчеркивал, что в современной войне экономическая организация имеет решающее значение. Но и западные политики не были слепы. Подводя итоги первой мировой, английский министр лорд Керзон сказал: «Союзники приплыли

к победе на волнах нефти». Французский министр Клемансо говорил, что в будущей войне нефть и каучук будут играть не меньшую роль, чем человеческая кровь.

Соразмерив экономические потенциалы Германии и Советского Союза, Гитлер решил вступить в войну. Он спешил. Перестройка советской экономики для нужд современной войны уже началась. Но она только началась. И надо было успеть разгромить первую страну социализма, пока ее экономика отставала.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

К 1941 году в промышленности Германии было в 2,5 раза больше станков, чем в СССР; в машиностроении трудилось в 1,5 раза больше рабочих; Германия добывала в 2,5 раза больше угля, значительно превосходила нашу страну по выплавке стали, алюминия, магния, производству электроэнергии, цемента, грузовых машин и локомотивов; вдвое выше была пропускная способность ее железных дорог.

Как тут не сунуться? Вот чем объясняется быстрое продвижение захватчиков в глубь нашей территории в начале войны, несмотря на мужественное сопротивление Красной Армии, массовый героизм всего советского народа. Мы потеряли важнейшие промышленные и сельскохозяйственные районы всего за несколько месяцев.

Но гитлеровские стратеги отвели на разгром СССР — недели. Эта разница и предопределила крах.

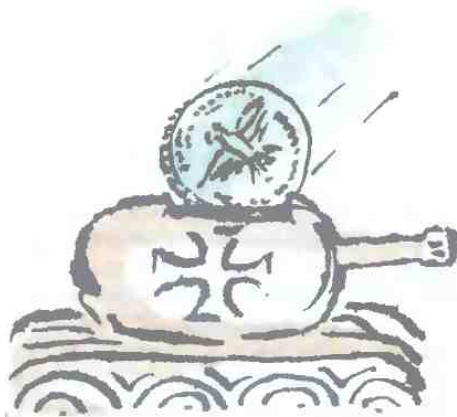
Уже 29 ноября 1941 года министр вооружения и боеприпасов фашистской Германии Ф. Тодт упрашивал Гитлера прекратить агрессию против СССР, поскольку «в военном и экономическом отношении война Германией

уже проиграна». Так его и послушали!.. А ведь он был прав.

«Война, — сказал как-то один западный политик, — слишком серьезное дело, чтобы доверять его военным». Вот уж действительно. Министр-промышленник увидел то, чего генералы «третьего рейха» вместе с фюрером разглядеть не могли: германская армия и после поражения под Москвой была еще сильна, но экономика Германии — выдохлась. Вермахт исчерпал запасы, выделенные ему щедрым «фатерляндом» для победы, а победы не добился. Капитал не дал оборота. В капиталистическом хозяйстве это верное предвестие банкротства.

Капиталист вкладывает деньги в производство, чтобы получить прибыль. Прибыль, как мы знаем, — разница между выручкой и затратами. Гитлер обещал немцам значительную выручку: обширные земли, сильных рабов, дешевое сырье. Но прибыль зависит и от затрат, а война вообще дело дорогое. Даже в преддверии будущей громадной выручки от нее германский капиталист стремился снизить сегодняшние издержки. То есть лишнее не тратить.

Все было рассчитано. Война с СССР — это ж всего на четырнадцать недель максимум. Значит, и нечего вкладывать значительные сред-

ва в производство смертоносной продукции. Не успеешь приличную прибыль получить — уже наступит богатый, тучный мир, и придется перестраиваться. Вооружений и боеприпасов выпустили ровно столько, сколько требовалось для быстрой, сокрушительной победы.

А ее не было.

И начался невиданный экзамен двух экономик.

Патриотичный германский капиталист обескураженно листал календарь: вроде бы уже давно пришло время пожить на дармовщину, а надо еще тратиться. Так они с фюрером не договаривались. Конечно, приходилось стараться в меру сил на благо великого рейха. Но главное преимущество капитализма, главный рычаг хозяйственной деятельности — интерес собственника — действовал слабо. Какой интерес, если нет отдачи? Отсюда и результаты...

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Из всех бомб, сброшенных гитлеровской авиацией на советские объекты, три четверти фугасных и половина зажигательных были израсходованы в первые полгода войны. Но и в эти полгода снабжение вермахта боеприпасами из месяца в месяц сокращалось, хотя сопротивление Красной Армии росло. Двадцать месяцев понадобилось промышленности Германии, чтобы достичь уровня середины 1941 года по выпуску мин и снарядов.

А вот как сдала свой экзамен советская экономика.

В те горькие, страшные месяцы, когда Красная Армия отступала перед превосходящей силой врага, шла эвакуация советской промышленности на восток. На новых местах развернулись три четверти предприятий вооружения и судостроения, все специализированные танковые заводы, более

ста пятидесяти машиностроительных и металлообрабатывающих.

Уже в 1942 году наша промышленность стала выпускать больше самолетов, чем германская. Это были лучшие самолеты. Красная Армия вооружалась лучшими в мире танками Т-34. Появился гвардейский миномет «катюша» — предвестник ракетного оружия. Если до войны новые образцы артиллерийской техники осваивались за полтора-два года, теперь — за один — три месяца.

Мы трудились не только активнее, лучше, но и экономнее противника. На каждую тонну выплавляемой стали производили в пять раз больше танков и артиллерийских орудий, на каждый станок — в восемь раз больше самолетов. И к 1945 году Красная Армия почти втрое превосходила вермахт по танкам и самоходкам, более чем втрое — по минометам, в семь с половиной раз — по самолетам.

Это и была победа.

Правила игры в войну

Стало быть, теперь уже вечное правило — в войне побеждает тот, чья экономика сильнее? Это так и не так. Мир меняется, и все меньше непреложных истин остается неизменными.

В современной ракетно-ядерной войне победить невозможно. Никому.

В шахматах это называется пат.

Когда патовая ситуация возникает в шахматах, противники прекращают борьбу и соглашаются на ничью. Иное дело в политике. Сразу столько проблем. Теряют актуальность столько спасительных для спокойствия государства идей. Например, вечная идея единения народа перед угрозой внешнего врага. Убери ее — внимание переключится на внутренние проблемы, и единства народа как не бывало. Как пошатнется положение многих столпов общества! Сколько уважае-

мых людей окажется не у дел — политики, генералы, промышленники, просто активные патриоты...

Ну, в самом деле. Возьмем профессионального военного. У него профессия такая — он военный. Он больше ничего делать не умеет и главное — не хочет. А и не надо было. Ему платили, его уважали за то, что он может зычно крикнуть, поставить во фронт, разрушить чей-то дом или город, а случится — страну. А тут оказывается, не надо всего этого, не придется. Полный душевный крах, нравственная катастрофа. Из гордости нации, защитника и где-то героя он превращается, извините, в нахлебника. Каждый никчемный штатский начинает считать его деньги и размышлять, во что он ему обходится. В обществе возникают опасные мысли: дескать, на что нам эти работники большой войны, которой никогда не будет, зачем нам их столько?

«Это что ж получается? — раздумывает военный. — Эти погоны мне не даром достались. Сколько ради них пришлось натерпеться учений, унижений и послушаний. А теперь все красивые нашивки, звездочки и аксельбанты и, самое главное, не последнее жалование да привычный почет — все сразу и отдать из-за такой безделицы, как невозможность новой войны? Умереть лучше! А еще лучше что-нибудь придумать, чтоб никто не расслаблялся и снова все с надеждой глядели на меня».

Ну, у военного один способ заставить себя уважать: застрашать. Идет он к промышленнику и прямо с порога делает ему «козу». «Ты что ж, — говорит, — брат-монополист, хочешь свои позиции утратить? Мы ж из одной государственной кормушки едим. Это ж я все время еще чего-то хотел, а государство тебе заказывало, не скупясь. Это ж все сейчас может кончиться. Придумай что-нибудь!»

А промышленник только улыбается в усы, ему и придумывать ничего

не надо. «Не печалься, — говорит, — старче. У меня ж политик на жалованье, ему тоже добро забывать нерезон. Ты ж у нас стратег, придумай-ка поскорее так стратегически какую-нибудь оборонную инициативу, и мы с тобой, промышленник и военный, а вместе — военно-промышленный комплекс — выйдем в правительство с ценным патриотическим начинанием. Пусть попробуют отказаться».

Ну что, идея хорошая, пошли к политику.

«Ой, — сокрушается военный, — до чего ж народ обмельчал и размяк, совсем утратил бдительность, никакого внимания нашему вечному врагу, только и занят внутренними проблемами. А от этих проблем, сам знаешь, национальный дух не поднимается. Так что смотри — скинут». — «Да и в хозяйстве, — подзуживает капиталист-промышленник, — вот-вот застой начнется. Какое развитие без подготовки к войне? Баловство одно». — «Да ведь невозможна война, — с полуслова понимает политик. — Не успеем ударить, как сами получим. И тут же — ядерная зима или вообще земной шарик расколется». — «Ну, маленькая-то возможна, — успокаивает военный, — ограниченная. Да еще, если бы у нас было такое оружие, чтоб мы могли вдарить, а нас нет, тогда что ж...» — «А мы б такое оружие сделали, — включает Капиталист. — Применять, может, и не применим, но пока делать будем, производительные силы разовьются небывало. Техника ведь всегда растет с ростом вооружения». — «Ох, ребята, — колеблется политик, — как бы с такой силой чего случайно не произошло — не остановить же потом». — «Авось не произойдет, — настаивает Капиталист. — Ты выгоду считай, выгода-то какая! Ты кому служишь? Помни».

Политику не с руки забывать. Он, конечно, дает заказ. А народу внушает: «Дело нужное, дело выгодное. Гля-

дите — мы станем сильнее, у нас не растёт безработица благодаря военным заказам, у нас развивается наука и техника, у нас экономика сильнее, значит, должны мы нашего внешнего врага если не в войне победить, так хоть гонкой вооружений измотать».

Конечно, каждый из них — и по-

литик, и военный, и промышленник — наедине с самим собой понимает, что война невозможна. Однако подготовка к войне так выгодна, что стоит идти на риск. Правда, теперь уже здесь риск — жизнь нашей планеты. Но ради высокой прибыли капиталист готов пойти на преступление...

— Нет, ну каков подлец этот Капиталист! — возмутился Николай Экономов, ознакомившись с рассказом Экономиста. — Как хотите, но у меня нет больше сил терпеть его преступления. Делайте что угодно, но я лично решил бороться!

— Погоди, Николай, — попытался унять гневного юного друга автор. — Как ты сам-то можешь бороться? У нас идет сюжет, герои действуют, каждый на своем месте, а твоё место, так сказать, за кадром. Можешь, конечно, повлиять на сюжет, но — скромненько, из-за моего плеча. Изволь соблюдать правила игры.

— Да ведь не получается! — чуть не плакал Николай. — Я уж и так, и этак, а Мальчику все не легче, а Капиталист все подличает, а справедливости все нет и нет.

Автор пожал плечами. Воцарилось молчание.

— Знаете что, — вдруг решительно сказал Экономов. — мы правила этой игры устанавливали — нам их и менять.

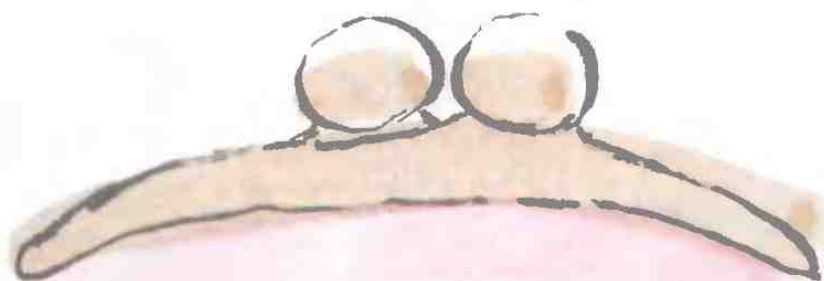
— То есть? — не понял автор.

— А очень просто: введите меня в повествование. Хочу быть активным действующим лицом!

Автор человек мягкий, от него чего решительно потребуй — непременно сделает. Поколебался он, помялся — и согласился.

В следующей части Экономов (по его просьбе) уже не комментатор, а участник событий.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВКУС ПЯТОГО ЯБЛОКА

*Совместные приключения
Нестареющего Мальчика
и Николая Экономова*

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ПРОЦЕСС
О ПУТЯХ
ПРОГРЕССА

онечно, автору было интересно, с чего начнет непримиримую борьбу с Капиталистом Николай Экономов. Но тот был настроен решительно и оттягивать час расплаты не собирался.

— Судить его надо, вот что, — заявил Николай. — Давайте устроим суд.

Автор задумался. Не то чтобы он испытывал какую-то робость перед Капиталистом или чувствовал себя не вправе. В конце концов, суд так суд — у нас это быстро. Представим, что, где, как, вызовем кого надо — своя рука владыка. Но хотелось бы, чтоб все по справедливости, объективно. Судить-то кто будет? Экономов? Да он ведь пристрастен. С ним не суд будет, а расправа. Автор высказал сомнение.

— Ладно, — после недолгих пререканий согласился Николай, — все равно, что хорошо, что дурно, — читателям решать. Пусть тогда и судьей будет какой-нибудь Объективный Читатель.

На этом сошлись. А кто еще нужен на судебном процессе? Обвиняемый. Это, конечно, Капиталист. Потерпевший. Это, понятно, Мальчик. Само собой — свидетели. Прокурор — он на судебном процессе всегда обвиняет (эту роль, естественно, взял на себя Экономов). Адвокат — он всегда защищает. И еще — эксперт. Он дает квалифицированные объяснения, заключения и справки, поскольку большой знаток предмета спора. Наш эксперт, естественно, — Экономист.

Что ж, можно было начинать.

Встать, суд идет!

Объективный Читатель занял председательское место — стал судьей. Звякнул для порядка колокольчиком и изложил суть вопроса:

— Капиталист обвиняется в том, что он нещадно эксплуатирует своего работника, в частности Мальчика, присваивает значительную часть его труда, не оставляя времени ни на отдых, ни на учебу. А учиться Мальчику давно пора.

— Обвиняемый, — строго спросил Судья, — признаете ли вы себя виновным?

— Ни за что! — уверенно ответил Капиталист. — Я же его кормлю и заодно обеспечиваю общество всем необходимым.

— Заставляя Мальчика работать от зари до зари. Хорош благодетель, — срывается с прокурорского места Экономов.

Капиталист сделал обиженное лицо.

— Странно мне это слышать, — сказал он. — А какую судьбу я должен был обеспечить Мальчику? «Чтоб он учился», говорите вы. Но тогда обществу пришлось бы его кормить, а значит, тем членам общества, что работают, — делать больше, чем они делают. Они должны были бы работать за Мальчика. А я беспокоюсь о другом — об увеличении производительности труда. Это основа прогресса во все времена. И заметьте, именно мне удалось добиться здесь самых больших успехов.

— Это еще надо доказать! — Гладкая речь подсудимого не смутила Экономова.

— Пожалуйста! — поднялся Адвокат в развевающейся мантии. — Мы предоставим суду самые объективные доказательства.

— Вы? Объективные? — засмеялся было юный Прокурор, но Судья строго звякнул колокольчиком (уважаешь не уважаешь, а в суде надо вести себя прилично).

— Чтобы убедить уважаемого Прокурора, — невозмутимо продолжил Адвокат, — прошу опросить свидетелей обвинения — людей производящих. Уж их-то грудно заподозрить в симпатиях к Капиталисту.

За что благодарить Капиталиста?

К барьеру, ограждающему место свидетелей, вышел Раб.

— Клянусь говорить правду, только правду, ничего кроме правды, — перво-наперво заявил он. (Это такой порядок в суде: раз ты свидетель, поклянись, что врать не будешь, иначе на что твои свидетельские показания нужны?)

— Свидетель Раб, — обратился к нему Судья, — старались ли вы работать на плантации как можно лучше? Производительнее?

Он мог и не спрашивать об этом. Весь вид Раба — изможденное лицо, драная одежда, запуганный взгляд — говорил о нежелании лучше работать. Но Раб не мог не отвечать — он же свидетель.

— А зачем? — ответил он. — Я и так еле поги волоку от этой каторги. Если даже и появлялись какие приспособления, чтоб я делал больше — инструменты какие или машины, — я их просто портил. Я вам больше скажу: даже рабочий скот изводил.

— Зачем? — удивился Судья.

— Из мести. Мы — я и мул — у хозяина на равном положении. Но я-то чувствую, что он мне неровня. А как доказать это себе и другим? Изводить, бить, наказывать. Хозяин меня — хлыстом, я мула — палкой; хозяин мне — спать на соломе, я мулу — идти по камням. Хоть так человеком себя почувствуешь.

Как понять эту рабскую логику?! Отпустил Судья Раба и вызвал следующего свидетеля — Ремесленника.

— Я как раз стремился сделать больше, — словоохотливо делился Ремесленник. — Но не мог. Помощников-то — один-два подмастерья, техники никакой. Я и самую сложную работу выполнял, и материал ищи, сам с куном торгуюсь, сам же и товар продавай. Много ли в таких условиях наработаешь?! Да и по цеховым правилам нельзя.

— Видите? — обрадовался Капиталист. — А своему наемному рабочему я создал все условия.

— Пусть нам об этом свидетель скажет, — прервал его Судья. — Прошу!

Капиталист заерзал на скамье подсудимых, когда вышел его Рабочий.

— Это точно, — мрачно подтвердил он. — Капиталист постарался, чтоб ни на что, кроме работы, я не отвлекался. Только мне его забота, как быку ярмо.

— Но вы могли бы делать больше Продукта? — уточнил свой вопрос Судья.

— Мог. И должен был. Но не хотел. Какой смысл? Все равно больше стоимости рабочей силы он мне не заплатит. Зато чем больше каждый из нас, рабочих, сделает, тем меньше нас, рабочих, Капиталисту потребуется. Того и гляди, окажешься на улице безработным.

Экономов торжествующе хмыкнул. Он уже и рот раскрыл, чтобы сказать свое веское слово, но в зал суда вошел новый свидетель. — Продукт.

Со времени нашей последней встречи Продукт остепенился. Никакой развязности в манерах. Помните, он не в меру заносился по поводу своего превращения в Товар? А теперь понял, что гордиться тут нечем. Теперь он — сама объективность.

— Свидетельствую, — заявил Продукт, — что с началом капитализма я стал расти неизмеримо быстрее.

— Что-то непонятно, — с подозрением уставился на него Экономов. — Рабочий не заинтересован, а вы — растете.

— Ну не знаю, — потупился Продукт, — расту и все. Чего меня-то пытаться? Меня увеличивают — я и расту. Мое дело маленькое.

С удовольствием понаблюдав некоторое время явное замешательство Экономова, Адвокат поправил белоснежный воротничок и сказал:

— Надеюсь, теперь нет сомнений в объективности моих доказательств? Общество должно не судить моего подзащитного, а благодарить его. Кому еще удавалось достичь таких результатов? Он один поднимает производительность труда, Продукт растет, появляются лишние средства — можно учиться, заниматься искусством...

Разве мог такое стерпеть Экономов?!

— Протестую! — закричал наш Прокурор. — Защитник извращает факты! Прошу опросить потерпевшего!

Нестареющий Мальчик насмешливо поглядел на хозяина и его защитника:

— Я бы и сам не прочь спросить, когда это я стал учиться, развлекаться и заниматься искусством?

Капиталист обиженно поджал губы. Но Адвокат, хитрая bestия, и не думал теряться. Заговорил сладким голосом:

— С удовольствием дам объяснения суду. В том времени, когда случился факт так называемого преступления, Мальчик и не мог учиться. Но по какой причине? Производительность труда не достигла еще такого уровня, чтобы освободить Мальчика для учебы и развлечений. Однако прошу заметить: Прокурор обвиняет, а я защищаю в данном случае не просто капиталиста, хозяина Мальчика, а Капиталиста — представителя класса, которому суждено сыграть видную роль в истории. Как раз на этом зиждется мой оптимизм, моя исторически обоснованная вера, что именно Капиталист поднимает производительность труда рабочих, чтобы освободить Мальчика для присущих Мальчику дел.

— Позвольте, — возразил Экономов, — вот в нашем обществе капиталистов нет, но и для нас повышение производительности труда — важнейшая задача. И все наши мальчики имеют возможность учиться.

— Не верю, — сказал Капиталист.

— Ну что ж, — согласился Судья, — проверим. Я приглашаю для дачи показаний Рабочего. Только учтите — он свидетель обвинения.

Ищите интерес

С любопытством глядя на необычную публику, занял наш Рабочий свидетельское место.

— Скажите, свидетель, — напрямик спросил его Судья, — заинтересованы ли вы в повышении производительности труда?

— Объективно? Да, — ответил тот. — Ведь я и моя семья получаем в свое пользование часть общественного продукта. Чем он больше, тем больше и наша часть. Долька арбуза больше, чем долька яблока? Вот мы и хотим, чтобы наш продукт был величиной с арбуз, а не с ябло-

ко. А увеличить его можем только мы сами, трудящиеся. Вот каждый и старается. Если, конечно, производство и распределение организованы действительно по-социалистически.

— Неубедительно! — закричал Капиталист. — Я не верю. Прошу суд обратить внимание, что свидетель — лицо заинтересованное, а объективного свидетельства в том, что такая ситуация возможна, получить нельзя.

Возникло некоторое замешательство. Но наш судья, Объективный Читатель, он ведь не зря читатель. Он нашелся:

— Прошу для дачи показаний свидетеля Робинзона Крузо, моряка из Йорка.

Робинзон как истый джентльмен изящным движением снял козью шапку:

— Чем могу служить, господа?

Экономов, даром что Прокурор, смотрел на него во все глаза. Робинзон показался ему почему-то очень похожим на артиста Леонида Куравлева. Только в фильме он все время молчал, а какой толк от неразговорчивого свидетеля? Но опасения оказались напрасными. Раскланявшись во все стороны, Робинзон поделился:

— Знаете, я так замолчался за годы жизни на необитаемом острове, что каждый повод поговорить доставляет мне истинное наслаждение.

— Мы не посмеем злоупотреблять вашей любезностью, сэр, — поспешно заверил его Объективный Читатель. — Только один вопрос: скажите, вы подсчитывали на острове производительность своего труда?

Робинзон задумался. Поправил пояс на куртке. Пососал трубку. Пригладил бороду.

— Видите ли, — сказал он наконец, — если вы внимательно читали мои записки, то наверняка заметили, что в свое время я не очень был расположен к наукам — ошибки молодости... В общем, я не знаю, что это такое, о чем вы спрашиваете. Мне стыдно, джентльмены, и пусть это будет уроком всем юношам, которые...

— Не стоит, сэр, — поторопился успокоить его Судья. — Нас интересуют записи в вашем журнале по поводу работы.

— А, ну да, — с готовностью ответил Робинзон. — Я записывал, сколько времени занимало у меня, например, строительство хижины, сооружение забора, изготовление лука и стрел...

— Это значит, вы измеряли производительность труда.

— Надо же! — обрадовался Робинзон. — Вот уж правда: все великое просто. Я песказанно благодарен вам за то, что...

— То есть вы знали производительность своего труда и старались ее увеличить?

— Конечно! Я знал, что если сегодня буду дольше плести корзины, то меньше вспашу земли. Или наоборот: меньше потрачу времени на охоту — больше успею собрать плодов. Я экономил время — и от этого производительность труда повышалась, я получал больше продуктов, лучше жил, успевал отдохнуть и предаться литературным занятиям, благодаря которым вы, кстати, и узнали о моих похождениях.

— Спасибо, уважаемый Робинзон.

Экономов торжествующе посмотрел на Капиталиста:

— Теперь вам понятно? Когда работник заинтересован повышать

производительность труда? Когда он свободен. Когда результаты труда достаются ему, а не какому-то бездельнику. Не Капиталисту.

Капиталист в тревоге оглянулся на Адвоката, но тот и без того не дремал.

— Мне представляется, — рассудительно начал он, — свидетельство Робинзона не вполне убедительно. Во-первых, уважаемый отшельник все сам для себя добывал и все сам произведенное потреблял. Разве такое возможно в условиях разделения труда и обмена продуктами? Во-вторых, у него рабочий день был не ограничен, а у вас, и даже у нас, к сожалению, его продолжительность строго определена...

— Да, — подхватил Капиталист, — я так намучился с этим ограничением рабочего дня! Больше надо делать, а не смей рабочих задерживать до полуночи. Так и думаешь: хоть бы рабство какое было, что ли...

Тут он осекся, заметив, какие угрожающие гримасы делает ему Адвокат.

— Прошу заметить, — торжественно возвестил защитник, — что именно мой подзащитный вынужден был в этих противоречивых обстоятельствах искать выход и он нашел его. Прошу пригласить свидетеля инженера Тейлора. Пусть расскажет о своем великом изобретении.

Хорошая машина — человек!

Через минуту появился американский инженер Ф. Тейлор.

— Что вы изобрели, свидетель? — с интересом спросил Судья.

— Тейлоризм, — скромно ответил Тейлор. — Это так потом назвали мою систему организации труда. Я из чего исходил? У рабочего знаний никаких, умения мизерные, и работу свою он ненавидит. Но разве больше знаний, умений, желания трудиться у винтика, шестеренки, втулки или колеса? Однако в механизме каждая из этих деталей прекрасно исполняет отведенную ей маленькую роль — и машина работает. Почему бы так же не организовать людей на производстве?

— Как бездушную машину?

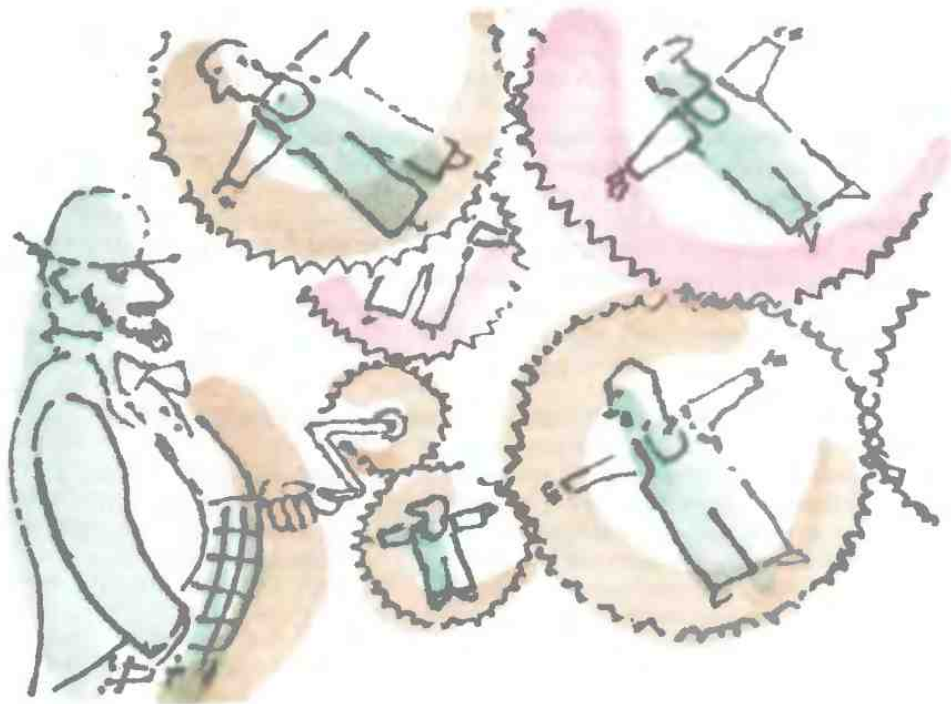
— Как хорошо отлаженную машину! Скажем, велика ли хитрость — землю копать? Но я сконструировал специальные лопаты — для разного вида работ: людей расставил — один камни выковыривает, другой землю копает, третий ее наверх выбрасывает. И котлован стал расти вчетверо быстрее.

— То есть вы вчетверо увеличили производительность труда?

— Скорее, интенсивность труда. В течение одного и того же рабочего дня землекопы стали вчетверо больше времени тратить на труд. Я раздвинул рамки времени! Я не дал им роздыху! Они стали работать, как механизм.

— Но механизм не устает, он изнашивается, и тогда его заменяют другим. А люди?

— Какая разница? С экономической точки зрения, люди — просто рабочая сила, товар. Как механизм. Быстрее изнашивается — быстрее подлежит замене, и только. А вообще, я их заинтересовал. Я им стал платить в полтора раза больше.

— Но производить они стали в четыре раза больше! — возмутился Экономов.

— Что делать? — Гений развел руками. — Меня же Капиталист нанимал — я для увеличения его прибыли все это и затеял. На его деньги. Так что все справедливо.

Куда уводит логика

— Хороша справедливость! — совсем не прокурорски присвистнул Экономов. — Если это считается справедливым, то у меня больше вопросов к свидетелю нет. По-моему, всем все ясно.

— Не скажите! — перебил его Адвокат. — Капиталист, преследуя свою святую цель, расширял производство, механизировал труд, самым лучшим образом его организовывал, чтобы не пропадало ни секунды времени у нанятых рабочих. Он соединил вместе целую армию рабочих, нанял инженеров. Он, — голос Адвоката возвысился до пафоса, — он создал такое мощное и отлаженное производство, которое теперь может производить все больше Продукта для удовлетворения потребностей общества даже без его участия, без него...

Довольный собой, Адвокат перевел дух и победно глянул вокруг. Была тишина.

Молчал даже Экономов.

— Ты что?! — зашипел Капиталист, перевешиваясь через перила

барьера скамьи подсудимых. — Хорош защитничек! Тебя куда занесло?

— Я не виноват, — шепотом оправдывался Адвокат. — Это логика развития: одно вытекает из другого, другое — из третьего. Вот и получилось. Точь-в-точь как в экономике...

— Никто тебя не просил быть логичным до конца, — выговаривал Капиталист. — Остановись на полдороге и молчи. Это ж я тебя нанял — забыл, что ли?

— Ну, вы... — сокрушенно бубнил Адвокат. — Вы и рабочих наняли, а они только и думают, как от вас избавиться. Инженеров, а они теперь считают, что вы им помеха в смелых замыслах. Куда против логики попрешь?

— Ладно, — вконец осерчал Капиталист, — уйди тогда в сторону, я буду сам себя защищать.

Когда некоторое оцепенение, произведенное неожиданным выводом Адвоката, прошло, Судья произнес:

— В самом деле, если рабочего можно заинтересовать в повышении производительности труда, а инженер в состоянии сам организовать производство, зачем тогда нужен Капиталист?

— Ага, — закричал подсудимый, — понимаю, к чему вы клоните! Конфискацию хотите присудить — отнять у меня средства производства. Но для меня, Капиталиста, это равносильно смертному приговору! Совести нет. Рабочие! Инженеры! Ученые! Остановитесь — еще пожалеете! Ведь это я вас всех купил, всех нанял. Как же без меня? Я не позволю изменить историю.

Все, и даже бедняга отставленный Адвокат с надеждой посмотрели на эксперта. Уж он-то может дать объективное и научное объяснение?!

— Действительно, — сказал эксперт, — ни один из собственников, предшествующих Капиталисту, не мог так развивать производительность общественного труда, как он. Действительно, пока он не создал такие мощные производительные силы, нельзя, да и некому, было бы строить социализм. Но теперь, когда производительные силы развиты, надо посмотреть, как они будут развиваться лучше — с ним или без него?

Снова возникло молчание, которое на этот раз первым нарушил Капиталист со своими упреками.

— Все ясно, — пробубнил он, — раньше я был хорош, а теперь стоило мне добиться небывалых успехов — так сразу и плох стал? Но ваша логика все же хромает: способы получения мною прибыли, в принципе, не изменились, значит, я по-прежнему больше других заинтересован в росте производительности труда, а это — прогресс.

— То есть вы и дальше будете ее успешно повышать? — поинтересовался Судья.

— Конечно!

— Еще больше выпускать товаров?

— Еще бы! Я завалю своими товарами все рынки, весь мир!

— Но тогда, — заметил Экономов, — упадет стоимость ваших товаров. Убыток?

— Ха, — засмеялся Капиталист, — до чего прокурор у вас неопытный! Что ж я — дурачок?! Я считать умею. Надо вовремя остановиться. Производство свернуть, товар уничтожить — лишь бы цены

не упали. Уж сколько мы пшеницы в море сбросили, сколько апельсинов бульдозерами зарыли — просто не счесть!

— Хорош прогресс! — Экономов даже оторопел.

Надо сказать, он очень любит апельсины. Варварское хвастовство Капиталиста его обескуражило — не знал что и сказать. Николай оглянулся в поисках поддержки и, конечно, нашел ее у Мальчика — какой мальчик не любит апельсины!

— Да что же это! — возмутился потерпевший. — Апельсины — бульдозером? С этими капиталистами никакого сладу! Мала производительность труда — заставляют работать от зари до зари, так что и в школу не пойти. Велика — продукты в землю закапывают. А может, кому-то и есть нечего! Отдайте, раз произвели! Другого выхода, что ли, нет?

— Есть, — широко улыбнулся Капиталист, — война...

Сказал и осекся. Замолчал. Он уже понял, что сморозил лишнее, не стоило так откровенничать. Суд все-таки.

Экономов наконец пришел в себя и поспешил вернуться к прокурорским обязанностям:

— Обращаю внимание суда на это наглое заявление подсудимого. Что сам Капиталист разовьет, то сам же и разрушает. Зачем он нужен обществу, грабитель? Пусть нам расскажет Рабочий, как мы рассуждаем в нашем обществе.

Что себе дороже?

— Я уже говорил, — напомнил, возвращаясь к свидетельскому месту, наш Рабочий, — что мы создаем общественный Продукт. Какой смысл делать его дороже — чтобы потом самим же получать его более дорогим? Если производительность у меня снизится, дороже станет продукция моего завода. А она ведь часть нашего общественного Продукта. Так что я стремлюсь делать свою продукцию дешевле — пусть меньше на нее тратится общество. В результате и я в выигрыше.

Вопреки ожиданиям подсудимый смотрел на него с явной жалостью. А когда тот закончил, сочувственно произнес:

— Сразу видно, что без Капиталиста работаете. Я бы вас мигом научил, как тройную выгоду получить от повышения производительности труда. Сделали свою продукцию вдвое лучше — возьмите за нее

вдвое большую цену. Пусть Продукт дорожает — вам-то какая печаль? Вы при деньгах — так что сдюжите.

— Ну уж нет, — улыбнулся наш Рабочий, — не годятся нам ваши советы. Многие наши личные расходы оплачивает государство из **общественного фонда потребления**. А что это такое, как не мои деньги за повышение производительности труда? Вот и выходит, что чем моя страна богаче, тем я сам лучше живу. А при таком законе хозяйствования, как предлагает обвиняемый, может так быть, что страна его станет нищей, а ему от этого только выгода.

Аргументы были исчерпаны. Капиталист удрученно смотрел на Судью. Экономов — на автора, как бы спрашивая: что дальше? А что автор? Автор здесь, на судебном заседании, — секретарь, его дело протокол вести и не вмешиваться. Разве подсказать, что должно следовать по протоколу.

По протоколу полагаются заключительные речи прокурора и адвоката.

Экономов был краток:

— Считаю, что методы хозяйствования Капиталиста нельзя использовать в современной экономике. А потому надо забыть их и не применять. Таким и должен быть приговор суда.

Адвокат лишь развел руками (его ведь сам подзащитный лишил слова).

А Капиталист хитро усмехнулся:

— Экономические законы вряд ли позволят суду принять решение, которое требует прокурор. Поэтому я спокоен.

И суд удалился на совещание.

Вообще, перед вынесением приговора к судьям вход строго воспрещен — чтоб никто не мог повлиять на объективность решения. Но ведь **Объективный Читатель** — это и ты сам, это и тебе думать над приговором. И пока ты думаешь, это твоя комната — заседательская, можешь никого в нее не пускать.

Однако даже самым настоящим судьям в настоящей заседательской комнате не воспрещается пользоваться книгами, справочниками, сводами комментариев... Так что, думается, комментарий Экономиста тебе не помещает и незаконной попыткой повлиять на суд его считать нельзя.

КОММЕНТАРИЙ ЭКОНОМИСТА

Вы видели: сама логика развития капитализма приводит к его гибели.

Он порождает класс, которому суждено стать его могильщиком, — пролетариат. Свободный, независимый, организованный. Именно такой трудящийся класс и нужен Капиталисту. Поэтому он обеспечивает в своем обществе определенную свободу и равенство всех перед властью денег. Это ведь справедливее, чем обществен-

венное неравенство, на котором строились все предшествующие общественно-экономические формации.

Но капитализм идет дальше. Заботясь о расширении производства, повышении производительности труда, он обеспечивает такие условия, при которых все большая часть населения становится пролетариями, все глубже разделение труда, необходимое обмен. В результате процесс производства

становится все более общественным. Все большие массы пролетариата связаны вместе, сконцентрированы в одном месте. Они становятся единой, могучей, привычной к взаимодействию силой. Они могут обеспечить все общество, и себя в том числе, всем необходимым.

Но не обеспечивают. Потому что при общественном характере производства частный характер присвоения остался. Ну, какой тут естественный выход? Как уже бывало многократно в истории — устранить нехарактерное, то есть привести общественные отношения в соответствие с производительными силами.

Конечно, капиталист будет этому сопротивляться, как может. Ведь если устранить частный характер присвоения — какой тогда капитализм? Уж больно бросается в глаза, лежит на поверхности решение, у пролетариата велик соблазн его осуществить. Надо защищаться. Тут много разных способов. Войну развязать, гайки завинтить так, чтобы у угнетенных и мысли не возникло, что можно что-то изменить.

Этим воспользовался, например, российский капитализм с помощью самодержавия. Войну развязали, народ до полного обнищания довели, правились с непокорными... И тем лишь ускорили свой конец.

С Великой Октябрьской социалистической революции в России началась эра социализма. Но не полная победа его. «Производительность труда, — писал В. И. Ленин, — это в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя».

Почему так? Потому что пока это не произошло, капитализм может выигрывать экономическое соревнование с социализмом, а социализм не проявляет в полной мере главные свои преимущества. В короткий срок мы вывели самую отсталую страну Европы на одно из ведущих мест в ми-

ре, наша экономика выдержала самый жестокий экзамен — войной, мы посрамили тех, кто еще надеялся задушить нас голодом или бомбой. Это было по силам только социалистическому хозяйству. Но теперь этого мало. В самой основе нашего строя заложена экономическая гармония, которая в старой формации даже теоретически недостижима. Однако надо ее реализовать. Мир глядит не на предпосылки, а на результаты. Если мы хозяйствуем хуже, чем следует по нашим возможностям, это аргумент не в нашу пользу. Пока Капиталист в состоянии обеспечивать высокую производительность труда, он будет в состоянии удерживать стремление масс к социализму. В развитых капиталистических странах рабочий (когда он, конечно, имеет работу) материально не бедствует. Жизненный уровень у него зачастую выше нашего. И это долго может служить аргументом в споре о том, что предпочесть.

Современный капитализм давно не пытается удерживать массы от социального переустройства мира так, как это делало, например, русское самодержавие, — неразумно. Старается не прибегать без особой нужды и к приемам, которые до поры успешно применял Гитлер, — опасно. Он действует дальновиднее и умнее, соответственно духу времени, новым его условиям: создает иллюзию всеобщего благоденствия, равных возможностей, справедливого вознаграждения. При этом собственник, конечно, и не думает делиться с человеком производящим по-честному. Зарплата осталась тем же — стоимостью рабочей силы, и определяется она так же — минимумом средств, необходимых рабочему для нормального существования. Просто этот минимум уже другой.

Значит, чем лучше научимся работать мы, чем богаче будем жить, тем больше разница окажется в нашу пользу, тем очевиднее станут преимущества нашего строя.

Приговор

Суд читателей рассмотрел на открытом заседании дело по обвинению Капиталиста в эксплуатации Нестареющего Мальчика, безвозмездном присвоении им результатов труда Мальчика и лишении его возможности учиться.

На основании материалов предварительного следствия, показаний свидетелей, опроса обвиняемого и потерпевшего, заключений эксперта, выслушав мнения обвинения и защиты, суд установил:

1. Вина Капиталиста является полностью доказанной.
2. Факт эксплуатации и грабежа был не результатом злого умысла подсудимого, а лишь объективным условием существования самого Капиталиста. Таким образом, подсудимый не мог не совершать преступления, в котором он изобличен, это является смягчающим вину обстоятельством.

3. Поскольку совершенное преступление есть жизненная необходимость Капиталиста, он будет совершать его и впредь. Что является отягчающим вину обстоятельством.

4. В ходе совершения преступления подсудимый открыл такие возможности развития производительных сил, каких не удавалось открыть никому до него, что полностью доказывает его историческую необходимость.

5. Великие открытия подсудимого использовались им исключительно в преступных целях и во вред человеку производящему, что доказывает историческую бесполезность Капиталиста в дальнейшем развитии.

Исходя из вышесказанного, суд постановляет:

1. В целях предотвращения указанных преступлений отстранить Капиталиста от участия в хозяйстве.

2. Признать нецелесообразным применение открытий капиталистического производства, но без эксплуатации и грабежа, ввиду отсутствия заинтересованного в этом лица (капиталиста).

3. Обратить развитие производительных сил на пользу человека производящего.

4. Предоставить Нестареющему Мальчику возможность учиться.

РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

НЕСКОЛЬКО
ПУТЕШЕСТВИЙ
В ПОИСКАХ
ИСТИНЫ

Счастливая судьба репортера

ожете себе представить, какие вздохи, выкрики, аплодисменты и негодующие реплики раздавались после каждого пункта во время чтения приговора. Но должен заметить, самый громкий вздох облегчения издал автор. Наконец-то судебное заседание закончилось, и теперь он мог с пол-

ным правом сложить с себя несвойственные ему обязанности секретаря суда, а вернуться к более привычному и милому сердцу занятию репортера.

Ведь автор — журналист, репортер, он когда-то давно выбрал эту профессию, поседел на этом деле и частично подысел, исписал две сотни ручек и массу бумаги, но интереса не утратил — так и смотрит, где бы найти сенсацию. А тут она сама в руки идет — такой случай!

Как где громкий судебный процес — репортеры тут как тут, так и выются в зале и в коридорах (они называют их кулуарами, потому что в коридорах только стулья и комоды, а в кулуарах ведутся всякие откровенные разговоры, и это самое подходящее место для сенсационного интервью). И вот репортеры суетятся в поисках новостей, пристают с расспросами и стараются друг дружку опередить. Да что я объясняю — ты же знаешь. Ты наверняка читал об этом в книжках. Или видел в кино.

Так вот, на самом деле все не так.

Но нам до этого что? Мы ведь и суд придумали, и героев. Можем и дальше нафантазировать — кто нам запретит? Нафантазируем еще такого автора, такого всполошенного репортера, приставучего и жаждущего сенсации, неугомонного, с полным ртом вопросов.

Едва закончился процесс, автор беспечно сунул в папочку протокол, схватил свой любимый репортерский блокнот — и бегом в кулуары брать интервью.

Зачем учиться сытому?

По коридору счастливый, как именинник, сияя улыбкой во все лицо и в торжестве пританцовывая, шел рядом с Экономовым Нестареющий Мальчик и распевал веселую песню.

— О-го-го! — распевал он. — Какой справедливый суд! Мне не надо работать от зари до зари! Меня и так будут кормить, обувать и одевать и всячески обо мне заботиться! Только потому, что я мальчик! Как хорошо, что я не успел состариться! Ох, теперь и заживу! О-го-го!

Экономов, ранее несколько опечаленный тем, что суд полностью его требований не принял, теперь, глядя на Мальчика, тоже повеселел. Если бы не воспоминание о своем недавнем прокурорстве, он бы тоже сейчас пустился вприпрыжку. Но, сохраняя солидность, Николай сказал:

— Да, я очень рад за тебя. Теперь ты сможешь учиться.

— О-го-го! — продолжал распевать Мальчик. — И не подумаю! Меня и так будут кормить, одевать и опекать! Зачем мне учиться? Мне будет хорошо!

Экономов, признаться, опешил.

— Как так? — изумился он. — Ты же неучем останешься, не сможешь хорошо трудиться, когда придет время.

Мальчик обескураженно остановился. Он даже песню прервал. Он подумал: уж не опечалиться ли? И кто, вы думаете, его успокоил? Злейший враг — Капиталист. Подсудимый (а теперь уже осужденный) незаметно пробирался вдоль стеночки, полон грустных мыслей о своем

поражении в суде, и так же тихо, даже вкрадчиво обронил среди наступившей тишины:

— А и правильно. Сообразительный Мальчик. Зачем ему учиться? В работе только помеха.

Как тут возмутился Экономов! Вы же знаете — Капиталиста он ненавидит люто и ни одному его слову не верит. что, в общем, правильно — хитрюга этот Капиталист.

— Интересно, — сказал Николай, — вроде бы ни к кому не обращаясь и одновременно сразу ко всем, — как это неуч может хорошо работать, когда производство все сложнее и сложнее?

— Вечно меня подозревают в обмане, — надул губы Капиталист, — а ведь я давно уже наладил производство, где самый необученный рабочий может — и должен! — трудиться с бешеной производительностью.

Экономов в тревоге оглянулся на автора: помогай, дескать. Но мог бы и не торопить — автор живенько раскрыл свой репортерский блокнот и с ходу сформулировал репортерский вопрос (такая у репортера работа: постоянно все у всех спрашивать. Даже если знаешь, что тебе ответят, — спрашивай, раз ты репортер, и записывай в блокнот).

— Проясните, пожалуйста, для наших читателей вашу мысль, — обратился он к Капиталисту. — Верно ли, что неумелый, необразованный рабочий может хорошо трудиться на сложном производстве?

— Именно что! — польщенный вниманием, приободрился Капиталист. — Записывайте! Бездушный рабовладелец подгонял раба бичом. Много ли он добился? А я подгоняю производственным ритмом. Вместо того чтобы держать надсмотрщика над каждым десятком рабов, я тысячи рабочих включаю в ритм машины. Впрочем, — прервал себя Капиталист, — лучше бы вам расспросить самого изобретателя. Чего я буду с чужих слов?

Автор смутился. Судебный процесс, на который мы могли вызывать хоть кого, хоть из какого времени, уже кончился. А репортер, он даже не судья, он и вызвать-то никого не имеет права.

— Господи, — воскликнул, поняв нерешительность автора, Капиталист, — да сходите вы к нему сами. Лет всего на восемьдесят спуститься вниз — изобретение, можно сказать, совсем свеженькое.

И тут автор почувствовал — что-то случилось с его одежкой. Вместо привычных джинсов, свободной куртки объединения «Маяк» и скороходовских кроссовок на нем вдруг оказался тесный пиджачок в полосу, довольно короткие брюки на подтяжках, жесткие белые штилеты с малиновыми носками и в руках — не шариковая ручка, а допотопная самописка, брызгающая чернилами.

И что-то изменилось в характере. Какая-то чрезмерная даже для торопливого репортера суетливость, какая-то противная угодливость, неизвестно перед кем. Автор всполошенно огляделся: не заметил ли этих непедагогичных превращений строгий подросток Экономов? Но не было Экономова. Никого вокруг не было. Даже коридора. Был какой-то парк на задворках завода, лужайка с промасленной травой.

«Началось», — подумал автор. Но что началось, ему только предстояло узнать.

Экспедиция в прошлое Интервью с Генри Фордом

Если репортер попал в непредвиденную ситуацию, он должен быстро сообразить хотя бы, где находится и за каким делом. И автор сообразил: это Хайленд-Парк в штате Мичиган, это Генри Форд стоит на травке, предприниматель, это к нему он пришел за интервью в начало века — свершилось.

— Свершилось! — сказал предприниматель и посмотрел на часы. Из ворот цеха съехал на лужайку черный автомобиль, похожий на карету.

— Мистер Форд, — начал автор, улыбаясь, как продажный репортер (ему самому претила такая улыбочка, но попал в обстановку — куда уж теперь?), — мистер Форд, скажите...

— Тихо! — даже не взглянул в его сторону Форд. — Подождите шесть минут, или нам не о чем говорить.

С сильными мира того не спорят. Автор замер в недоумении. Ровно через шесть минут, секунда в секунду, на лужайку скатился точно такой же автомобиль и, пыхнув гордо, встал рядом с первым.

Теперь предприниматель удовлетворенно щелкнул по циферблату карманных часов и оборотился к репортеру:

— Вот теперь есть о чем говорить. Видели? Новое экономическое чудо!

Автор еще толком не понял, что за чудо он увидел, но изобразил на лице, как он ужасно доволен за мистера Форда. Да тот и не полагал, что кто-либо что-либо может понять, пока он не объяснит. А тот со снисходительным презрением объяснил:

— Каждые шесть минут — ни больше ни меньше — сюда будет выскакивать новый автомобиль, самое сложное устройство нашего века. Я заполню автомобилями всю Америку, весь мир. Вы своих штанов не успеете износить, как я стану крупнейшим миллиардером. И все благодаря моей гениальной идее.

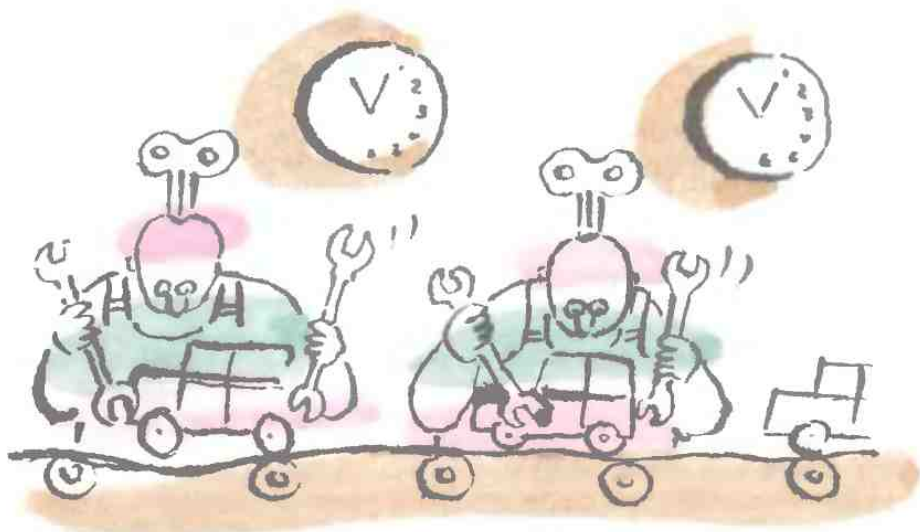
— Вот я и хотел спросить, — продолжая себя не уважать, залепетал автор...

— Начнем с теории, — сказал Форд, похлопывая автомобиль по вороненому крылу. — Я — предприниматель, нанимаю на работу массу народу. Поэтому хорошо изучил людей. Я понял, что большинство из них тупы и ни на что не способны.

Автор уж на что вжился в образ, но здесь не нашел в себе даже способности улыбнуться — хороша теория!

— Теперь практика. Какой толк обучать каждого из этих тупиц всяким премудростям, необходимым в производстве автомобилей? Я разбил все рабочие операции на простейшие элементы, которые может выполнить любой болван. Я избавил их от необходимости не только соображать во время работы, но и передвигаться по цеху. Каждый стоит на своем месте, делает свою работу, пока мимо него проплывает нужная ему деталь. Это называется конвейер. Он движется с одинаковой скоростью, и попробуй за ним не успеешь. Да с чего бы не успеть? Думать — не надо. Мудрить — не надо. Человек, который совывает винт, не накидывает на него гайку. Человек, который накидывает гай-

ку, не закручивает ее. Да и человек ли он? Он — необходимая деталь моей производственной машины, не больше. Любую в любой момент я могу заменить — они же абсолютно одинаковые, те, что на улице, и те, что в цехе: две руки, десять пальцев, один рот. Я полностью избавил себя, а вслед за собой всех своих братьев-капиталистов от забот об умственном и профессиональном уровне рабочих. Бери любого, гони любого — красота!

— А, знаю, это тейлоризм, — вставил автор, припомнив показания на суде другого американского гения.

— Тейлоризм, — недовольно согласился Форд, — но совершенно на другом техническом уровне. У меня есть конвейер. С его помощью я могу заставить своих рабочих — всех сразу — повышать производительность труда как сам захочу: увеличу скорость — и куда они денутся? У меня есть машины. Машины в отличие от человека могут совершенствоваться. До бесконечности. Технический прогресс — основа развития...

Между тем прошло еще шесть минут. И на лужайку съехал «форд»-автомобиль.

— Ну? Часы можно сверять! — гордо сказал Форд-предприниматель.

Однако автор его уже не слышал...

Кому что подходит?

Громадным усилием воли автор вывел себя из путешествия во времени. С облегчением ощутил на себе старую одежду. С любовью оглядел так хорошо знакомый коридор. И наткнулся на полный сочувствия взгляд Экономова.

— Ты бы знал, в какой ситуации я сейчас побывал, — задавленно прошептал автор.

— Я видел, — ответил заметно посерьезневший Николай. — Вы же во времени спустились, и нам с высоты было все хорошо видно — через пролет. Мы с Мальчиком специально свесились с перил, чтобы разглядеть получше. Да уж, приятная экскурсия.

И только Капиталист не выглядел удрученно. Он отечески похлопал Мальчика по плечу:

— Убедился? Для того чтобы работать на высокомеханизированном производстве, вовсе не обязательно много знать, а значит, и учиться. Кстати, уже тогда рабочие у Форда получали больше, чем у кого-либо. Да и теперь те, кому досталось место у конвейера, не бедствуют. Состоятельные люди! Пока их не выгонят.

— Ну, нет, — вмешался Экономов, — у нас все по-другому. Вы ж на суде еще могли убедиться — наш рабочий не придалок машине, наш рабочий — мыслящий. А Мальчику предстоит стать нашим рабочим. И нам, стало быть, система вашего хваленого Форда не подходит.

— Да куда вы без нее денетесь! — не сдавался Капиталист.

— Обойдемся без ваших бесчеловечных идей! — не уступал и Экономов.

Вы уже, наверное, успели заметить: автор страшно не любит, когда начинается перепалка, он тут же вмешивается. Но теперь он в роли репортера, а репортеру несолидно вмешиваться самому, надо подкрепить свое вмешательство мнением солидного человека, специалиста. И автор, решив взять интервью у Экономиста, бросился разыскивать его по коридорам, потому что коридоры — это те же кулуары, а в кулуарах всегда можно найти кого нужно. И конечно, нашел.

— Скажите, пожалуйста, — обратился автор к Экономисту, раскрывая блокнот. — подходит или не подходит нам бесчеловечная система Форда?

— Конечно не подходит, — с ходу ответил Экономист.

— Значит, так и записать?

— Так и запишите: система, при которой человек становится бездушным придалком машины, нам не подходит. А система разделения производственного процесса на простейшие операции, использование преимуществ механизации, подходит и давно используется.

— Как так? — удивился автор, потому что репортеру всегда положено в ходе интервью удивляться, даже если речь идет о вещах, которые прекрасно известны любому.

— А так. Мы отвергаем капитализм, а не законы развития производительных сил. Есть незыблемые принципы рационального хозяйствования, — объяснял Экономист. — В разных социальных и исторических условиях они действуют по-разному, но действуют... Это объективные закономерности, не учитывать которых нельзя, как нельзя, например, пренебрегать законом всемирного тяготения или «золотым правилом» механики. То, что машинное производство привело в свое время к победе капитализма, вовсе не означает, что победивший социализм обойдется без приобретенного в прошлой формации опыта. И для нас ничуть не менее важно обеспечивать развитие производства на основе научно-технического прогресса.

Мы живем в эпоху НТР — научно-технической революции. Погодим гордиться. Это не заслуга наша, а судьба.

Полтора миллиона лет человеку, многое он на своем веку нашел, изобрел и сделал, а по-настоящему великих открытий не так много: применение огня, приручение животных, выплавка металла... да, и изобретение колеса, конечно. В том же ряду — создание парового двигателя, электрического, швейной машины, ткацкого станка, расщепление атома, ЭВМ.

Все эти открытия не просто улучшали жизнь человека, они ее преобразовывали, переворачивали привычные представления о возможном и невозможном, давали мощный толчок производительным силам, а значит, и самого человека делали другим. Вот почему эти открытия — революционные.

Они возникают не сами по себе, а лишь в ответ на крайнюю в них потребность. Но возникают по-разному. Изобретатель колеса знать не знал, что сила трения качения меньше силы трения скольжения. Следовало за много поколений убедиться в том, что катить легче, чем тащить, привыкнуть волочить тяжести по дорожке из круглых палок, а потом догадаться, что эти палки можно прикрепить к грузу. Так получилось цельное деревянное колесо.

Кстати, знаешь, сколько времени понадобилось, чтобы заменить сплошное колесо легким, со спицами? Три тысячи лет. Таковы были темпы технического прогресса. Неторопливое время — и торопиться некуда, и подгонять нечем. Наука еще не опустилась до земли, наукой занимались звездочеты.

А вот промышленная революция XVII—XIX веков уже опиралась на научную революцию XVI—XVII веков — открытия И. Кеплера, Дж. Борелли, Р. Гука, И. Ньютона и других великих ученых.

Результаты промышленной революции заставили безоговорочно поверить в производительную силу науки; техника без науки, наука без техники уже не могут развиваться. Но и прогресс общества невозможен без научно-технического прогресса. Всякая палка о двух концах: общественные процессы ускоряют (или замедляют) научно-технический прогресс, выдвигая к нему требования и создавая для него условия.

Современные открытия ученых в области атомной и молекулярной структуры веществ, обнаружение новых источников энергии, законов биосферы обеспечили науке главную роль в совершенствовании техники. Растущие потребности общества заставляют все полнее использовать это богатство. НТР изменила мир. Но мы находимся только в начале глобальных перемен. Какими они будут, как скоро произойдут, — зависит от темпов научно-технического прогресса.

Сегодня это — основная сфера соревнования двух систем — социалистической и капиталистической.

Капиталист от рождения не пренебрегал возможностями расширения технической мощи. Это он тратил свои честно заработанные бесчеловечной эксплуатацией деньги на строительство паровых машин, железных дорог, пароходов, это он основал первые мануфактуры, фабрики и невиданные

заводы. Не он сам, конечно. Но те великие технические идеи, светлые помыслы, которые капиталисту не приглянулись и не были им поддержаны, чахли или влачили жалкое существование. Расцвело лишь то, что он кормил, брал в аренду, покупал, эксплуатировал.

И ему нельзя отказать в чутке. Он так преуспел в своей деятельности, что сама природа стала тесна, стала ограничивать естественными рамками его неумное стремление все расширять и расширять масштабы производства.

Что ж теперь — остановиться? Но нельзя же остановить прогресс. И не таков капиталист, чтобы не воспользоваться этим обстоятельством.

Он стал вкладывать капиталы в науку. Пусть гении творят, а он уж найдет способ превратить их творения в свои прибыли. Это было не меценатство, а расчет, и расчет правильный.

Ученые так глубоко заглянули в тайны природы, что стали создавать материалы, которые сама она создать не могла, со свойствами, специально предназначенными для производства необходимых товаров, нашли новые источники энергии, создали электронный мозг — компьютер.

Все это многократно расширило человеческие знания, безгранично увеличило силу человека. Но капиталисту что за прок от силы и знаний? Чтобы великие открытия приносили ему прибыль, он незамедлительно пускал их в дело — в производство. И этим выполнил свое предназначение на земле.

На первый взгляд кажется, что ничего не изменилось. Как в результате прошлой — промышленной — революции, так и в результате нынешней — научно-технической — значительно выросли его доходы, расширились возможности эксплуатации трудящихся. Кажется, все то же, только больше, намного больше.

Однако слишком больше — это не просто больше, это — другое. Воду, например, можно нагреть только до ста градусов, дальше она превращается в пар. Как при скорости, близкой к скорости света, прекращают действие, например, законы Ньютоновой физики, так и перед темпами научно-технического прогресса эпохи НТР не могут устоять естественные законы капиталистической выгоды.

Что это за темпы? Не будем вспоминать, как на три тысячи лет растянулось в свое время совершенствование колеса — слишком далеко. Ближе автомобиль — детище промышленной революции. Сравним с компьютером — детищем НТР. Так вот, западные эксперты подсчитали: если бы прогресс в производстве автомобилей шел теми же темпами, что в производстве компьютеров, то стоимость автомобиля составляла бы сегодня доллар. А ведь компьютер — лицо современного производства.

Теперь посмотрим, что при таких темпах произойдет с обычными для капиталиста представлениями о выгодном и невыгодном... Вот еще один прогноз западных экономистов: если прогресс техники не сдерживать (а какой рачительный хозяин станет его сдерживать?), то благодаря компьютеризации и автоматизации производства к середине 90-х годов нашего века в передовых отраслях промышленности роботы заменят семь—девять рабочих из каждых десяти. Выгодно? Еще бы: в 10 раз меньше рабочих придется содержать капиталисту. Такая экономия!

Но это значит, девятеро из каждой десятки пополняют армию безработных. Пока обездоленных, как сейчас, было по одному, двое, трое из десяти, они оставались в меньшинстве. Как думаешь — когда перед подавляющим большинством трудящихся окажется перспектива

оказаться на улице, станут они мириться с таким строем? Можешь не отвечать — это был риторический вопрос.

Но допустим, даже смирятся. Кто будет покупать у капиталиста произведенные на высокомеханизированных предприятиях в абсолютном изобилии отличные и даже дешевые товары, если подавляющее большинство населения — безработные?

То есть, раскрутив маховик научно-технического прогресса, капиталист заманил себя в ловушку — вызванная им центробежная сила его же и выбросит с экономической, а заодно и с политической орбиты. Так было со всеми его предшественниками, лишь только они вставали на пути прогресса.

У нас же объективных препон развитию науки и техники нет. Сколько бы ни расширялись возможности производства — только на пользу. Поскольку достижения научно-технического прогресса используются в интересах всего общества.

Объективных препон нет, а субъективные есть. Капиталист знает, что, применив прогрессивное новшество, он быстро получит прибыль и обскочит конкурентов. Не применить не может — применяют другие и обскочат его. У нас же хозяйственник от такой опасности избавлен. Его конкурент не съест — другие отношения в обществе.

Это и позволяло недалеким хозяйственникам не слишком торопиться с обновлением производства. Все же дело хлопотное, требует знаний и немалых трудов. Скажем, семикласснику легко решать задачки для пятого класса, а если ему за них ставят пятерки и в седьмом, он, пожалуй, не будет желать никаких перемен. И вырастет неучем.

Когда дело касается какого-то лодыря-семиклассника и его снисходительных учителей, это еще полбеды. Но когда так же спокойно чувствует себя хозяйственник и, получая свои «пятерки» в виде окладов, премий и почета, упорно цепляется за старое, урон несет все общество. Покой противоречит развитию. А замедление развития противоречит природе социализма.

Вот почему сейчас введены экономические меры, лишаящие накладного для общества покоя тех, кто не спешит обновлять производство, способствующие использованию всех преимуществ социализма для ускорения научно-технического прогресса. Это на XXVII съезде КПСС определено как стратегическая линия партии.

Автор уж было решил разыскать Экономова, чтобы все это ему толком объяснить. Но оказалось, он уже здесь и сам (даром, что не репортер) стал из-за авторской спины задавать вопросы Экономисту:

— А как же человек? Для нас же главное — человек. А мы его, выходит, к конвейеру?

Экономист не смутился.

— Верно, — подтвердил он. — Но мы ведь взяли у капиталиста способ организации производства, а не цель. Цель осталась наша — благо человека. Каждый шаг повышения производительности дается теперь прогрессом техники. Если каждый этап производственного конвейера механизировать, автоматизировать, человеку придется управлять техникой, а не прислуживать ей.

— А, я понял, о чем вы говорите, — проявил эрудицию Николай. — Все будут делать автоматы, роботы, а человек — только кнопки нажимать.

Экономист промолчал, только посмотрел на любознательного школьника как-то странно. Зато Мальчик, все это время молчавший, обескураженный мрачной перспективой превратиться в придаток машины, обрадовался. Прежняя веселость вернулась к нему.

— Во! — закричал он. — Это мне подходит! Мало я, что ли, в течение долгой своей жизни горбатил на капиталиста? Пусть теперь за меня роботы поработают. Кнопки нажимать — это мы освоим, правда, Колян? Кнопки нажимать — милое дело. И учиться не надо! А ты мне не верил. Хочешь, хоть сейчас нажму, покажи только, где и какие.

А Экономист все молчал. Наконец он повернулся к автору и строго спросил:

— Послушайте, это вы репортер?

— Конечно я, — гордо ответил автор и тут же смутился: какой же он репортер, если вопросы все время задают другие?

— Ну так сделайте для молодых людей репортаж из будущего — чего зря время терять?

И автор почувствовал, как раздвигаются стены коридора. Мягким светом озарилось просторное помещение. Мерное жужжание, пощелкивание и легкий стрекот раздавались из расставленных вдоль стен шкафов, покрытых пластиком. На авторе вдруг оказался белый халат и белая шапочка. Рядом в таком же врачебном облачении топтались, робко оглядываясь вокруг, Экономов и Мальчик.

Репортаж из будущего Кто у пульта?

Если репортер оказывается в непредвиденной ситуации в присутствии посторонних, он первым делом должен показать, что для него, по крайней мере, ничего непредвиденного не произошло.

— Спокойно, ребята, — бодро сказал автор, — поднялись мы не очень высоко — лет на десять—пятнадцать. Так что голова не закружится. Мы находимся в цехе завода по производству... по производству...

Тут, на счастье автора, из последнего шкафа выплыл автомобильный двигатель, съехал на движущуюся дорожку и через автоматически открывшиеся створки в стене укатил вон из цеха.

— ...двигателей. Двигатель, ребята, состоит из многих сложных деталей, над его созданием трудится много людей. Сейчас мы с вами увидим токарей, слесарей, фрезеровщиков, шлифовщиков — одним словом, станочников, которых на машиностроительном предприятии больше, чем кого-либо, поскольку именно они занимаются обработкой металлов. Увидим также электриков, ремонтников, смазчиков, гальваников и сборщиков. Хорошо бы еще увидеть конструкторов и технологов, но их нет в цехе, они сидят в отделах и бюро. А представителей рабочих специальностей мы сейчас увидим... сейчас...

Автор встал на цыпочки, заглядывая в даль пролета, забежал за ряд шкафов... Никого нигде не было.

И тут он заметил, что среди шкафов висят стеклянными стенами

кабина, размером с просторную комнату. В кабине сидел парень и смотрел телевизор.

Автор облегченно вздохнул, сунул руку в карман за блокнотом... И понял, что с облегченным вздохом поторопился. Блокнота не было. Вместо него лежала какая-то плоская коробочка с клавишами на боковой грани. Автор не первый год репортер, он не растерялся, он быстро смекнул, что это диктофон неизвестной системы, но ладно. «Разберемся», — решил автор и поспешил в кабину.

Он поспешил, потому что его уже опередил Экономов. Еще бы! Для Николая любимое занятие — смотреть телевизор. Если мама не гонит, он смотрит все программы подряд. Он бросился к экрану.

Но такой скучной передачи Экономов еще не видел. На экране подрагивало изображение какого-то двигателя, а рядом выстраивались колонки цифр. «Хоть бы переключил программу», — подумал Николай про парня, хозяина кабины. Парень словно услышал его — нажал клавишу.

Автору даже стало жалко Экономова — такое разочарование! По другой программе тоже показывали двигатель. Немножко другой, но двигатель, и новые колонки цифр — ни Волка, ни Зайца, ни капитана Врунгеля, ни капитана Жеглова. А хозяину кабины было просто жуть как интересно, он не сводил взгляд с экрана, даже не обратил внимания на вошедших.

— Исправь ошибку! — внезапно сказал он.

— Вы это кому? — обиделся автор.

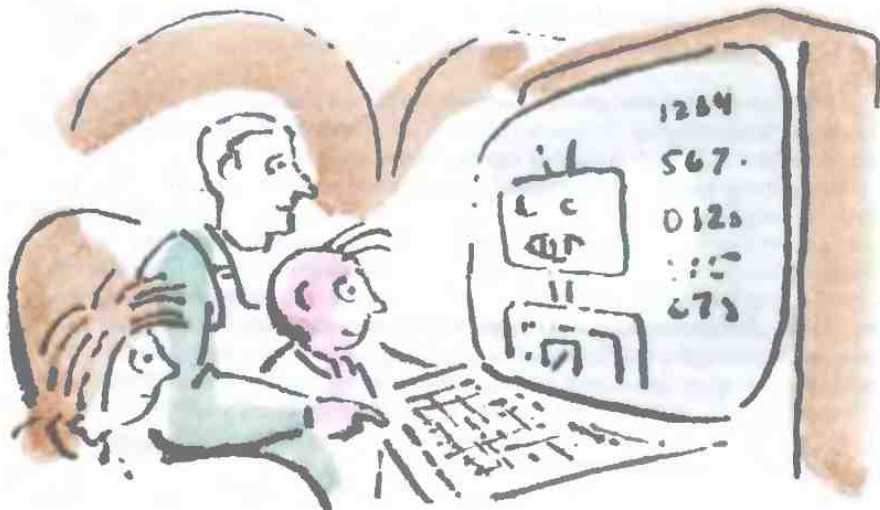
— Да машине, кому же еще? — ответил парень. — Здравствуйте.

— Ха! — развеселился Мальчик. — Видали чудака? Да она ведь железная!

— Ошибка исправлена! — вдруг отреагировал металлическим голосом телевизор. — Корректируйте. Вариант сто семнадцатый.

Мальчик опасливо сиганул от экрана.

— Не дерется?

— Да нет. — успокоил парень, — не запрограммировано. Это ЭВМ пятого поколения, она ведет диалог с человеком в непосредственном контакте. — Парень ткнул пальцем в экран. — Вот здесь замени по программе ДБК-семьсот пятьдесят пять.

— Коррекция некорректна, — ответила машина. — Увеличится расход металла. Предлагаю применить узел по программе КДБ-четыре-ста сорок четыре.

— Мы через десять минут запускаем новый двигатель, — пояснил гостям парень, — я отбираю оптимальные параметры работы цеха.

Автор, оправившись от неожиданностей, решил взять все-таки на себя роль репортера.

— Запуск нового двигателя, ребята, — начал он, — это огромная работа. Разрабатывается новая конструкция, новые технологические карты, подготавливается новая оснастка, а иногда и новое оборудование. Эта работа занимает долгие месяцы, а порой и годы кропотливого труда, настоящих специалистов своего дела, беззаветных тружеников...

— Да нет, — прервал его парень, — у нас же гибкая производственная система — ГПС. С помощью автоматизированной системы проектирования мы быстро обчисляем необходимые параметры, с помощью автоматизированной системы управления перестраиваем технологию, заменяем программу в обрабатывающих центрах и роботах — минутное дело.

— А как переносят такие быстрые перестройки станочники, наладчики, сборщики? — задал репортерский вопрос автор.

— А где вы их видели? — удивился парень. — У нас их работу выполняют обрабатывающие центры, роботы.

— И что, ни одного, например, токаря в цехе?

— Почему? Я, например, кончал ПТУ по токарной специальности — «оператор станков с числовым программным управлением». Потом еще учился, у нас каждые три—пять лет — учеба. Вот мой товарищ, наладчик...

В кабину как раз заглянул наладчик.

— Привет, Коля, — сказал он, и Экономов при этом вздрогнул. — Тут машина дала сигнал возможного сбоя в блоке ОВК-двести семьдесят семь дробь три тысячи сто сорок семь-бис. Я пойду замену.

— Ага, — ответил оператор, — разберись там заодно с ВХБ-триста пятьдесят сорок восемь дробь семьдесят шесть-прим. Что-то он мне не нравится.

Тут автор с ужасом вспомнил: он же ничего не записал! Диктофон неизвестной системы так и лежал в кармане

— Послушайте, Коля, — попросил он, — не можете ли вы или ваш приятель разобраться с этой штукой? Что-то мне с такими диктофонами еще не приходилось работать.

— А, — махнул рукой парень, — устаревшая модель. Это не диктофон, это устройство для ввода информации в персональный компьютер. Я вам скажу шифр нашей системы, дома подключитесь к своему персональному компьютеру и получите все сведения из централизованного банка информации. Дело нехитрое.

Автор крепко схватил за руки своих спутников. От стыда он провалиться хотел. Так сильно захотел, что провалился, — обратно в наше время.

Здесь их уже поджидал Экономист.

— Ух, и здорово! — поделился Экономов. — Ну и парень!

— Шибко ученый, наверное, — предположил Мальчик, — не про нашу честь. Эх, придется мне, наверное, устроиться туда пыль со шкафов стирать.

— А может, — улыбнулся Экономист, — это вы и есть? Только лет на десять повзрослевшие.

Тут Экономов и вспомнил, как дернулся, когда наладчик оператора Колей назвал. Неужели правда? А Мальчик вслух возразил:

— Это когда ж будет — такой завод, такой цех? Хорошо, я не старюсь, а Кольке каково?

— Такие цехи уже есть. А к концу века их будет большинство. К этому времени именно вы станете основной производительной силой страны. Так что вам здесь и работать.

— А вдруг у меня с математикой возникнут нелады, физику не освою? — забеспокоился Мальчик.

— Не изучишь в школе — придется сесть за парту потом, когда коленки из-за парты будут торчать, а школьники тебя дядей называют. Но придется обязательно, выхода нет.

— А может, он в ПТУ захочет пойти, — вступился за друга Экономов, — туда всех принимают, мне говорили. Год-два отучишься — и к станку, и зарплата приличная.

— Устаревшие сведения, — резюмировал Экономист. — Уже сейчас в ПТУ, готовящие специалистов по обслуживанию гибких производств, роботов-манипуляторов, — конкурсы. Это лишь начало. Основная рабочая профессия будущего не станочник, а специалист по обслуживанию автоматизированных производственных систем. Она требует знаний на уровне сегодняшнего инженера и навыков высококвалифицированного рабочего. Такому рабочему одинаково важны и толковая голова, и умелые руки. Так что учиться придется всем. и не как-нибудь — глубоко.

Автор решил уже не приставать со своими репортерскими вопросами. Он видел: и Мальчика не надо убеждать. Удостоверившись, что учебы ему не миновать, тот не выглядел несчастным.

Но тут попытался все испортить прибежавший Капиталист.

— Размечтались! — закричал он. — Задаром Мальчика хотите зубрежкой извести! Все равно у меня компьютеризация наступит раньше — я ведь раньше начал!..

— Раньше начал — раньше кончишь, — ответил ему Экономов, как отрезал. — А предела нашему совершенствованию нет.

— Вот еще! — фыркнул Капиталист. — Вы сначала это делом докажите. О заводах-автоматах мечтаете? А у меня они уже есть. Персональные компьютеры осваиваете? А у нас они уже освоены. Да вы сами-то посудите — вам какой магнитофон больше нравится: «Весна» или «Панасоник»? Кроссовки фирмы «Адидас» или «Скороход»? То-то.

Тут, надо сказать, Экономов растерялся. Признаться, он испытывал некоторую слабость к «фирменным» вещам. Оставаясь при этом, конечно, убежденным патриотом. Как-то одно с другим не связывал. И теперь его пронзило чувство запоздалого раскаяния.

— А у нас, между прочим, — подзуживал Капиталист, уловив замешательство Экономова, — есть даже кроссовки с компьютером.

Ты бежишь, а он расстояние отмеряет, скорость, подсчитывает частоту пульса. Что магнитофоны! Есть наручные часы с телевизором. Столько всего есть...

— Подумаешь! — не нашел ничего лучше для возражений Экономов. — А нам этого вообще не надо.

Капиталист сардонически расхохотался. На Николая жалко было смотреть. Автор чувствовал — надо помочь. Но сказать, что ему не нужна хорошая обувь и тем более портативный репортерский диктофон, он не мог: врать не договаривались. Экономов, конечно, друг, но истина дороже.

Пауза неприятно затягивалась. И в этом, признаемся, двусмысленном молчании все ждали, что скажет Экономист.

— Как это не надо? — сказал он, возвращая нас к последней фразе Николая и как бы возражая ему: — Надо нам, очень надо. Причем надо нам всем.

Тут, конечно, мстительное торжество Капиталиста, обреченное согласие автора, отчаяние Экономова. А Экономист, словно не замечая молчаливой бури страстей, посоветовал любознательному ученику:

— Вы спросите у него, — он кивнул на загордившегося Капиталиста, — для кого выпускаются эти же кроссовки с компьютером или наручные телевизоры — не для безработных ли, которых становится все больше в результате автоматизации, компьютеризации, вообще научно-технического прогресса?

Николай воспрял, а Капиталист возмутился:

— А можно, сначала я спрошу? Почему это у нас все же есть то, чего у вас нет? Почему нам до сих пор удается использовать достижения НТР быстрее, чем вам? Почему, наконец, НТР уже давно наступила, а наш не приспособленный, как вы говорите, к прогрессу строй еще не лопнул и даже сливки снимает?

— Я отвечу, — не смутился Экономист. — Потому, во-первых, что вы и вправду раньше начали.

Вы, действительно, опытнее и умеете — пока! — преодолевать недостатки капиталистической системы лучше, чем мы использовать преимущества социализма.

— Вот видите! — воспрял Капиталист.

— Ничего, научимся, чем сейчас как раз и заняты. А естественные недостатки капитализма все равно никуда не исчезнут. НТР лишь обостряет — а с ускорением темпов научно-технического прогресса все резче — основное противоречие капитализма: между общественным характером производства и частным способом присвоения.

— Ладно-ладно, — не сдавался Капиталист, — будто НТР не перед всеми ставит одинаковые проблемы! Техника вне политики. Природа границ не соблюдает. Перед компьютером все равны. С чего это вы взяли, что вас НТР избавит от противоречий?

— Не избавит, — согласился Экономист. — Мы уже сегодня сталкиваемся с противоречиями эпохи НТР. Вся суть в том, чья система предрасположена к разрешению их, а чья нет. У нас ведь разные экономические законы. Это компас. Если двигаться четко по указанному азимуту, мы выйдем на свет. Надо только держаться маршрута, сориентированного по компасной стрелке, — экономическим законам социализма.

ОСТОВ. ОСНОВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН

Из яблони нельзя вырастить сливы, в море бесполезно ловить карасей, от коровы не получить ягненок. Хотя яблоня предназначена давать плоды, в морях достаточно рыбы, корова приносит потомство. Но надо знать, чего от кого ждать, и, затеяв сливовое повидло, яблоню зазря не околачивать.

Человек, мало-мальски знакомый с законами природы, этого делать и не станет. Даже если он завзятый мичуринец и менять природой данное всегда готов. Меняя себе на здоровье, но все затеянные тобой перемены лишь тогда увенчаются успехом, когда будут они соответствовать основным законам природы.

Это же характерно и для природы общественных отношений. Хотя здесь свои законы — юридические и экономические.

Свод юридических законов государства составят приличную библиотеку из пухлых томов. Но все они — те, что были, есть и еще будут приняты, — лишь производное от Основного Закона — Конституции. — как яблоки от яблони.

Экономических законов меньше. Они долговечнее и универсальнее — их действие ограничено не государственными границами одной страны, а масштабами общественно-экономической формации. У каждой формации свой основной экономический закон (надоел тебе, наверно, мой пример с яблоней, но я опять должен повторить, что сливами она не плодоносит), и все остальные происходят от него.

Ждать от капитализма обеспечения благоденствия всего общества так же бессмысленно, как от коровы ягненок (ну, никуда не деться от навязчивой аналогии). Его основной закон этого вовсе не предусматривает.

«Движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства, — писал Карл Маркс, — является возможно большее

самовозрастание капитала, то есть возможно большее производство прибавочной стоимости, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом».

Тут тебе и цели, и средства их достижения. Содержание основного экономического закона заключается в этом. Значит, все экономические законы, на нем построенные, должны способствовать производству максимальной прибавочной стоимости, распределению, обеспечивающему капиталисту ее же, обмен ради нее и ее потреблению. Осуществление этих законов без эксплуатации и имущественного неравенства невозможно. Такой порядок фиксируется и в юридических законах капиталистического государства.

Ну, а при социализме, понятно, все иначе. Только как иначе? Не прибавочная стоимость, а прибавочный Продукт, и достается не капиталисту, а всему обществу? В этом суть? Может показаться, что в этом.

Если читатель уже читает газеты (а вообще-то, пора), он давно заметил, как настойчиво борются коллективы наших предприятий, чтобы произвести больше Продукта. И прочитав, что завод X выпустил больше карбюраторов, чем в прошлом году, а домна Y выплавил больше чугуна, он справедливо радуется за карбюраторщики и доменщики. Этого может быть достаточно для вывода о том, что и наша цель — дать как можно больше, только не прибавочной стоимости, а прибавочного Продукта.

И тогда я спрашиваю: какая же разница? Только в названиях?

Автор любит воображаемо ставить в тупик воображаемого читателя. Но любит он и давать советы. Для того чтобы выяснить, надо радоваться или нет, советую прежде узнать, нужны ли нам эти дополнительные карбюраторы и чугун.

«Ну как же, — скажет догадливый читатель, — это же наши карбюраторы, наш чугун!» А карбюраторщики с доменщиками подтвердят: «Конечно надо — какой автомобиль без карбюратора, без металла? У вас есть автомобиль? Нет. Потому что не хватает. А теперь, возможно, будет».

Но я еще спрошу: «А те ли это карбюраторы, тот ли металл, что нам нужен?» — «Ну, может, и не совсем тот, — признаются, допустим, карбюраторщики, — есть более совершенные, но для их выпуска пришлось бы производить реконструкцию, мы бы план по количеству не выполнили, а так — дали сверх плана». — «Да вообще-то из чугуна автомобили не делаются, — уточняют доменщики. — Его надо переплавлять в сталь. Мы бы тоже могли сразу сталь варить, да нужно домну ломать, строить специальную установку, а так — мы свою старушку лишь обновили и льем, не останавливаясь».

А у меня еще вопрос: за счет чего же удалось дать больше продукции? «За счет героических усилий, — гордо ответят карбюраторщики. — Поскольку реконструкция у нас не было, а хотелось сделать больше, оставались после смены, работали из последних сил, дома — только ночевали, никакого отдыха, никаких развлечений, книжку не почитать...» — «А мы, — скажут доменщики, которые тоже проявили самоотверженность, — реконструкцию как раз произвели, хоть она была не предусмотрена. Из-за этого не хватило средств на строительство кинотеатра, клуба, детсада и поликлиники в нашем поселке металлургов. В кино, к врачу, в театр ездим в соседний город, с детьми наши жены дома сидят, а художественной самодеятельностью совсем не занимаемся. Зато уж чугуна наварили!..».

Ну так что — радоваться? Может, если все примутся так работать, не

щадя себя, у меня и будет в конце концов автомобиль. Но что-то мне не хочется автомобиля такой ценой. Что толку, коли мы, лишившись эксплуататора-капиталиста, станем изматывать чрезмерной работой сами себя?

Значит, может основной экономический закон социализма предусматривать такую работу? Правильно, не может.

Если на знамени капитализма написано: «Производство прибавочной стоимости!», то лозунг социализма: «Благо человека!». Вот в чем разница. Но поскольку блага человека в социалистическом обществе никто не может обеспечить, кроме него самого, то непрерывный рост и совершенствование общественного производства — необходимое условие осуществления этой задачи. Главная цель и средства ее достижения в условиях общенародной собственности на средства производства и составляют содержание основного экономического закона.

«Высшая цель общественного производства при социализме — наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей» — так записано в Конституции нашего социалистического государства. Понятно, почему он ориентирует на удовлетворение растущих потребностей? Потому что непрерывный рост потребностей не противоречит цели социализма — за то и боролись. Но — хотеть не вредно. Чтобы получить, надо иметь, чтобы иметь — произвести. Так что тогда уж и рост производства должен быть достаточным. Уровень удовлетворения потребностей зависит от уровня развития производства.

В принципе, ничего нет проще, чем расширить производство до полного удовлетворения потребностей. Станем работать не по восемь, а по шестнадцать часов в сутки — и сразу всего будет вдвое! Но о каких благах может идти речь, когда вся жизнь — только работа? Развивать производство ради производства, в ущерб развитию самого человека — грубейшее нарушение основного экономического закона.

Значит, какое, в соответствии с ним, расширение общественного производства необходимо социализму? Только такое, которое обеспечивает экономию рабочего времени общества. Лишь в этом случае цель достигается: есть растущие материальные и духовные потребности, есть чем их удовлетворять, есть куда расти дальше, есть условия для всестороннего гармоничного развития личности.

Экономия времени — это фактически — экономия труда. Любая экономия сводится к экономии времени. Научились мы экономить топливо, металл, бумагу, зерно, гвозди, шестеренки, но ведь на все это затрачен чей-то труд, кто-то работал, их создавая, — значит, сэкономили время. Сэкономили время, — значит, повысили производительность труда. Неуклонный рост производительности труда — первейший экономический закон социализма, ибо без него невозможно осуществлять основной экономический закон.

Капиталист тоже неуклонно повышает производительность труда, но — в рамках своего предприятия. Также озабочен экономией времени, но — только оплаченного им рабочего времени. Потери общества его не волнуют. Нас — да. Поскольку все эти потери — наши. Мы объективно более заинтересованы в экономии. Однако нам труднее, ведь мы должны соотносить затраты и приобретения в масштабах всего народного хозяйства, увязывать потребности с возможностями, согласовывать действия.

Выполнение столь сложной задачи обеспечивается планомерным, пропорциональным развитием, — это тоже экономический закон социализма.

Общая заинтересованность всех строится на личной заинтересованности каждого. Работая на удовлетворение потребностей общества я (или мой коллектив) претендую на соответствующую часть произведенных благ. И вправе претендовать, поскольку при социализме действует закон распределения по труду.

Все эти и многие другие законы порождены основным экономическим законом социализма — законом движения социалистической экономики.

После того как мы благополучно засудили Капиталиста, освободили Мальчика от непосильного труда, предоставили ему возможность учиться и даже больше — убедили в необходимости воспользоваться этой возможностью, нет никаких сомнений, что живет он, как любой из нас.

То есть у него началась новая жизнь. А с чего начинать новую жизнь? Как все — с понедельника? Нет — с воскресенья.

С воскресенья! Ведь от какой напасти мы освободили Мальчика? От необходимости трудиться, чтобы с голоду не умереть. Провести шесть часов в школе для человека, который когда-то по шестнадцать часов горбился за верстаком, — тоже труд, но гораздо более легкий и приятный. Но вообще труд — дело привычное. А внове для него — возможность отдыхать и развлекаться.

Веселое воскресенье — вот с чего начинается для Мальчика новая жизнь. Вот о чем он мог безнадежно мечтать и чем радоваться сейчас, когда мечта осуществилась.

Да, еще одна дополнительная деталь. Раз Мальчик живет так же, как любой из вас, то он теперь... как бы это деликатней сказать... ну, не работник. А если откровенней определить его экономический статус, он — иждивенец. То есть сам себе на жизнь не зарабатывает. Где же деньги берет? Ну наверное, чтоб он уже ничем не отличался от любого из вас, у мамы. Или у папы. Раньше, когда Мальчик был вполне самостоятельным человеком, нас не интересовало, есть ли у него родители, — это не влияло на ход рассказа. А теперь скажем: есть. Потому что теперь он такой же, как вы, как Николай Экономов, например, с которым у Мальчика, благодаря последним событиям, завязалась крепкая дружба.

Запомним все это, начиная новую жизнь, веселое воскресенье и...

РАССКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ
ОТКУДА ЧТО БЕРЕТСЯ

Морской бой

н уткнул лицо в резиновую маску водоискателя. Горизонт был светел и чист. Ладони запотели на рукоятках, когда вдали, на самом склоне моря, наконец показалось первое судно каравана.

Там не видят его, там покой и безопасность, твердый

курс, ровный ход. Там не знают ни участи своей, ни его крепкой руки, верного глаза. Но он уже развернул торпедный аппарат и установил неумолимое перекрестье прицела с упреждением по курсу. Рано? Нет, пора. И палец, привычно нащупав гашетку, застывает, вмяная ее в рукоять даже после того, как, послушный приказу, голубым бегущим пунктиром потянулся к приговоренному судну торпедный след.

Грохнул выстрел. Зарево залило небо и море.

Когда все стихло и улеглось, новое судно возникло на горизонте. Следующую торпеду он послал уверенней. Но уже на полпути ее к цели понял, что промахнулся.

Так повторялось еще и еще. Голубая прерывистая дорожка равнодушно уходила в никуда, небо оставалось чистым, нетронутой тишина, вражеские корабли спокойно следовали курсу, не замечая ни торпед его, ни досады.

И наконец наступил момент, когда послушная гашетка не отозвалась. Он вспомнил, что в запасе у него было только десять торпед...

И тогда Мальчик (а ведь это он и был, изображая из себя отважного подводника) опустил еще одну пятнадцатикопеечную монету в щель автомата.

Новый бой прошел успешнее. Опыт — великая вещь.

«Ах, — подумал Мальчик, — если бы удалось провести хотя бы десять боев, то уж в одиннадцатом я наверняка бы все торпеды послал в цель! Ах, если еще каждое воскресенье да по десять боев...»

Но Мальчик понимал: надежда на это слабая. Честно говоря, никакой надежды. Пятиалтынных больше не было.

Он оглянулся. Рядом вел свой истребитель на посадку Николай Экономов.

— Второй? — крикнул Мальчик, перекрывая раскаты выстрелов и рев моторов.

Экономов грустно кивнул, отвернувшись от погасшего экрана.

И, чтобы не расстраиваться еще больше, друзья ушли отсюда, оба одинаково грустные.

Могу объяснить не только, почему они загрустили, но и почему загрустили оба, и почему одинаково. Дело в том, что на воскресные развлечения родители дали им одинаковую сумму — по рублю. И тратили друзья эти деньги одинаково. Во-первых, они пошли в кино. Вернее, поехали, истратив по пять копеек на автобус, и по пятаку оставили на обратную дорогу. По двадцать пять копеек — билеты в кино. А какое воскресное кино без мороженого? Взяли по сто пятьдесят граммов ассорти — всего-то на один зуб. Стало быть, еще по тридцать копеек долой. И кто осудит двух приятелей, если эту прохладную сладость (имеется в виду мороженое, а не копейки) они решили запить минеральной по пять копеек стакан?

В общем, в заветный уголок фойе кинотеатра, где приглушенно вздыхают взрывы, где сполохи и раскатистый кашель выстрелов двухминутного сафари, где кипят пятиалтынные бои, они пришли, имея по две пятнадцатикопеечные монетки на брата, и Мальчик мог позволить себе не более двух комплектов торпед в морском бою, а Николай — не более двух раундов боя воздушного.

Надо ли объяснять, что этого мало? Что с такими материальными ресурсами не станешь ни морским снайпером, ни воздушным асом?

Что, теперь остается целых полчаса до начала сеанса лишь грустить и грустить? Или искать ошибки собственной расточительности.

Зная неунывающий нрав наших героев, мы вправе предположить, что, погрузив некоторое время о безвозвратно утраченном, они все же решили проанализировать свои действия, дабы в следующий раз поступить разумно.

Сюжеты по бюджету

— Нет, — задумчиво сказал Мальчик, — все-таки мог я на свой рубль пострелять и побольше.

— Это как же? — удивился Экономов.

— Пожалуй, не следовало мороженого есть. Ведь обходился я тысячу лет без мороженого, и ничего.

— Не поправилось тебе, значит, мороженое? — съехидничал Экономов.

Мальчик вздохнул. Кто ж не любит мороженого? Только тот, кто никогда не пробовал. А Мальчик уже попробовал. И — полюбил. На всю жизнь.

— Ну, тогда без фильма обойтись, — несмело предположил он.

— Да ты что! — Тут уж Николай возмутился. Он пятый раз шел смотреть «В зоне особого внимания», и всякие сомнения в выдающихся качествах этого фильма просто терпеть не мог. — Да ты знаешь, как тот ему: «Руки!», а этот — раз, раз, опа, понял? А те, такие, — и лежат. А эти — под водой, там вертолет, раз — карту. И по проводу, а командир, такой, раз, раз: «Гвардии лейтенант Тарасов, десантные войска. Ваш ЭКП уничтожен»... Вот! А ты — обойтись.

После столь яркого рассказа Мальчик и сам понял, что сморозил чушь несусветную.

— Что ж теперь, — опечалился он, — выходит, и выхода нет?

— Не горюй, — успокоил его Экономов, — это ты с непривычки. Мы своими рублями распорядились правильно. Если бы все деньги на автобусе проездили, или на мороженое извели, чтоб до ангины доестся, или — что еще хуже — вместо морских и воздушных боев стали бы кататься на дурацких каруселях, это было бы, действительно, глупо. А так — и мороженое съели, и на классный фильм пошли, и постреляли. Другое дело, что мало. Но больше-то удовольствий нельзя получить на рубль. Мы выбрали все самое ценное, что позволял нам наш бюджет...

ОСТОВ. БЮДЖЕТ

Вся наша жизнь состоит из приобретений и трат. Не всегда их можно учесть и тем более уравновесить те и другие. Но в экономике это необходимо. И возможно — если выразить все приобретенное и утраченное в универсальном измерителе, всеобщем эквиваленте — в деньгах.

Так вот, бюджет и есть выраженная в деньгах роспись доходов и расходов на какой-то период: год, или квартал года, или месяц... Но может быть и день — ничего страшного. Так что в этом смысле Экономов вполне

**Бюджет Мальчика (или Экономова)
на 1 день (воскресенье)**

Доход
1 рубль от папы

Итого: 1 рубль.

Расход

1. Транспорт	— 0,10 рубля.
2. Еда (ассорти)	— 0,30 рубля.
3. Питье	— 0,05 рубля.
4. Культурная программа	— 0,25 рубля.
5. Расходы на «оборону»	— 0,30 рубля.
Итого:	1 рубль.

155

имел право употребить новое слово. Однако если уж бюджет как бюджет, то нашим героям следовало до начала всех трат расписать.

Видишь? В бюджете всегда доходы и расходы должны быть сбалансированы. Если бы Мальчик или Экономов потратили не рубль, а рубль двадцать, тогда получилось бы, что бюджет сводится с недостатком, или дефицитом (знакомое слово?). Если бы, наоборот, потратили не рубль, а полтинник, то тогда бюджет сводился бы с остатком.

Ну, ребята дефицита не допустили. Так что, если принять их рубли за бюджетные, они, действительно, распорядились своим бюджетом правильно. Однако рублем распорядиться несложно. А если в статье доходов — 397,4 миллиарда рублей, расходов — 397 миллиардов? Именно такие итоговые суммы были представлены, например, в Государственном бюджете СССР на 1985 год.

Как образуются такие суммы? В социалистическом государстве — главным образом за счет отчислений от прибыли государственных и кооперативных предприятий и организаций (в 1985 году они составили 365,9 миллиарда из 397 миллиардов), в капиталистическом — в основном за счет налогов с населения. Но у нас государство же и тратит львиную долю полученных денег на развитие хозяйства, улучшение жизни своих граждан, а также на оборону, образование, здравоохранение.

Государственный бюджет — главный накопитель, куда стекаются реки и ручейки всех доходов, и главный распределитель, откуда основная часть этих рек и ручейков вытекает в виде расходов. Утверждается он на сессии Верховного Совета СССР и тогда становится законом. Вне бюджета никто ничего не получит.

Это, однако, не означает, что все сотни миллиардов в одно время в одном месте разделены на все. Из Кремля не видно, что на вашей улице прохудилась мостовая — надо ремонтировать; в вашем универсаме слишком

большие очереди и надо строить еще один; местная швейная фабрика нуждается в реконструкции, а от ближайшей станции метро к вашему микрорайону надо бы проложить еще один автобусный маршрут.

Из средств, выделенных государственным бюджетом, составляются бюджеты союзных и автономных республик, областей, городов, сел и поселков. Так от ступеньки к ступеньке детализируются и уточняются статьи государственного бюджета. Не теряя при этом связи с ним.

То есть в почти 400-миллиардной статье расходов Государственного бюджета не был назван, но был предусмотрен тот рубль, который истратил в воскресенье, скажем, Николай Экономов.

Можно в общих чертах проследить его путь. По статье расходов государственного бюджета на народное хозяйство экономовский рубль — каплей в почти 230-миллиардном потоке — попал в бюджет машиностроительной отрасли, перетек в реку, наполняющую доход предприятия, где трудится экономовский папа, а оттуда по ручью расходов на заработную плату влился в бюджет его семьи. Тут он уже различим, отсюда Николай и зачерпнул своей нетрудовой пока ладошкой обретенную реальную вес незаметную когда-то каплю. И отправился... пополнять статью доходов Государственного бюджета СССР.

Ну да, а ты как думал? Сначала Николай внес 5 копеек в доход городского транспорта (на обратном пути из кинотеатра отдаст туда же еще пятак). Потом Экономов пополнил кассу кинотеатра 25 копейками, 35 копеек внес в доход общественного питания и 30 — «Союзаттракциона».

Экономовские копейки сложатся в конце концов в рубли дохода системы кинопроката, общественного питания и «Союзаттракциона» и в качестве отчислений от прибыли, а также налога с оборота вольются в доход государства.

Так, умело распорядившись своим рублем, Экономов (а равно и Мальчик) пополнил Государственный бюджет СССР.

А теперь представим, что автобус где-то в дороге застрял. Мальчики ждали, ждали его на остановке — плюнули и пошли в кинотеатр пешком. А там вместо прекрасного фильма «В зоне особого внимания» идет какой-нибудь «Тихий час», на котором не то что дети — мухи дохнут от скуки. Мальчики с горя отправились в мороженицу, а она пуста, никакой очереди, продавщица кофту вяжет и сердито говорит: «Ну чего вас по кафешкам носит — шли бы уроки учить. Холодильник еще вчера сломался, все мороженое растаяло и вытекло, а сегодня я вообще не заказывала товар. Так что идите, я закрыта по техническим причинам, у меня кофта недовязана». Мальчики — в зал развлекательной техники, подбегают к окошку разменять свои целехонькие рубли, а тетенька из окошка смотрит мимо их и повторяет: «Нет мелочи, нет мелочи, вас много, а я одна».

Так и осталась бы казна страны без двух рублей. Хорошо, если только без двух.

Причем уменьшились бы только доходы, расходы все равно остались те же: запоздавший автобус так же изнашивал колена вал, карбюратор и резину — только людей возил меньше и хуже; здание кинотеатра от отсутствия зрителей в размере не уменьшилось, требовало того же обслуживания, так же, строго по сеансам, киномеханики запускали аппараты, только для пустого зала, утешая себя тем, что демонстрация этого фильма обошлась гораздо дешевле его ненужной съемки; хладоккомбинат продолжал выпускать мороженое, только оно твердело и портилось в жестяных гильзах: потребляли

электроэнергию и медленно изнашивались в бездействии игровые автоматы. К тому же все буквально получали зарплату, положенную им из выделенных статьей расходов средств.

Вспомним-ка задачку про бассейн. Что получится, если вода из бассейна выливаться будет, а вливаться — нет? Яма.

Или представим другую ситуацию. Экономов, движимый неподдельной заботой о государстве, решит — пусть и себе в убыток — все-таки пополнить своим рублем государственный бюджет. Пойдет в кинотеатр и купит сразу четыре билета (хотя и по одному смотреть этот скучный фильм не собирается), или уговорит закрытую продавщицу продать ему на весь рубль пирожных «лакомка», окаменевших за месяц лежания что черепашьи панцири, которые тут же выбросит, или изловчится да просунет в щель игрового автомата свой неразменный рубль: дескать, бог с ним, с рублем, лишь бы государство богатело.

Казалось бы, какая разница бюджету, как попал в его доходную статью экономовский рубль, послужив на пользу Экономову или не послужив? Рубль, он и есть рубль, в сопроводительном письме не нуждается.

Однако разница есть. Тем экономика и отличается от арифметики, где всякое число с прибавлением единицы на единицу же увеличивается, а при вычитании уменьшается на ту же единицу. Здесь каждый рубль должен быть наполнен содержанием, каждое число отвечает не только на вопрос «сколько?», но и «что?», «зачем?», «отчего?», «каким образом?».

Все деньги отпускаются государством из бюджета для удовлетворения определенных потребностей населения. Если полученный на эти цели рубль Экономов истратил, не удовлетворив потребности, рубль пропал. Так как потребности остались, а этого рубля уже нет, и понадобится Экономову второй рубль на то же самое. И общество обречено на новые траты.

К тому же своим зазря отданным рублем Экономов ввел в заблуждение экономистов, финансистов, Госбанк. Они-то, получив этот рубль, думают, что все в порядке: автобусы возят пассажиров, кинематографисты

снимают хорошие фильмы и показывают их народу, мороженщицы всюю торгуют мороженым, а дети, благодаря игровым автоматам, играют не в «пристенки», а в морской бой.

На самом же деле все не так гладко. Но обнаружится это позже. Так что новые траты государства будут не только дополнительными, а еще и неожиданными. Со всех сторон нехорошо.

Вот такая важная задача — правильно распределить свой бюджет.

Идея: богатый папа

— ...Просто, — продолжил Экономов, — нам рубля мало. Задачу распределения бюджета мы решили правильно, но с рублем на воскресенье снайпером не станешь.

— Ни ты, ни я? — спросил Мальчик, словно бы еще надеясь на что-то.

— Нет. — Экономов был неумолим. — Разве что папа. У него рублей много, я видел. Но он ведь не станет их тратить на игровые автоматы, ему неинтересно.

Николай вздохнул. Он представил себе своего и Мальчикового папу, проводящих все дни у игровых автоматов, королями среди малышей. Картина получалась нелепая.

— Э, погоди, — возразил Мальчик, которому прошлый опыт подсказывал в этой ситуации несколько больше, чем Экономову школьные знания. — Так ведь и папа тоже распределял бюджет — только семейный. Как мы воскресный рубль, он прикидывал, на что истратить месячную зарплату: на еду, на транспорт, на ремонт телевизора и ботинок, покупку нового плаща и из оставшегося — мне на развлечения. Именно потому дал мне именно рубль, а не полтинник и не трешку. И не червонец, как мне бы, допустим, хотелось. Именно столько позволяет потратить на воскресное кино семейный бюджет.

В этом все дело!

— Верно, — согласился Экономов, — как это я сам не догадался! Ведь родители же у нас не жадины? Если дали по рублю, — значит, больше нельзя. Мне вот на днях новые брюки купили. Не фирма, конечно, но вполне приличные. На эти деньги можно было бы столько воздушных боев провести, однако стану ли я о том жалеть, если теперь хожу в классных штанах? Правильно выбрали — сначала штаны, а уж потом игровые автоматы... Эх, хорошо бы, папе побольше платили — тогда можно было бы стать снайпером, не лишаясь штанов! Тогда бы наш семейный бюджет увеличился — и на все хватило с лихвой.

Мальчику идея понравилась. Но вы же помните, он смывленный мальчик и не любит попадать впросак. Слишком все просто получалось у нового друга. Он поинтересовался:

— А кто папе может больше платить?

— Ну, кто, — не задумываясь, ответил Экономов, — кассир. — А потом подумал и уточнил: — Вернее, завод, а тому — государство. За выполнение государственного заказа.

— А, — укоризненно поглядел на любознательного ученика Мальчик, — а государство, наверное, деньги берет в тумбочке? Тоже небось

из бюджета. И тоже рассчитывает, сколько можно потратить на то, на се и сколько — заводу на зарплату. С чего оно станет платить заводу больше? Только оттого, что я снайпером хочу стать, не отказываясь от кино и от мороженого?.. Тоже мне мудрец!..

(Вот уж действительно: стоит самому попробовать — и сразу проясняется даже самое сложное. Стоило Мальчику на себе испытать трудности распределения бюджета, как он тут же понял, что все вокруг — от семьи до государства — решают ту же проблему выбора, только в гораздо больших масштабах. Экономов не задумывался над этим, потому что он привык уже распоряжаться папиным рублем, а для Мальчика это внове. Но и Николай, заметьте, не промах. Он правильно понял: чтобы у них с Мальчиком было больше денег на воскресные развлечения, должен заметно увеличиться семейный бюджет. Другого пути нет — абсолютно верно!)

Конечно, Экономов обиделся, что его обозвали мудрецом, но виду не подал. Это уже не тот Экономов, что был раньше, вспыльчивый и скорый на слово. Он решил сразить оппонента убийственной логикой.

— Папа может и будет получать больше, — рассудительно произнес он.

И развил мысль. Во-первых, излагал Экономов, папа знает, что в свое пользование он получает часть общественного Продукта. Значит, (это мы уже проходили) он заинтересован, чтобы Продукт увеличивался: чем больше Продукт, тем больше часть, которая идет на потребление, то есть и для папы, его семьи.

Во-вторых, папа знает, что материальные блага у нас распределяются по труду. Значит, заинтересован больше трудиться, больше производить. То есть, чтобы больше получать, он должен работать с более высокой производительностью.

Папа знает, в-третьих, что производительность труда растет прежде всего с ростом технической вооруженности. Значит, вся проблема в том, чтобы была у папы наиболее мощная и совершенная техника. Например, такая, какую мы видели в прошлом рассказе в «Репортаже из будущего».

— И он ее получит? — вставил вопрос Мальчик.

— Обязательно.

— А где возьмет?

— Как где? Государство даст. У нас все дает государство, — терпеливо разъяснил Экономов.

— Но почему оно обязательно даст папе эту дорогую технику?

— Да как же ты не понимаешь? — начал выходить из терпения Экономов. — Ведь интересы папы и государства полностью совпадают. Государству тоже нужно, чтобы быстрее рос Продукт, чтобы папа больше его увеличивал, а если папе для этого нужна дорогая, но совершенная техника — почему бы не дать?

— Ну, допустим. И что тогда?

— А тогда, — гордо подытожил Экономов, — мы с тобой за пару воскресений станем снайперами в игровых автоматах!

Мальчик не понял.

— Ха, — торжествовал Экономов, — а еще меня мудрецом обзывал, тугодумище! Если у папы такая техника, — значит, он может, по крайней мере, раз в десять больше моторов делать, чем сейчас. Так?

А если он делает в десять раз больше, то и получать должен соответственно вкладу — тоже в десять раз. А если он в десять раз больше получает, то почему ему не отваливать мне в воскресенье на кино вместо рубля червонец, если он не жадина?

— И ты станешь снайпером?

— И я, и ты. Ведь и у тебя папа не жадина, и у тебя он может получать в десять раз больше. В десять раз больше и лучше покупать на эти деньги еды, одежды, книг, билетов в театр и путевок на юг и тебе выделять на развлечения.

— А справедливо ли это? — усомнился Мальчик.

— Почему же нет? Каждому — по труду. Он ведь будет в десять раз больше делать.

— Но благодаря чему? — продолжал настаивать Мальчик, который помнил еще суровые законы распределения. — Благодаря тому, что государство раскошело для него на новую технику? И за это — за то, что оно само потратилось, — оно даст заводу вдесятеро больше папе на зарплату? То есть тратиться опять? Этак никаких денег не хватит.

— У государства? — возмутился Экономов. — У нашего государства не хватит денег? Да если хочешь знать, оно само их и печатает! Придумает же такое — у государства денег не хватит! Это у твоего капиталиста могло не хватить...

Общий счет

— И все равно несправедливо, — задумчиво сказал Мальчик. — Помню, когда я сапоги продавал, учитывал труд и мясника, и кожевника, а потом оказалось — и кузнеца, и плотника.

— Также сравнил сапоги с моторами, — попытался поднять его на смех Экономов.

Но Мальчик был тверд.

— Никакой разницы. Производительность у папы вырастет не только благодаря своему труду, но в основном благодаря оборудованию. Однако его ведь тоже люди делали. Если зарплата вырастет только у папы, выходит, все они на него задаром работали, а он ведь не капиталист какой-нибудь. Они тоже должны больше получать от того, что папа станет больше производить моторов. Если девять человек делали оборудование, от которого у папы в десять раз повысилась производительность труда, то не у него зарплата должна вырасти вдесятеро, а у них у всех, но всего-то на десять процентов.

Экономов скис. Как известно, он большой поборник справедливости. Так что отмахнуться от Мальчиковых доводов никак не мог. И выходило — его благие прогнозы разрушились в пыль.

— Это что ж получается, — прикинул он, — наши папы смогут выдать нам в воскресенье всего-то не по рублю, а по рубль десять? Не много на эти деньги настреляешь... Неужели нет никакого выхода?

— По-моему, есть — оперируя прошлым опытом, рассуждал Мальчик. — Надо, чтоб и у тех, кто делает оборудование для папы, тоже производительность труда повысилась в десять раз.

— Молодец! — радостно хлопнул друга по плечу Экономов. — Светлая голова! Тогда все будут получать в десять раз больше, в десять раз больше смогут покупать еды, одежды, книг, билетов в театр и путевок на юг и нам...

— Не смогут, — перебил его Мальчик. — В десять раз? Точно не смогут.

Экономов посмотрел на Мальчика так подозрительно, как некогда смотрел только на автора.

— Слушай, ты меня не путай, — угрожающе произнес он. — Почему это не смогут, если у них денег вдоволь?

— Потому что этого всего не будет в десять раз больше. Ведь по нашему условию производительность труда повысится только у тех, кто делает моторы и оборудование для производства моторов. А у тех, кто производит еду, одежду, ну, вообще товары, не повысится.

— Ну и что? — недоумевал Экономов.

— А то, что, если товаров больше не стало, их либо хватать не будет, либо они станут дороже. Потому что этого всего так же мало, как раньше, а денег у некоторых людей больше. Поэтому даже если папина зарплата вырастет в десять раз, у него не останется вдесятеро больше денег нам на развлечения. Больше придется потратить на самое необходимое.

— И это тебе кажется справедливым? — горько насмешничал Экономов.

— Чего справедливого, — отмахнулся Мальчик, — если нет возможности вволю потренироваться в пускании торпед? Надо выход искать.

Они помолчали.

— Слушай, а чего мы ищем? — вдруг встрепенулся Мальчик. — В производстве оборудования производительность повысится?

— Да, в десять раз.

— В производстве моторов повысится?

— Ну! Там же папа работает — мы же условились.

— Значит, вообще в машиностроении?

— Похоже, — согласился Экономов.

— Значит, производство продукта машиностроения государству станет обходиться дешевле. И самого продукта будет больше.

— Так то машины, — понятливо посетовал Экономов, — их не едят, не носят, ими наши бытовые потребности не удовлетворяют.

— Смотри дальше, — развивал мысль Мальчик. — Самое дорогое — машины — будут отвлекать меньше средств. Экономия? На основе машин можно повысить производительность труда в производстве товаров и услуг. Двойная экономия!

Если бы Экономов был девчонкой, он бы сейчас Мальчика расцеловал.

— Молодец! Придумал! — прыгал Николай вокруг своего смеявшегося друга. — Вот когда у папы зарплата вырастет в десять раз, и мы будем получать в воскресенье не по рублю, а по червонцу.

Так он прыгал и кричал и всячески веселился, пока не заметил, что Мальчик опять сосредоточенно молчит.

— Ты чего? — встревожился Экономов.

— А я вот думаю, — тихо сказал Мальчик, — а зачем тогда папе

получать в десять раз больше денег? И другим? Если благодаря возросшей производительности труда товаров удастся производить намного больше и с гораздо меньшими затратами, они и так станут гораздо дешевле. Для их получения папе, например, придется гораздо меньше времени трудиться. А мой, да и твой папа не бездельники. Если им не придется так много времени трудиться для обеспечения семьи всем необходимым, они найдут, куда оставшееся время деть с пользой. Творчеством займутся, больше времени будут проводить с нами. А мне — я тебе, Коля, честно скажу — с папой гораздо интереснее, чем даже с игровым автоматом.

— Выходит, зря мы мудрили? — озадаченно спросил Экономов. — И больше денег вовсе не надо?

Чтобы ответ был точнее, разберёмся, в чем только что удалось разобраться нашим героям: в действии одного из важнейших экономических законов социализма.

ОСТОВ ЗАРПЛАТА

162

Среди трех «китов» экономики (производство, обмен, распределение) можно заблудиться, как в трех соснах, если не видеть связи между ними. Трудно удержаться от соблазна расставить «китов» по ранжиру. И тогда главным будет «кит»-производство, а последним, зависимым от него, — «кит»-распределение. На самом деле все главные и все друг от друга зависят. Конечно, с одной стороны, нельзя распределять произведенное. Но с другой — и само производство, его характер во многом определяются распределением. Это заметно, однако, не сразу.

Чтобы все-таки заметить, внимем сначала в категорию не столько экономическую, сколько моральную — справедливость. Ибо прежде всего ее ищут люди, предпринимая общественные переустройства. Поиски справедливости — побудительный мотив всех революций.

Первая наиболее решительная попытка построения абсолютно справедливого общества была предпринята Великой Французской революцией 1789—1794 годов. Три основополагающих принципа провозглашались ею: свобода, равенство, братство всех граждан. Что может быть справедливее общества, построенного на этих принципах! И вожди революции отстаивали их настойчиво, решительно — были приведены в действие все механизмы уравнивания в правах, вплоть до гильотины.

А ничего не получилось. Богатые оставались богатыми, бедные — бедными, и оказалось, при существовании имущественного неравенства великое Равенство граждан недостижимо — сытый голодному не ровня. И Свободой нельзя воспользоваться, когда ты зависишь от дающего кусок хлеба. И Братства между богатыми и бедными не возникает — сытый голодному не товарищ, тем более не брат.

То есть чтобы великие (и, действительно, главные) принципы справедливости осуществились, необходимо имущественное равенство граждан. Это и предусматривает принцип распределения коммунистической формации, при которой все богатство общества принадлежит всем членам общества.

Идея, овладевшая массами, как подчеркивал Карл Маркс, становится

материальной силой. Идея справедливости — свободы, равенства, братства на основе имущественного равенства — подвинула народ России на свершение Октябрьской революции.

С первого дня был провозглашен лозунг: «Кто не работает, тот не ест!». И в первые годы Советской власти диктатура пролетариата установила военный коммунизм. Силой власти трудящиеся переселялись из подвалов и барачных помещений в квартиры имущих классов, изымали излишки хлеба у тех, кто ими располагал, и поровну распределяли на всех — для пайков рабочим, для посевов сельским беднякам.

У тебя нет денег, а нужны штаны? Получи по ордеру. У тебя есть деньги, но нет ордера — штанов не получишь. Полное равенство: все живут в барских квартирах, но не как бары — графиня и работница стряпают на общей кухне и расходятся по комнатам; если на паек положена осьмушка хлеба — у всех на обед осьмушка.

Справедливо? Вполне. Коммунизм? Нет, военный коммунизм.

Потому что лозунг коммунизма: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Разве потребности человека исчерпываются одной парой штанов в год, одной комнатой в коммуналке, осьмушкой хлеба в день?

Но нет экономических условий для удовлетворения потребностей. Военный коммунизм — вынужденная мера на время войны.

И лишь только появились условия для мирного строительства, большевики во главе с В. И. Лениным, преодолев сопротивление многих горячих голов, военный коммунизм отменили, начали строить социализм — первую необходимую фазу коммунистической формации.

Принцип социализма: «От каждого по способностям — каждому по труду». Обе части этой формулы взаимосвязаны. Чтобы каждый старался трудиться в полную меру своих способностей, он должен быть уверен,

что и потребности свои будет удовлетворять соответственно трудовому вкладу.

Все мы вкладываем свой труд в одну и ту же общественную копилку и получаем из нее же. Поскольку без нашего труда эта копилка не пополняется, а никто, кроме нас, ее пополнять не станет, мы должны быть уверены, что никто, кроме нас, из нее ничего и не возьмет. То есть лозунг «Кто не работает — тот не ест!» остается в силе. Это одна сторона проблемы.

Вторая сложнее. Поскольку копилка наша не настолько полна, чтобы каждый работающий мог брать из нее, сколько ему вздумается (иначе уже можно было бы приступить к коммунистическому способу распределения), надо установить какую-то меру. Ее определяет трудовой вклад. Можешь брать больше — но больше вложи. Вложил меньше — не обессудь, меньше и получишь.

Но как измерить трудовой вклад каждого? Не иголка в стогу сена, однако все равно что в море отыскивать воду каждой из впадающих в него рек.

Прежде чем разобраться с этим — самым сложным — вопросом, выясним-ка, что мы вообще получаем из общественной копилки.

Ну, что можно получать из копилки? Деньги.

Однако это не так. Деньги, полученные в зарплату, лишь квитанции на право пользования определенной частью материальных благ, единицы измерения трудового вклада. Значит, что получаем? Материальные блага, удовлетворяющие определенные потребности.

А материальные блага создают далеко не все члены нашего исключительно трудового общества. Только те, кто проектирует и строит дома и машины, шьет одежду и обувь, варит металл и выращивает хлеб, — словом те, кто занят в сфере материального производства.

А остальные? К примеру, мы с тобой. Ну, ты-то ладно, тебе по возрасту положено быть на иждивении семьи. Но потом, выучившись, возможно, пойдешь на завод, в поле или в шахту. А я уже, скорее всего, никогда. Да разве я один? А твои учителя (даже директор), врачи, артисты и художники, министры со всеми штатами министерств и работники всей прочей сферы управления, военнослужащие, милиционеры и пенсионеры, даже наш всезнающий Экономист и его коллеги-ученые, не занятые в производстве и прикладной науке? Они в создании материальных благ — то есть Продукта — непосредственно не участвуют. Но на свою часть общественного Продукта претендуют, и тоже соответственно трудовому вкладу. Однако от их вклада Продукт не растет. От потребления же — уменьшается.

Увеличивается он лишь трудом твоего папы (если папа трудится, к примеру, на заводе), и еще миллионов таких, как он.

Ну, теперь ты знаешь, как легко и резко поднять благосостояние твоей семьи. Надо этих, которые ничего материального не создают, и от потребления отлучить. Хотите потреблять — создавайте!

Если примут они твой ультиматум — хорошо: вон как сразу вырастет Продукт с такой подмогой. Не примут — тоже неплохо: пускай Продукт и не увеличится, зато доля, причитающаяся твоему папе, — значительна (насколько меньше народу участвует в дележе!).

Но, хорошо поразмыслив, в продуктивности этой идеи придется усомниться. Общество ведь заинтересовано в труде работников

непроизводственной сферы. А всякий труд должен быть оплачен. Так что платить все равно придется. Если не обществу в целом, то по отдельности его имущим членам. Это значит, кому? Папе твоему и другим занятым в материальном производстве.

Прикинем последствия.

Во-первых, вряд ли так будет дешевле. Собираешься в школу — захвати деньги не только на завтрак, но и учителю за урок. К врачу идешь — загрузи корзинку яйцами, курами, мяскопченостями — что есть (медицина — дело дорогое), а нет ничего — заготовь конверт с деньгами. Справка нужна — тоже плати; чем важнее справка — тем больше. А если уж довести идею до абсолюта, то представь, как стал бы переходить оживленную улицу в час пик. Машины снуют туда-сюда, не останавливаясь, инспектор ГАИ или регулировщик — ноль внимания. Дашь ему рубль или трешку (как раньше он с тебя брал за переход в непопозволенном месте), тогда остановит движение — переходи, уплачено.

Во-вторых, такой порядок обеспечит вопиющее неравенство в потреблении всем одинаково необходимых благ. Ведь у всех доходы разные, у всех разные возможности оплаты услуг. Значит, и учитель, и врач, и государственный служащий, получая из рук в руки разную оплату своего труда от разных людей, будут по-разному к ним и относиться: к более имущим — так, а к менее — этак...

Так что пусть лучше общество с помощью государства платит и твоему учителю Ивану Ивановичу, и врачу Марье Петровне, и артисту Хазанову, и автору, и майору Пронину, и сержанту Пилипенко за их труд, и твоему дедушке (если он уже пенсионер) — за то, что тот честно трудился когда-то, и тебе (если ты решишь учиться в техникуме или вузе) — за то, что будешь трудиться потом.

Платит, естественно, из средств, заработанных только твоим папой и другими работниками материального производства. Тогда никому не надо — ни учителю, ни врачу, ни государственному служащему, ни другому работнику сферы обслуживания общественных потребностей — ничего нести в кармане или в корзинке: их труд, сама возможность их существования уже оплачены работниками материального производства еще до того, как те получили свою зарплату. В этом есть и справедливость, и равенство, и полная ясность, кто у кого на службе. Если хотите — кто главней.

Таким образом, даже если трудовой вклад измерен, полностью его получить при распределении нельзя. Только часть созданной стоимости за вычетом отчислений в общественный фонд.

Но мы же помним — стоимость нельзя пощупать. Тем более съесть, надеть, поделить ее с друзьями. Она реализуется в необходимом обществе Продукте. Она измеряется рабочим временем, необходимым для его производства. Чтобы выяснить меру труда, надо узнать количество времени, затраченного на труд для производства Продукта. А время можно выразить в эквиваленте — в деньгах.

Скажем, папин завод за смену выпускает восемьдесят автомобильных моторов. Стоимость каждого мотора сто рублей. Значит, каждый час на тысячу рублей увеличивает общественное достояние этот завод?

Нет, общество в целом. Заводские стены возведены строителями, станки — станкостроителями. То есть часть стоимости — допустим, на триста рублей — создана ими. Металл, комплектующие изделия (карбюраторы, цилиндры, коленвалы) поступили на папин завод от

смежных предприятий. Их доля в стоимости каждого часа пятьсот рублей. Выходит, стоимость, созданная непосредственно моторостроителями, всего двести рублей.

Таков их трудовой вклад. Но зарплата будет меньше. Надо же перечислить часть в фонд общественного потребления. Значит, при трудовом вкладе двести рублей коллектив завода заработает, скажем, сто рублей в час, восемьсот в смену, за день (в две смены) — тысячу шестьсот, а за месяц — тридцать пять тысяч двести рублей.

Это, однако, деньги на всех. А каждый идет в магазин со своим рублем. То есть заработанную коллективом завода сумму надо разделить на каждого работника, и тоже в соответствии с трудовым вкладом.

Допустим, у нас с тобой одинаковые должность, разряд и образование, значит, и зарплата. Но ты — труженик, светлая голова, золотые руки, а я — бездельник редкостный. Обидно тебе: из одного котла едим, такой же ложкой. Ты жилы рвешь, чтоб жили мы лучше, а я знай себе хлебаю с тобой наравне. Выходит, ты на меня работаешь (хоть эксплуатация у нас отменена)? С какой стати?

И в конце концов у тебя руки опускаются. «А, — думаешь, — чего зря стараться? Другие вон меньше моего делают — и ничего. Надо и мне себя пожалеть, выше головы не прыгнешь». И начинаешь трудиться ниже своих способностей. А получаешь те же деньги.

И кажется тебе, что хуже ты жить не стал. На самом деле — всем нам, и тебе в том числе, и мне (хоть мне — поделом) стало хуже. Мы по-прежнему (теперь, действительно, на равных) хлебаем из одного котла, но как-то все чаще замечаем, что скребем ложками по дну. С чего бы это?

Ну, а как же: справедливость вроде восстановлена, не я один бездельник, но Продукт наш стал медленнее расти с тех пор, как у тебя руки опустились. Ставка та же, оклад тот же, аппетит, главное, тот же, а Продукт не растет.

Да и как ему расти, когда был бездельником я один, а теперь нас уже двое! Видно, что-то ты неправильно решил. Хотя трудно тебя осудить: кому охота трудиться в полную меру своих способностей, когда все равно не получишь полностью по труду. (Вот когда становится особенно заметно, что не только производство влияет на распределение, но и распределение — на производство.)

Надо бы так восстановить справедливость, чтоб обошлось без убытка. А как?

Слышу подсказку: выгнать меня следует, раз уж я оказался неисправимым бездельником.

Это, так сказать, административный путь восстановления справедливости. Не больно он прост. У меня ведь диплом, квалификация, должность, и если принято платить за это, не так-то просто со мной расправиться. Не видно моего безделья с той высоты, откуда нам ставки выделяют и определяют порядок распределения. Это для тебя оно различимо, поскольку мы рядом находимся. Но ты административно надо мной не властен.

То есть административные методы срабатывают не всегда. Гораздо гибче и чувствительнее — методы экономические.

Социализм не богадельня — никто нам с тобой ничего не должен лишь на том основании, что мы граждане социалистической страны, участники социалистического производства. Значит, и определять нам размер зарплаты заранее, сверху, незначем. Надо лишь определить, какую долю от

увеличенного нами общественного Продукта мы можем брать в собственное потребление.

Больше увеличили — больше получили. Сделали на рубль — полтинник наш. Мало нам полтинника? Надо сделать на два рубля — тогда получим целый рубль. А уж этот рубль мы как-нибудь сами поделим. Потому что нам-то, между собой, всегда виднее, кто как трудился. Я наработал на десять копеек — ты мне больше не дашь. Остальной заработок — твой.

Тут уж мне не поволынить. Будь я трижды лодырь по натуре, однако экономически поставлен в такие условия, что не только не пытаюсь сделать поменьше, но и вместе с тобой стремлюсь к увеличению нашего общего конечного результата, нашего общего заработка. Тут мы вместе думаем над тем, как бы заработать именно рубль, а не полтинник. И поскольку это целиком зависит от нас, мы сами стараемся сделать больше — нам же и виднее, как это сделать. Сами заботимся о повышении производительности труда, снижаем затраты, чтобы больше сделать с меньшими расходами.

Потому что наш заработок растет только от увеличения нашего же трудового вклада. Все, что достигается за счет труда других — кто поставял нам оборудование, материалы, энергию, — по праву их доля в увеличении нашего Продукта. Ведь и они работают по тому же принципу, что и мы.

Это и есть принцип полного хозяйственного расчета и самоокупаемости, на который переходит народное хозяйство страны после XXVII съезда партии. Он точно следует закону распределения по труду, ясно показывает, как благосостояние каждого из нас зависит от труда других, а всех вместе — от величины общественного Продукта.

Когда он растет, наш заработок растет с тем же полтинником, с тем же рублем. Потому что сам рубль стоит больше.

РАССКАЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ПЛАН, КАРМАН И... МНОГОТОЧИЯ

от каким поучительным и важным оказалось первое счастливое воскресенье Нестареющего Мальчика. Но это было только воскресенье.

А с понедельника следовало готовиться к школе. И в понедельник прямо с утра Мальчик с Экономовым отпра-

вильсь покупать школьную форму. Николай по такому случаю даже отпросился с первого урока.

Покупка серьезная, без взрослых ее совершать опрометчиво. Так что взяли они с собой и автора — как человека «свободной профессии». Он, в отличие от других взрослых, мог ходить по магазинам в рабочее время.

Наличие отсутствия

Отдел универмага, торгующий школьной формой, занимал целый зал. «Добро пожаловать!» — было написано над входом, и мальчики вошли сюда уверенно, как желанные гости.

Немного удивляло, что, оказывается, не только автор с его ненормированным рабочим днем имел возможность начинать понедельник в магазине. И не один Экономов, видать, отпросился с первого урока. По залу фланировали и взрослые, и дети, внимательно оглядывая длинные, как шкафы без стенок и дверей, вешалки, где покоились на плечиках прижатые друг к другу синие форменные костюмчики. Да, товару было много.

Только покупатели не спешили покупать. Цена их, что ли, не устраивала? Но не только автор, даже его юные друзья знали, что школьная форма продается едва ли не ниже стоимости. Поэтому они бодро двинулись вдоль рядов, рассчитывая быстренько справиться с покупкой, чтобы Экономову успеть на второй урок, а автору — к письменному столу.

Так прошли до конца один ряд, второй и третий... Вернулись. Повторили все сначала, уже внимательнее... Что за чудеса — как раз Мальчикова размера и не было. Больше — сколько угодно. А Мальчикова — нет.

Тут и раскрылась причина привередливости покупателей. Есть-то есть. Да не то, что надо.

Мальчики загрустили.

Автор же, как человек более опытный в выборе готового платья, решил проконсультироваться у девушки в форменном (но универмаговском) халате с фирменным значком (он знал, что должность ее называется «продавец-консультант»). Эта же мысль, очевидно, пришла и другим неудачливым покупателям.

— Извините, — избрал вежливую форму автор. — что-то мы не можем найти форму вот на этого молодого человека.

— Еще бы! — невозмутимо ответила девушка. — Самый ходовой размер.

— А у вас нет, — намекнул автор.

Продавец-консультант холодно смерила автора профессиональным взглядом, от которого он даже съежился.

— Сейчас нет, — доходчиво, как учительница, объяснила она, — значит, потом будет. В течение дня завезут. Или на неделе.

— А поточнее нельзя? — робко поинтересовался автор.

— Поточнее нельзя, — ответила сдержанная девушка и, сочтя консультацию оконченной, отправилась по проходу между вешалками,

по пути она пересчитывала товар, профессионально похлопывая по плечу каждый десятый костюмчик.

— Как же так? — несмело зашумели ей вслед покупатели. — Сколько можно сюда ходить! Мы ж с работы отпрашиваемся...

— А я что могу сделать? — ответила девушка уже издалека. Но, видимо вспомнив о профессиональной вежливости, добавила: — Наведывайтесь, добро пожаловать! — Она продолжала похлопывать по плечу каждого десятого.

Ну, тут у кого какой характер: кто сник, кто возмущаться стал, кто отчаялся и, презрев возмущенные выкрики отпрыска, купил форму на два размера больше. А автор с героями, привыкшие верить во все хорошее и не терять надежды никогда, решили просто запастись терпением.

Часа через два они встретились на том же месте, несколько опечаленные состоявшимися разговорами с классным руководителем, директором школы и редактором издательства, однако духом не упавшие. Автор тут же направился к продавцу-консультанту и на правах старого знакомого поинтересовался:

— Не завозили?

— Завозили, — обрадовала девушка.

Автор обрадовался.

— Но уже разобрали, — поспешила опечалить продавщица.

Автор опечалился. А Экономов, тот вообще расвирипел (он менее выдержанный и куда менее закаленный в поисках готового платья).

— Да что же это такое?! — вскричал Николай. — Я три урока пропустил и пропущу четвертый. Взрослые с работы отпрашивались — и все зря? Надо еще ходить — караулить, когда привезут?

— Сегодня вряд ли, — посоветовала продавец-консультант. — Завтра попробуйте. Добро пожаловать.

— Да некогда нам! — не унимался Экономов. — Ерунда какая-то — форму не купить.

— Почему не купить? — пожала плечами девушка. — Вон сколько форм. Некогда вам — покупайте что есть.

И она опять отправилась по проходу, профессионально пересчитывая непроданный товар.

А Экономов с Мальчиком только ноздри раздували в гневе. Да и автор... У него хоть день и не нормированный, однако не беспредельный: рукопись в издательство пора сдавать. К тому же он прекрасно представлял себе последствия отсутствия на работе других взрослых, с нормированным днем. Это ж сплошные убытки народному хозяйству. Где-то станки простаивают, чертежи задерживаются, томятся без движения деловые бумаги. Масса людей ждет, опаздывает, нервничает, срывает сроки, не может хорошо выполнять свою работу из-за того, что неудачливые родители охотятся за школьной формой дефицитных размеров.

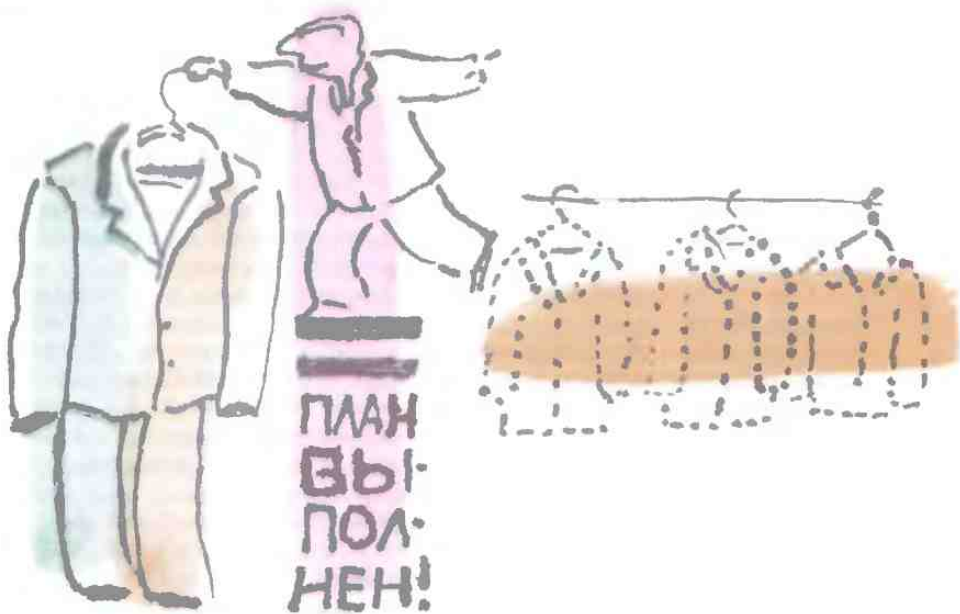
Следовало что-то немедля предпринимать. Но что?

— Знаете, — предложил Мальчик, — давайте больше не будем ходить в этот магазин. Купим форму в другом, а этот пусть терпит убытки. Надо же его наказывать в конце концов.

Он, видно, еще плохо ориентировался в обстановке.

— Так тебя и ждут в другом магазине! — возразил Экономов. — Но наказывать, конечно, надо. Вот что, давайте пойдем и пожалуемся!

— Кому?! — горестно воскликнул автор, который в силу профессионально развитого воображения иногда мог заранее предугадать результат какого-либо действия.

— Начальству! — ответил Экономов. Он был невозмутим...

Чьи деньги пропали?

Пошли к начальству. К заведующей секцией. Едва они начали излагать суть дела, как та замахала руками:

— И не говорите! Форменное безобразие. Я уже извелась вся, ночей не сплю. Хоть бы вы как общественность помогли, что ли? А то звоним каждый день, выставляем претензии, жалуемся...

— Погодите, — вмешался Экономов, — это мы пришли к вам жаловаться.

— И мы жалуемся! — не унималась заведующая. — И нам плохо, нам еще хуже.

— Что, — не поверил Экономов, — и вы не можете достать форму своему сыну?

— Ой, да не в этом дело, — вконец расстроилась заведующая. — Я не могу план выполнить! А уже сентябрь, квартал на исходе, представляете?

Так как по виду собеседников было понятно, что представляют они не очень, она принялась объяснять подробнее. Оказывается, в городе сорок тысяч мальчиков, которым требуется школьная форма малых и средних размеров. Столько и обязался купить универмаг у фабрики

«Школьная форма». Это и вошло им обоим в план. А фабрика поставила универмагу, как сказала заведующая, на десять тысяч «единиц» меньше запланированного.

Форм больших размеров много — даже с избытком, но они уже никому не нужны, их покупают разве что с отчаяния. А малых размеров нет. Десять тысяч покупателей не могут приобрести нужный товар, значит, и денег своих не отдают. Если учесть, что каждая «единица» школьной формы в среднем стоит 25 рублей, то касса секции, а заодно и универмага, недосчитается четверти миллиона запланированной выручки. То есть кварталный план универмаг не выполнит...

Она еще продолжала объяснять, как это отразится на зарплате продавцов, благосостоянии их семей и состоянии нервной системы, но взволнованный Экономов незаметно отозвал в сторону Мальчика.

— Ты понимаешь, что происходит? — горячо зашептал он. — Это ж прощай игровые автоматы, вообще все развлечения, все покупки.

— Чего вдруг? — так же шепотом изумился Мальчик. — Ну я, — без формы, ну, продавцы — без премии, а при чем тут наши развлечения?

— Не в форме дело, — распалялся Николай, — и тем более не в премиях продавцов. Главное — из-за этой бессовестной фабрики деньги не поступят в Госбанк. А там было же все предусмотрено, все расписано, что куда. Все — заранее запланировано!

— Это я понял, — настаивал Мальчик, — мы-то здесь при чем?

— А при том, — сердито ответил Экономов, — что в этой четверти миллиона были и наши деньги.

— Ну, да, — согласился Мальчик, — я двадцать пять рублей не отдал за форму. Велика ли беда? Между прочим, если мы сейчас с этими деньгами пойдем в павильон игровых автоматов...

— Ничего ты не понял! — совсем расстроился Николай. — Смотри: общество тратилось на производство и костюмов фабрики «Школьная форма», и моторов папиного завода. Платило зарплату и швейникам, и папе. Из каких денег? Из выручки за произведенные товары. Но папины моторы в магазинах не продаются. А школьная форма, ну, вообще предметы широкого потребления — продаются. Значит, выручки от них должно хватить на зарплату всем.

— Выходит, швейники папу кормят? Несправедливо.

— Да нет же. Швейные машины тоже без моторов не крутятся. И никто свою зарплату на моторы для машин не тратит — только на предметы потребления. Так что справедливо. Все ж запланировано.

— А, ну слава богу, — успокоился Мальчик.

— Чему радуешься? — набросился на него Николай. — Все было справедливо, пока план выполнялся. А теперь план не выполнен, швейники форм нужных размеров не выпустили — покупатели не вернули государству четверть миллиона рублей. И привет — в следующем квартале папе не из чего зарплату выдавать.

— Как это? — вскинул брови Мальчик. — Он же честно трудился!

— Ну и что? Все друг от друга зависят. Денег в казне нет, — значит, всем не хватает.

— Слушай, — всполошился Мальчик, — надо что-то делать.

— Конечно надо, и немедленно.

Тут, безусловно, ребятам понадобился совет взрослого многоопыт-

ного человека. Например, автора. Он давно уже закончил беседу с заведующей секцией и, пока герои выясняли последствия срыва плана товарооборота, нетерпеливо топтался в сторонке, то и дело поглядывая на часы. У него же была недописана рукопись. Если вовремя не сдаст — издательство расторгнет договор и придется распрощаться с гонораром.

— Между прочим, — словно прочел его мысли Экономов, — если в банке денег недобор, вы все равно останетесь без гонорара.

Это был аргумент.

— Ну, хотите, — предложил автор, — я напишу резко критическую статью? Или фельетон. Сформируем общественное мнение — швейники одумаются и больше так поступать не будут.

— Ай, да некогда ждать, — не согласился Экономов, — квартал на исходе. Давайте лучше немедленно поедем на фабрику и как представители широкой общественности строго спросим. Или настойчиво объясним.

— А я, — сказал Мальчик, — просто хочу в глаза посмотреть человеку, который все нам так портит.

Конечно, было уже не до уроков, не до работы. Но раз общественный долг требует... Сели они в трамвай, поехали на фабрику. Автор только позвонил Экономисту — тот мог понадобиться.

ОСТОВ. ПЛАН

Всегда хочется знать заранее, что ждет впереди. Не всегда удается. Слишком много обстоятельств, от тебя не зависящих. Но в том, что зависит от тебя, ты можешь быть достаточно уверен: прикинешь возможности, учтешь условия, выполнишь все, что наметил, — и получишь предполагаемый результат. Это и есть планирование.

Планированием мы занимаемся постоянно, ежедневно.

Возвращаясь, допустим, из школы, еще домой не дошел, а уже начинаешь планировать. Первым делом надо бы уроки приготовить. Какие именно — запланировано заранее школьным расписанием, значит, твой план — хочешь не хочешь — следует согласовать с общешкольным. С уроками надо покончить до шести вечера, поскольку именно на шесть вы с ребятами договорились встретиться для решающего футбольного матча, то есть еще одно согласование. На матч и последующее обсуждение итогов — два часа отдай и не греши. Но больше — ни в коем случае, потому что к восьми необходимо успеть к телевизору на передачу «Учимся танцевать» — ты хочешь научиться танцевать рок-н-ролл. В девять — ужин, отчет о сделанных уроках родителям (если повезет — без этого, тогда останется время почитать книжку), а в десять все равно погонят спать.

Конечно, есть у тебя и другие желания (скажем, кино, велосипедная прогулка, светский визит к Нинке Гусевой), но ты все сразу на один день не планируешь — план должен быть реальным.

Спланировал — начинается следующий этап — выполнение. Тут вряд ли обойдется без непредвиденных ситуаций. Ну, например...

Оказывается, завтра — черчение. А туши у тебя, оказывается, нет. Заданный на дом чертеж не выполнить. Значит, надо ехать в магазин за тушью. В ближайшем магазине ее может не оказаться, поедешь в следующий.

В общем, два часа, запланированные на выполнение домашнего задания, ты как раз проедешь. Выходит, если ты ученик дисциплинированный — откажешь себе в запланированном футболе. Если не очень — выйдешь на матч с невыполненными уроками. В обоих случаях план сорван, и по одной причине: отсутствия необходимых для его выполнения ресурсов.

Или другой пример. Ровно в восемь ты пошел к телевизору, а передачи «Учимся танцевать» и в программе нет. Или есть, но учат в ней танцевать вальс-бостон. Так что с помощью телевизора рок-н-ролл не освоишь — план твой окажется невыполненным. Но по другой причине: опрометчивость планирования. Нечего было рассчитывать на факторы, находящиеся вне зоны твоего влияния (ни составление программы ТВ, ни содержание отдельной передачи ты пока что не определяешь). Надеяться ты мог, однако только на удачу. План такой неопределенности не приемлет.

Теперь разберемся, что являлось у тебя объектом планирования. Обобщенно говоря — распределение твоего времени на день для удовлетворения определенных потребностей: в умственном развитии (уроки), физическом (футбол) и — с оговорками — духовном (рок-н-ролл). Точный расчет, учет всех значащих факторов, реальность — необходимые качества плана.

Если даже твои будничные дела одного неполного дня требуют составления плана, то что говорить об экономике, производстве?!

Любая осознанная деятельность без плана вестись не может. По мере обобщения производства значение согласованности действий производителей и потребителей, необходимость свести их в общий плане возрастает. Но имеются здесь естественные препоны. Как мог ты убедиться на примере с телепрограммой, нельзя планировать то, что от тебя не зависит.

В таком положении постоянно оказывается производитель товаров при классическом капитализме. Принцип свободного предпринимательства предоставляет владельцу капитала почти полную независимость выбора — что производить, сколько и для кого, — однако согласованности действий не предусматривает. Учесть все значащие факторы невозможно — рассчитывая только на предвидение, интуицию, удачу. В конце концов стихия рынка поможет установить необходимые пропорции, но — ценой проб и ошибок, кризисов, разорения одних и обогащения других. Государственный монополистический капитализм обладает большими возможностями согласования действий, но их обычно хватает только для соблюдения интересов монополий.

И только в социалистическом государстве можно планировать развитие народного хозяйства в интересах всего общества. Так как вовсе не зависящих от государства звеньев экономики практически нет. Еще недавно на этом основании мы думали, что нам вообще рынок не нужен.

Но объективно существует и необходимость заранее предусматривать в плане все важнейшие факторы экономического развития. Ведь надежный рыночный регулятор при социализме не играет той решающей роли, которая отведена ему в условиях частной собственности на средства производства. Значит, нужно заранее спланировать, что нам нужно, чем мы располагаем для достижения нужного, как использовать имеющееся.

То есть развитие при социализме может быть только планомерным. Планомерное пропорциональное развитие — преимущество социализма и необходимое условие его существования. Соблюдать это условие не так просто. Еще когда мы рассуждали о распределении бюджета, читатель мог понять, как все от всех зависит. А ведь там речь шла о согласовании только

доходов и расходов на детские развлечения — одной, не самой сложной и не самой важной потребности — в самом простом измерении — денежном. Крохотная часть экономического айсберга.

Для удовлетворения всех наших потребностей, учета всех наших возможностей надо спланировать труд более чем 130 миллионов человек, занятых в народном хозяйстве, запросы 280-миллионного населения страны сегодня, завтра, через двадцать лет.

Сделать это одним разом из одного места практически невозможно. В стране производится 24 миллиона изделий, и, пожалуй, каждое из них требует труда многих людей, отраслей, предприятий. Как предусмотреть все обилие возникающих при этом связей, взаимоотношений, пропорций? Нет головы, в которой это все поместится.

Но каждая отрасль народного хозяйства, каждое предприятие, коллектив в состоянии определить, что ему необходимо для выполнения своей задачи, что для этого надо запланировать, с кем вступить в деловые отношения, на что рассчитывать, от чего отказаться.

Их планы должны быть сведены воедино для выполнения общей задачи народного хозяйства — сбалансированы.

Каждому автомобилю нужны четыре колеса, а не три и не пять. Изготовители колес точнее всего сами прикинут свои возможности, а изготовители кузовов, двигателей — свои. «Колесники» в состоянии сами договориться с шинниками, а кузовщики — с металлургами. Дело центра — определить потребность общества в автомобилях и согласовать ее с заявленными возможностями предприятий и отраслей.

Для миллиона автомобилей требуется четыре миллиона колес. Так что даже если возможности предприятия — выпустить пять миллионов колес, планировать их не надо — это будут пустые траты общества на миллион колес. Если три — напрасны траты на выпуск четверти планируемых автомобилей, они все равно не поедут. Значит, надо либо перераспределить мощности предприятий, либо пересмотреть удовлетворение потребности.

Теперь понятно, чего мы добиваемся составлением плана? Того же, что и ты, планируя свой день: рационального распределения времени. Только ты распределял свое личное время, а здесь совокупное рабочее время всего общества. Но так же, как у тебя, отдельные отступления от плана — из-за нехватки ресурсов, недостаточного учета всех факторов, просто расхлябанности — приводят к общим потерям, неудовлетворенным потребностям. Только прорехи получаются соответственно масштабам и сказываются на всем обществе. Так что опасения Экономова справедливы и желание разобраться с виновником обосновано.

Кого выручает выручка

Директор фабрики оказался человеком приветливым и радушным, несколько не похожим на злодея. В кресла усадил, чаем напоил... Экономову стоило больших усилий заставить себя сохранить изначальную суровость. Однако справился.

— Что ж это вы план не выполняете? — строго спросил он. — Вы знаете, чем это грозит?

— Я план не выполняю? — изумился директор. — Да вы что! Я его перевыполнил... Придумать же такое...

— Не советую отпираться, — с многозначительной улыбкой сказал Экономов, — мы только что из универмага.

— А чего мне отпираться? — рассмеялся директор. — У меня документы есть — отчетность. Сами можете убедиться.

Он достал из ящика стола толстенную папку, из папки — огромную, в полстола, сводку... Экономов, да и Мальчик сникли, автор напрягся — с цифрами, таблицами, процентами и у него были сложные отношения. Но все оказалось просто.

— Вот, — пояснил директор, — мы должны были выпустить продукции на десять миллионов рублей. Видите? Здесь, в графе «план». А выпустили — вот, в графе «факт» — на десять миллионов сто рублей. Так что налицо перевыполнение плана. Еще есть вопросы?

— Есть, — поспешил на помощь совершенно сникшему Экономову Нестареющий Мальчик. — Как же это вы план выполнили, а я форму не могу купить?

— Искренне вам сочувствую, — с достоинством ответил директор, — но ведь нельзя же противопоставлять ваши личные интересы государственным. Действительно, мы выпустили несколько меньше костюмов малых и средних размеров, чем было запланировано...

— На десять тысяч единиц, — вставил Мальчик.

— Зато, — не смутился директор, — больших размеров произвели несколько больше плана. К тому же из обрезков ткани сделали еще на сто рублей подставок для телефонов.

— А толку-то?

— Вот, не хотите видеть дальше своего личного интереса, — пожу-

рил директор. — Государство заинтересовано получить больше денег?

Мальчик кивнул.

— Ну я и забочусь, чтобы мое, то есть государственное, предприятие получало больше выручки с каждого костюма. На костюм большего размера идет больше ткани, — значит, он дороже, с него больше выручка. Вот почему мы выпустили меньше костюмов малых размеров, а больших — больше.

— Да они же лишние! — не принял директорской логики Мальчик. — Мы в универмаге видели: их никто не покупает.

И опять директор весело рассмеялся:

— Вот и попались! Раз вы их видели, значит, они уже куплены. Мы же свою продукцию даром бы не отдали, правда?

Как было с этим не согласиться? Но и не верить своим глазам Мальчик тоже не мог.

— Кем куплены? — обескураженно спросил он.

— Да тем же универмагом! — продолжал широко улыбаться директор. — У нас было предусмотрено торговыми сделками продать универмагу школьной формы для мальчиков на десять миллионов, он и купил.

— Зачем?! — еще больше удивился Экономов. — Они же теперь план выполнить не могут.

— Ничего, выкрутятся, — успокоил его директор. — Мне ведь тоже было трудно с моим планом, однако нашел выход — выпустил больше больших костюмов, подставок нарезал — выручку взял. Ну, и в торговле что-нибудь придумают: «выбросят» товар подороже — кофточки импортные, или сапоги, или духи французские — в целом по универмагу план продажи выполнят.

— Но тогда, — недоумевал Экономов, — надо купить за границей товары. А для этого что-то за границу продать, а прежде — сделать... Столько народу должно трудиться, столько времени потратить...

— А, — безмятежно пожал плечами директор, — не моя печаль. Я свой план выполнил — я молодец. Директор универмага выручку сполна получит — и он умница. Изготовители экспортных товаров смогли свои изделия продать — честь им и хвала. Работники внешней торговли справились с заданием — и им спасибо. Каждый отвечает за свой план.

Мальчики молчали. Что-то в этой ладной истории им не нравилось. Автор же, сделав вид, что от директора исчерпывающие объяснения получены, вежливо простился и подтолкнул героев к выходу. За дверью их уже ждал Экономист.

КОММЕНТАРИИ ЭКОНОМИСТА

Нашим героям не повезло: им попался отсталый директор. Но еще больше не везет экономике, когда на ее судьбу влияют такие вот директора. Однако и они не появляются просто

так — как грибы от дождя. Если есть, существуют, да еще и чувствуют себя молодцами (вон как доволен собой директор фабрики «Школьная форма!»), — значит, есть условия — пре-

жде всего экономические, — при которых они могут существовать.

Если мы хотим, чтобы таких директоров не было, не должно быть и таких условий. Вот чем вызван определенный XXVII съездом партии курс на коренную перестройку в жизни страны и прежде всего — «в решающей сфере человеческой деятельности — экономике». Начинаться она должна с перестройки экономического мышления, то есть наших представлений об истинной и ложной выгоде, добром и дурном хозяйствовании.

Казалось бы, чего перестраиваться, когда еще семьдесят лет назад у нас установлен самый справедливый строй?

Почему начинать надо с представлений, хотя не представления о жизни, а сама жизнь нас кормит,

воспитывает, радует или печалит? Потому что какие у нас представления о том, как следует хозяйствовать, так мы хозяйствовать и будем.

Наши представления о хозяйствовании складывались, когда заводы были считанные, страна — голодна и разута, а на биржах труда велась регистрация безработных.

Какие могли родиться представления в этих условиях? Давай работы, работы — непочатый край, рабочих рук — полно. Спрос — неограниченный и абсолютно неприередливый. Что ни дашь — все хорошо. Только давай побольше! Ведь всего не хватало! Так и родился основной показатель работы предприятий — «валовая продукция» или, как его проще называют, «вал».

ОСЛОВ. «ВАЛ»

Валовая продукция — это не сам Продукт, а его измерение — в деньгах, штуках, тоннах, метрах и так далее. Причем не только Продукта, а всего, что для его производства делается...

«Вал» — это вообще все. Выточил рабочий копеечную гайку — «вал» копейку впитал. Другой выточил болт — еще на три копейки прибавилось «валу». А третий сковал рублевый лемех. Значит, всего они произвели валовой продукции на 1 рубль 4 копейки. Но план у них, допустим, — 2 рубля. Можно сделать так: сковать еще один лемех — сразу план перевыполнишь. А можно выточить еще девяносто шесть гаек. Или тридцать два болта. Или двадцать четыре гайки и двадцать четыре болта. «Валу» все равно.

Хозяйству — безразлично: потому что лемех без болта и гайки не прикрепить, а значит, пахать нельзя; а гайки без болтов или болты без

гаек — вообще железки. «Валу» же опять все равно. Он поправился на 96 копеек — а там хоть трава не расти.

Но трава-то как раз и вырастет, если поле не пахано! Тогда придется еще косу ковать — траву выкашивать — выполнять лишнюю работу.

А «валу» только этого и надо — он от этого еще больше вырастет! И даже, если из-за плохого качества лемех сломается или болт... нет, лучше лемех — он дороже. Тогда придется его заменить или исправлять, и от этого «вал» увеличится еще. Потому что в него входит и стоимость ремонта. Ему что ни навали — все на пользу. Такой это всеядный показатель.

Но с ним можно было мириться. Потому что в условиях, когда всего не

хватает, а рабочих рук в избытке, лишних лемехов, гаек, болтов и кос не бывает, всему находится применение, а лишний ремонт лучше, чем лишний безработный. Мы не привередничали. Нам нужно было, чтоб всего было достаточно, потому нам «вал» и годился.

Но теперь-то все иначе. Каждый грамм весит сегодня на весах экономики в десятки раз больше, чем двадцать — тридцать лет назад, каждый киловатт электроэнергии, каждый кубометр пресной воды, каждый час квалифицированного рабочего. Тратить все это на производство лишь бы какой продукции — непозволительная роскошь. Не нужна нам лишь бы какая.

А «валу» как было все равно что, лишь бы побольше, так и осталось. «Вал» по-прежнему велит: «Вали поболее! Гляди, сколько с моей помощью навалили — всего навалом! И еще давай — я все считаю».

А ведь уже совсем другие условия! Они-то изменились... А мышление? А представления о том, что хорошо в экономике и что плохо?

Тоже, конечно, должны измениться в соответствии с условиями. Вот почему нужна перестройка.

Но не все здесь просто. Представления меняются в зависимости от экономических условий, но медленнее, чем они. Давно впитанные нами старые представления глубоко сидят в нас.

Это все равно, как вступишь с мороза в теплый дом и никак не решишься скинуть шубу. Сними ее — быстрее согреешься. Но в тебе еще память уличной стужи, от которой только шуба и спасала. И эта память мешает освободиться от ненужной одежды даже в тепле, которого ты пока заметить не в силах из-за той же шубы.

Так и живут среди нас представления-враги, которых мы не распознаем никак, потому что привыкли считать

их помощниками, — «вал», производительность труда, рассчитанная по «валу», зарплата, настраивающая на тот же «вал».

Вот и встретившийся Николаю Экономову и Нестареющему Мальчику директор старается выполнить план по «валу». Но новые условия хозяйствования требуют от него совсем другого: дать обществу именно то, что общество от его предприятия ждет: костюмы нужных размеров и высокого качества.

Ну в самом деле, какая польза нам от того, что фабрика выполнила и даже перевыполнила план, шив никому не нужные костюмы? Никакой.

Может быть, государству польза? Тоже нет. Государство предоставило фабрике средства производства для того, чтоб она обеспечила формой всех школьников. Средства расходуются — форма не у всех. Труд швейников, текстильщиков, чабанов и химиков пропал даром. Но зарплату они получили. Теперь, чтобы вернуть потраченные деньги (хотя бы только деньги!), государству надо продать за границу продукт труда нефтяников, газовщиков, лесорубов или машиностроителей, который и нам пригодился бы, да деньги нужны.

Но может быть, хоть рабочим фабрики выгоден этот обман? Нет, едва они выйдут за ворота предприятия, пусть и с деньгами, полученными за несправедливо выполненный план, как тут же становятся покупателями, пациентами поликлиник, родителями школьников и дошколят. У государства, поиздержавшегося на восполнении сделанных ими прорех в бюджете, осталось меньше средств для удовлетворения нужд всех граждан, в том числе и швейников.

Так кому же это выгодно? Одному только нерадивому директору. Если он сумеет отчитаться о выполнении плана, никто, может, и не узнает, что директор это никудышный, и с работы его не погонят. Выходит, мы все —

все общество, кроме бюрократов, хапуг и спекулянтов, — расплачиваемся лишь за то, чтоб он в кресле сидел.

Несправедливо. Значит, нужно создать условия, при которых такой хозяйственник точно окажется несостоятельным, из кресла своего вылетит и жизнь нам портить не будет.

Эти условия формируются *хозяйственным механизмом*, то есть всем комплексом средств и методов управления плановой экономикой. Меняется время, меняются стоящие перед нами задачи — меняется и хозяйственный механизм.

С этой ломки и начинается перестройка.

Но ею не кончается.

Сейчас, например, выполнение плана учитывается только по выполнению хозяйственных договоров с заказчиками. Выпустил именно то,

что тебе заказывали, — считается; выпустил не то — сам виноват. В соответствии с новым Законом о государственном предприятии сумма заказов и формирует план предприятия.

Однако те, кому удобно было и при старых методах хозяйствования, постараются и при новых работать по старому. Чего менять, когда им и так хорошо? Для выполнения плана надо выполнить договор? Пожалуйста — это ведь те же деньги! Универмаг заказывает школьной формы на 10 миллионов, фабрика на 10 миллионов продает. И оба директора довольны. А потребность общества не удовлетворена. Но им и дела нет — план выполнен!

А цель плана — удовлетворение потребностей общества — не достигнута.

Кто обманут? Мы.

Диспропорция — по плану?

Узнав, что его все-таки надули, Экономов уже не стал слушать дальнейшие объяснения. Без стука, без доклада секретарше, он рванулся обратно в кабинет.

— Ага, — бросил Николай в лицо директору, — ваш обман раскрыт! План-то не выполнен!

— Как не выполнен? — оторопел директор и тут же полез за своей пухлой папкой.

Но на этот раз она Экономова не испугала.

— Вы мне деньги не тычете, — не давал себя снова обмануть он. — Должны выпускать только то, что нужно покупателю, — выпускайте.

— Должны, — вздохнул директор, разочарованно суя папку обратно в стол, — но и выручки должны дать не меньше, чем запланировано. Приходится выбирать. Универмаг, конечно, обязан продавать школьную форму. Но у него и кроме формы есть что продавать. А отчитывается он перед своим министерством деньгами. Неважно за что — суммой. И я перед своим отчитываюсь деньгами. Начальство же мне — не универмаг и тем более не покупатель, а мое министерство. Если младший старшему не подчиняется — это ж непорядок? Директор универмага мне простит, если я ему дам немножко не те костюмы. Но зато министр мне не простит, если я дам немножко не ту выручку. Вот я и выбираю...

Не было больше охоты спорить с этим упрямым директором. Мальчик, который внимательно слушал весь разговор (дверь так и осталась открытой после вторжения Экономова в кабинет), потянул друга за рукав:

— Брось, Коля. Раз такое дело — поехали к министру, разберемся.

Экономов несколько смутился. Потому что министров он видел только по телевизору, и, как к ним врваться в кабинет, он еще не знал. Мальчик этой робости был лишен — за свою долгую жизнь с кем только ни приходилось общаться. К тому же он очень надеялся на автора, который тоже, надо сказать, с министрами не запанибрата, однако создать ситуацию, полностью благоприятствующую своим героям, в состоянии — он на страницах книги почти всемогущ.

В общем, не будем тратить времени на подробные объяснения — они уже в кабинете министра.

Коротко — как и следует на приеме у министра — изложили суть дела, а потом Экономов спросил:

— Скажите, зачем вы планируете директору фабрики выручку?

— А как же, — ответил министр, — чтоб зарплату платить, стипендии и пенсии, государству нужны деньги? А берутся они от продажи товаров и оказания услуг населению. Государство должно знать заранее, на что оно может рассчитывать. Если на одной чаше государственных весов сумма всех выплат гражданам, то на другой — стоимость всех товаров и услуг. И обе части следует уравновесить.

— А, баланс! — вспомнил Мальчик.

— Ну да! — обрадовался министр понятливости собеседников. — Если чаша государственных выплат населению перевесит, что получится?

— Лишние деньги, — сообразили мальчики.

— Да попросту ненужные, — подчеркнул министр, — их же тратить не на что. А если чаша товаров и услуг перевесит?

— Денег не будет хватать, — точно угадали ребята.

— Вот именно! — снова поразился министр. — Получится, что произведенные товары и услуги лишние — ими ведь не воспользуются. Значит, что нужно?..

— Цены снизить, — подсказал настойчивый Экономов.

Но министр пропустил его замечание мимо ушей.

— Значит, нужно, — продолжил он свою мысль, — заранее определить, то есть запланировать, сколько, кому, на какую сумму выпустить. Чтобы потом не просчитаться, чтоб и у государства было достаточно денег, и у населения. А когда денег у всех достаточно...

— У меня и теперь денег достаточно, чтобы купить форму, — вдруг вырвалось у Мальчика, — а ее не купить. Или это лишние деньги? Но в магазине я видел лишние товары — ту же школьную форму.

Возникла неловкая пауза. Даже автор смутился: по его мнению, ставить в неловкое положение самого министра бестактно. Однако тот напелся:

— Да, налицо явная диспропорция. Это просто директор такой отсталый, производит не то, что нужно. Мы его накажем.

— За что же? — вмешался автор, стараясь как-то загладить вызванное Мальчиковой репликой нарушение полного взаимопонимания с министром и нарисованной им картины рационального планирования. — Директор старался выполнить план и выполнил — выпустил продукции на положенную сумму.

— Чего ж вы ко мне пришли? — с подвохом спросил министр.

— Так формы-то нет, — искренне пытался все объяснить Мальчик, — план есть, а формы нет! А план — по форме...

Ситуация запутывалась, но автор не терял надежды кончить дело миром.

— Может, у директора возможностей не было и форму нужных размеров выпустить, и план по выручке выполнить? — предположил он.

— Ну и что? — Министр был неумолим. — Перестраиваться надо. Интенсификация нужна...

Прервем ненадолго изложение беседы: появилось новое слово, надо объяснить...

ОСЛОВ *ИНТЕНСИФИКАЦИЯ*

Чем дальше в лес, тем больше дров, но тем труднее их из лесу вывозить. Чем выше уровень производства, тем шире возможности потребления, но тем сложнее дальнейший подъем в гору.

Строителям древнеегипетских пирамид не приходилось заботиться о повышении производительности труда, эффективности производства, экономии ресурсов и прочих сопутствующих проблемах. Мало ста тысяч рабов? Пожалуйста — пригоним еще двести. Кончились запасы в каменоломне? Не беда — другую найдем.

И сроки фараона особо не поджимали. Взойдя на престол, он тут же начинал строить себе гробницу. Срок — вся его жизнь. Куда торопиться? Поспешить — людей насмешишь: пирамида уже готова, а фараон еще нет. И у придворных навязчивые мысли: мол, дорогое сооружение пустует...

А у первобытных народов?

Когда стадо вытаптывало одно пастбище, кочевник переходил на другое, вытаптывалось другое — переходил на третье... А фермер, например, современной Дании такого простора лишен. Его скот пасется только на его лугу, так что ему за лугом приходится следить лучше, чем кочевнику за пастбищем.

Тут правило общее: что эффективнее — либо новую землю осваивать, либо с имеющейся больше получить...

Когда в 20—30-е годы наш народ начал налаживать в отсталой России мощную индустрию, мы построили Магнитку и Турксиб, тракторные и автомобильные заводы. Возникла нужда в увеличении производства зерна — в послевоенные годы освоили целину. Наша экономика росла вишь, то есть экстенсивно (латинское слово «*extensivus*» и означает «расширительный, растяжимый»).

Сегодня расти вишь уже невозможно. Нужно расти вглубь. В этом суть интенсификации. Интенсификация — это когда те же заводы, фабрики, шахты, поля и люди выдают продукции больше и лучше.

Раньше к этому тоже стремились. Но сейчас интенсификация — путь главный.

По сути, мы об этом уже говорили, когда Экономист рассказывал о «вале», «Вал» — порождение экстенсивного метода ведения хозяйства. Для него важен единственный вопрос: «Сколько?». Интенсификация требует прежде всего

задавать вопросы: «Что?» и «За счет чего?». Это всегда выбор наиболее короткого (а значит, дешевого) пути к цели.

Я говорю: «Выбор», потому что быстро и дешево не означает интенсивно.

Например, обычный токарный станок делается быстрее и дешевле, чем автоматизированный — обрабатывающий центр. Значит, завод обычных станков работает интенсивнее?

Как раз наоборот. Этих простых токарных уже сейчас больше, чем токарей, дополнительные никому не нужны. То есть работники завода, который мы сгоряча приняли за передовой, просто дешево и быстро омертвили труд многих людей, материалы и энергию. Чем быстрее, чем больше они будут выпускать свои устаревшие изделия, тем больше принесут убытку.

С другой стороны, без обрабатывающих центров не добиться интенсификации в других отраслях металлообработки. Значит, завод, выпустивший «центр», интенсификации добился? Нет, у нас еще недостаточно оснований для такого вывода.

Это раньше, при экстенсивном развитии, нам было все равно, какой ценой достигнут желаемый результат. Теперь надо все считать.

Если новый станок заменит в производстве десять старых, а труда и времени на его изготовление ушло в двадцать раз больше, игра не стоит свеч: интенсификации нет. Если у потребителей он будет использоваться не в три смены, а в одну, то и там не удастся интенсифицировать труд: затраты не окупятся.

То есть интенсификация узнается по крайней мере в четырех проекциях: первая — это качество выпускаемой продукции; вторая — насколько удалось развить производство, привлекая для того меньше людей; третья — насколько удалось сократить затраты материальных ресурсов; четвертая — насколько эффект от внедрения интенсивной техники и технологии превышает затраты на них. Без учета любой из этих проекций нельзя рассмотреть и верно оценить тот самый короткий путь к цели.

По существу, все четыре только что перечисленных признака интенсификации сводятся к одному — экономии рабочего времени. А первая заповедь экономии — «Не теряй!». Все остальное уже подробности. Например, выпуск никому не нужных костюмов, как и станков, — явная растрата труда, материалов, энергии, оборудования, а вместе — рабочего времени общества. Удается нам избежать потерь, которые пока случаются сплошь и рядом, — считай, уже интенсификации достигли.

Но дальнейший ее рост все равно упрется в возможности техники и технологии. Поэтому задача интенсификации неразрывно связана с ускорением научно-технического прогресса.

Однако никакие крупные изменения не могут происходить без учета их в плане, без экономической заинтересованности в них. Выработка механизма заинтересованности хозяйственников в интенсификации — главная задача экономистов сегодня.

... — Так что все равно накажем, — пообещал министр. — Снимем этого директора, назначим нового...

— Но уж новому, — поинтересовался Экономов, — план в деньгах определять не будут? А то и он...

— Как это не будут? — возмутился министр. — Вашим же родителям деньги нужны. А откуда они у государства возьмутся, если наши предприятия необходимой выручки не дадут?

— Нам нужны костюмы, — рассудительно сказал Экономов, — товары и услуги.

— Правильно, — согласился министр, — но товары и услуги создаются трудом. Как иначе учесть, запланировать и измерить труд разных людей, воплощенный в телевизорах и костюмах, компьютерах и табуретках, авторучках и конфетах? Только по стоимости — в деньгах.

А действительно, как иначе?

Автор-то знал, что Экономисту вроде бы известно, как. Но что Экономист по сравнению с министром! Пока ученые споры спорят, министры дела вершат. И наш Экономист как раз в этот момент занят важной научной дискуссией. (В последнее время экономисты непрерывно ведут горячие дискуссии. Нам еще не пришел срок в них вмешиваться. Нас министр убедил — и ладно.)

А Николая Экономова и Нестареющего Мальчика смущало только одно: что директор фабрики денежные поступления обеспечил, а удовлетворение потребностей — нет.

— Очевидно, и впрямь все от того, что это отсталый директор, — предположил Экономов. — Не перестроился, не научился работать по-новому. У него это... Устаревшее экономическое мышление.

— Да, — согласился Мальчик, — будь мы директорами, все бы делали иначе. Правда, Коля?

Автору идея понравилась.

— А что, — предложил он, — а станьте!

РАССКАЗ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ВЗГЛЯД ИЗ ДИРЕКТОРСКОГО КРЕСЛА

ак всегда педантичный в этих вопросах Николай стал придирчиво оговаривать условия игры.

— Со всеми правами? — поинтересовался он.

— Даже большими, чем обычно, — заверил автор. — Вас никто и поправлять не будет. Распоряжайтесь средст-

ствами своих предприятий, определяйте техническую политику — все ваше, никто слова поперек не скажет.

И пока приятели не успели передумать, он усадил их за настоящие директорские столы — с телефонами, селекторами и вертящимися креслами. Тут уж никто не устоит.

А сам автор пообещал быть у новых директоров бухгалтером. У обоих сразу, по совместительству, ведь автор-то один. Ему не привыкать, кем только он уже не был: и историком, и секретарем суда, и репортером (в том числе и продажным), и представителем общественности. Но бухгалтером ему быть труднее всего. Главная задача бухгалтера — вести учет и контролировать все затраты предприятия, словом, считать, и считать внимательно. И здесь автор должен признаться читателям (директорам своим он ни за что не признается), что с этим у него хуже некуда. Он, автор, в детстве сильно недолюбливал математику. Дошло до того, что и таблицу умножения запомнил не всю, а потом доучить не было времени. В общем, без микрокалькулятора автору теперь никуда — единственная надежда. Пусть это останется между нами, поскольку иначе вся игра расстроится: где деньги, где траты, там необходим учет, где учет — там бухгалтер, а кому ж быть бухгалтером, если все остальные действующие лица уже директора? Только автору. Несмотря на пробелы в таблице умножения.

И игра началась.

Экономов возглавил предприятие А, Мальчик — предприятие В. На обоих заводах работает по десять тысяч человек. Выпускают они... Да не важно, что они выпускают сейчас, потому что предстоит им выпускать совсем другое. Дело в том (это мы вводим в условие), что наши приятели возглавили свои предприятия в ответственный момент. Предстоит наладить производство новых тракторов. Потребность народного хозяйства в них — двадцать тысяч штук в год. Ну, а для новой продукции надо произвести реконструкцию, то есть техническое перевооружение заводов. Это — условие. А остальное — как директора решат.

Каждый волен выбирать

— Так как будем решать, директора? — обратился автор к новоиспеченному начальству. — Давайте техническую политику определять. Оборудование отобрать надо, проект реконструкции заказывать...

— А какой выбор? — прозорливо уточнил Экономов.

— Ну, — проявил эрудицию автор, — если просто заменить старые станки на новые, то реконструкция недорого обойдется — в сто тысяч уложимся. Правда, можно вместо станков наладить гибкую производственную систему — ГПС. Это в десять раз производительнее. Но тогда реконструкция обойдется в миллион.

Директора задумались.

Первым вышел из задумчивости наш бережливый Мальчик. Он чего-то там в уме сложил, перемножил (автор отвел завистливый взгляд — у Мальчика явно было лучше с устным счетом, чем у него) и заявил:

— Чем дешевле обойдется реконструкция, тем предприятию выгоднее. Сто тысяч или миллион — есть разница? Тут и думать нечего, я выбираю станки!

— Вообще-то оборудование не лучшее, — попробовал было возразить автор, — в производительности проиграете. Если уж все равно тратиться на реконструкцию, то, может быть...

— Ну вот что, — по-директорски строго прервал его Мальчик, — и не смейте меня отговаривать от экономного хозяйствования. Тоже мне — бухгалтер называется! Я мотовства не потерплю!

Автор, конечно, пристыженно умолк. Директора гневить — последнее дело. Он с надеждой посмотрел на другого директора — на Экономова.

— И я выбрал! — решил тот. — Вы мое мнение знаете: на научно-технический прогресс скупиться не стоит. Установим самое прогрессивное оборудование, бог с ним, с миллионом.

— Мотовство! — резюмировал Мальчик так мрачно, что его решительный коллега даже смутился.

Автор поспешил успокоить его:

— Зато обслуживающего персонала потребуется в десять раз меньше, всего тысяча человек...

Хотел-то автор Экономова успокоить, а развеселился Мальчик.

— Слушай, Коля, — торжествующе заметил он, — ну какой ты директор? Что у тебя будет за предприятие? Заводишко! Всего тысяча работающих. Вот у меня — заводище! Десять тысяч! Армия! Удивляюсь я тебе, ведь сам выбирал.

Не будь у Экономова ценного свойства характера — не признаваться в собственных ошибках только потому, что они собственные, — он бы теперь, ей-богу, переменял решение. Действительно, сделали тебя директором — с большим столом, телефонами, селектором, вертящимся креслом и перекидным календарем, — и даже автор у тебя бухгалтером и с тобой на «вы»; ты, по армейским меркам, можешь быть командиром дивизии или даже корпуса, а стал командиром полка. И все почему? Потому что выбрал прогрессивную техническую политику. Обидно! Твой товарищ — технический ретроград, а оказался директором важней тебя, у него и вправду армия.

А Мальчик продолжал подзуживать:

— Даже наш бухгалтер, — посмеивался он, — который склонил тебя на миллионные траты, сам же этим и добился того, что у тебя на предприятии он будет получать меньшую зарплату, чем у меня. Ведь мой завод больше в десять раз!

Откуда Мальчик об этом узнал, для автора до сих пор загадка. Но самое интересное, что он все угадал точно...

НЕБУХГАЛТЕРСКИЕ ОБЪЯСНЕНИЯ АВТОРА

Догадливый читатель наверняка ждет, что уж здесь-то самым мелким шрифтом автор как раз и объяснит ошибочность сомнений Экономова и несостоятельность хвастовства Мальчика.

Ничего подобного. И для экономовских сомнений, и для Мальчиковых честолюбивых заявлений основания имеются. Только несколько устаревшие.

Во времена, когда предприятие оценивалось по объему, а не по результату, все

действительно было так: чем больше народу на заводе работает, тем большая ему причитается зарплата, тем директор или там бухгалтер важней.

Но времена изменились. И уважения заслуживает не тот, кто больше народу на завод набрал, а тот, кто сумел при меньшем составе сделать больше. Значит, и сложившийся порядок надо менять. Сейчас как раз и перестраивается экономический порядок, чтобы заинтересовать хозяйственников «воевать» не числом, а умением.

Но это я объяснил тебе, а нашим героям предстоит самим дойти до сути.

Ненужные деньги

Игра играется быстро. Выбор сделан, считай, и реконструкция произведена. Считай, год прошел. Оба директора сменили перекидные календари на новые. Год прошел — они уже директора обновленных предприятий. Экономов — небольшого, а Мальчик — по-прежнему крупного. Год прошел, а на самом деле минута, и Мальчик не утратил ни капли своего торжества.

— Так что, — сказал он, крутанувшись в удобном директорском кресле, — вы сами себя и наказали за расточительность. Ну-ка, бухгалтер, прикиньте-ка смету производственных расходов.

И автор, тыча пальцем в клавиши незаменимого своего микрокалькулятора, стал подсчитывать.

Затраты на реконструкцию предприятия А составят 1 миллион рублей, предприятия В — 100 тысяч рублей. Затраты на материалы

и электроэнергию — 10 тысяч рублей в год на каждом предприятии. При средней заработной плате каждого работника 200 рублей в месяц эти расходы на предприятии А составят:

$200 \text{ р.} \times 1000 \text{ чел.} \times 12 \text{ мес.} = 2\,400\,000 \text{ рублей,}$

на предприятии В:

$200 \text{ р.} \times 10\,000 \text{ чел.} \times 12 \text{ мес.} = 24\,000\,000 \text{ рублей}$

Мальчик остолбенел.

— Ну? — возликовал Экономов. — Доэкономился на научно-техническом прогрессе? Так кто из нас транжира и мот?

Но Мальчик и без того грустил.

— Как же это, — растерянно бормотал он, — я был так бережлив, и на тебе — в двадцать четыре миллиона обойдется только содержание рабочих. Невероятно! Может, бухгалтер ошибся?

— Это вы ошибаетесь, — не согласился автор (он полностью доверял своему микрокалькулятору). — И не двадцать четыре миллиона придется истратить на содержание ваших рабочих. Они ведь пользуются трудом работников непродуцированной сферы. А из каких денег платить врачам, учителям, милиционерам, писателям, артистам, банкирам и кассирам «Союзаттракциона»?

— Ну, — взмолился Мальчик, — это забота государства!

Тут уж и автор оторопел и захлопал глазами. Такой экономической безграмотности он и ждать не мог. Кто, как не Мальчик, еще совсем недавно поправлял Экономова: и государство, мол, деньги не в тумбочке берет. А тут стоило пересест в директорское кресло — сразу и забыл. Глаза ему застит узкий директорский интерес, что ли? От возмущения автор даже на минуту утратил маску бестрепетного бухгалтера.

— Помилуйте, ребята, — сказал он твердым авторским голосом, — откуда же возьмутся деньги в государственном кармане, если ваши предприятия их туда не положат? Денег в обществе должно быть ровно столько, сколько можно приобрести на них материальных благ. А производят эти блага только рабочие. Значит, каждый рабочий должен зарабатывать двести рублей в месяц не только себе, но и тем, чьим трудом он пользуется или пользовался еще до того, как сам стал трудиться. То есть еще двести.

Мальчик поскуцнел пуще прежнего. А автор, вернувшись к бухгалтерским обязанностям, снова склонился над микрокалькулятором и стал считать...

НЕБУХГАЛТЕРСКИЕ ОБЪЯСНЕНИЯ АВТОРА

Тут, пока автор в роли бухгалтера сосредоточенно считает, надо бы пояснить (как водится, самым мелким шрифтом), что игра наша оказалась в большей степени условная, чем предполагалось, когда автор ее затевал.

А виной всему — время. Оно сегодня движется быстрее, чем пишется книга, и гораздо быстрее, чем издается. Многие из того, о чем вы уже прочли и еще прочтете, успеет устареть, пока «Тайна пятого яблока» попадет вам в руки. Перемены в экономике, в обществе, в наших представлениях о том, что неизбежно, что спорно, происходят буквально каждый день.

Может, к тому времени, как станете вы эту книгу читать, ни у кого и в мыслях не возникнет чуть что — обращаться к министру, а таких директоров, как в прошлом рассказе, будет и не сыскать. Хотя вряд ли. Может, и автору уже сейчас следовало сделать своих героев не директорами заводов, а председателями кооперативов или торгово-промыш-

ленных концернов. И уж точно — не поручать им выпускать тракторы, которых теперь избыток. Да мало ли чего может быть!

Главное, сейчас автору даже в роли бухгалтера не познакомить читателя подробно со своими расчетами, поскольку для предприятий разных типов хозяйствования надо по-разному считать. Раньше такой неоднозначности и допустить нельзя было.

Но у нас игра, и не автору, человеку взрослому, если не сказать больше, учить юного читателя условностям игры.

Нам важен принцип, а принцип сохранится при любых переменах: работники сферы материального производства своим трудом кормят не только себя, а все общество, и при всем нашем ревностном отношении к справедливости и чувству естественной благодарности им, общество всегда будет считать, что ему дает тот или иной трудовой коллектив сверх того, что сам потребляет.

Раньше этого добивались очень просто: государство от имени общества определяло отрасли, предприятию, что они могут взять себе, а остальное шло государству, и потом уже государство распределяло всем остальным. Но теперь поняли, что невыгодно ставить предприятие в положение подневольного дитяти, оно норовит стать нахлебником и не больно старается больше произвести, чтобы больше досталось другим. Сегодня, при переходе на полный хозяйственный расчет, между государством и предприятием отношения деловые: государство не отвечает за убытки завода, а завод — за долги государства. Они расплачиваются друг с другом за взаимные услуги: за заказанную продукцию, за взятые в долг деньги, принадлежащую государству землю, обслуживание рабочих в государственных больницах, пользование электроэнергией, водой.

Так понятнее, кто кому чего должен и кому чего от кого требовать.

...А сосчитав, он доложил директорам, что с предприятия В государству причитается в десять раз больше, чем с предприятия А.

— Ну, теперь-то все? — глухо спросил Мальчик, предчувствуя недоброе.

— Да где ж все! — бестрепетным бухгалтерским голосом возразил автор. — Лечиться, учиться... — попытался было снова перечислить он.

— Так мы же эти расходы уже предусмотрели, — прервал Мальчик. — Двадцать четыре миллиона, шутка ли?

— Нет, — терпеливо растолковывал автор. — Двадцать четыре миллиона — только зарплата тем, кто обслуживает десять тысяч семей ваших рабочих. А еще нужно для рабочих построить жилье, те же больницы, школы, дороги, театры, бани и игровые автоматы.

— Что, — не выдержал Мальчик, — еще деньги? Грабеж какой-то!

— Да не деньги! — терял терпение автор. — Из денег школу не построишь. Вам надо выкроить... время.

— Ага, — подмигнул Мальчик Экономову, — а из времени можно построить школу, больницу, детский сад, театр оперы и балета... Лучше из воздуха строить — дешевле.

— Именно так, — не смутился автор. — Чтобы государство могло предоставить вашим рабочим и их семьям бесплатные школы и больницы, оно должно располагать для этого достаточным запасом рабочего времени общества. А если все время будет потрачено на производство тракторов, школы и больницы строить окажется некому и не из чего. Ведь тракторы нужны?

— Еще бы! — гордо согласился Мальчик.

— Значит, вам придется потратить на их производство рабочее время десяти тысяч человек?

— А как же! — приосанился в директорском кресле Мальчик.
— А семьям десяти тысяч человек нужно в десять раз больше школ, больниц, детсадов и этих... игровых автоматов, чем семьям тысячи рабочих?

— Справедливо! — подтвердил Мальчик. — Надо удовлетворять наши растущие потребности.

— А что сделают эти десять тысяч, чтобы у государства хватило рабочего времени общества для удовлетворения их потребностей?

— Тракторы! Десять тысяч новых тракторов!

— Но тысяча рабочих предприятия А сделает столько же, высвободив для удовлетворения других нужд общества рабочее время девяти тысяч человек. Не кажется ли вам, что, получив всего поровну с ними, вы будете пользоваться чужим трудом?

— Мы? Чужим? — возмутился Мальчик. — Нам чужого не надо! Трудисься, понимаешь, с утра до ночи, трактора выпускаешь, а тебя уже и в иждивенцы общества записали. Хорошенькое дело! Экономь после этого каждую государственную копейку. Несправедливость какая... Послушайте, вы еще бухгалтер? Ну подсчитайте, не ленитесь: сколько причитается с общества за наши трактора?

Автор послушно включил микрокалькулятор. В принципе, все уже было сосчитано. Что пришлось истратить на производство, во столько и обходится обществу продукт производства. Оставалось только узнать стоимость каждого трактора. Чтобы предприятие могло работать нормально, платить зарплату и расплачиваться с поставщиками, цена его продукции должна быть никак не меньше затрат на нее.

Значит, все просто: разделим общие затраты на количество продукции и получим:

цена 1 трактора предприятия А
не меньше, чем: $5\,810\,000 \text{ р.} : 10\,000 \text{ тр.} = 581 \text{ рубль,}$
цена 1 трактора предприятия В
не меньше, чем: $48\,110\,000 \text{ р.} : 10\,000 \text{ тр.} = 4811 \text{ рублей.}$

А трактора одинаковые.

Мальчик удовлетворенно потирал руки.

— Ну что, бухгалтер, — не скрывая торжества, произнес он, — кто из нас иждивенец? Да каждый мой трактор будет приносить в восемь раз больше выручки, чем у коллеги Николая. С каждого моего трактора в восемь раз больше денежек!..

Встрепенулся в своем директорском кресле Экономов, заерзал, унимая обиду.

— Это значит, в восемь раз больше денег будет у государства на развитие производства, оснащение школ, больниц, павильонов игровых автоматов... — ликовал Мальчик.

— Это значит, — прервал его автор, — только одно: в восемь раз дороже обойдется обработка земли на ваших тракторах. Дороже станет хлеб, вообще продукты питания. Значит, только на еду придется больше денег тратить рабочим, значит, надо им поднимать зарплату, но лучше они от этого жить не станут. Вот и вся «выгода» от того, что вы будете производить более дорогие трактора.

Тихо стало в директорском кабинете, как бывает тихо только, когда директор думает.

— Это что же, — не желая поверить, произнес наконец Мальчик, — государству не нужно больше денег?

— В том-то и дело, что нет! Ему нужны тракторы, продукты питания, автомобили, жилые дома, школы и больницы, даже игровые автоматы, но не деньги. Говорить, что государству для удовлетворения наших нужд нужны деньги, все равно что сказать: мама в гастрономе покупает килограммы, мы от этого сыты, а в универмаге — штуки и метры, и мы от этого одеты. Рубли в государственной казне — только измерение сделанного, накопленного, истраченного; рубли в мамином кошельке — только квитанции на получение необходимого.

— Эх, — посетовал Мальчик, — знал бы, не считал эти проклятые рубли, не жадничал бы на реконструкцию.

— Как это не считал? — возмутился автор (нет большего оскорбления для бухгалтера, чем пренебрежение к рублю). — Считать как раз надо. Но для того, чтобы знать, как с меньшими затратами удовлетворить потребности общества. Вот ваш коллега Экономов все подсчитал и выбрал правильную техническую политику: выгоднее больше потратиться на оборудование, чем вовлекать в производство больше людей. Фактически он добился настоящей интенсификации своего производства.

Экономов воспрял. Плеснул себе газировки из сифона — директору можно.

— Благодаря этому, — продолжал бухгалтерские подсчеты автор, — на девять тысяч человек меньше будет трудиться над тракторами. Их труд можно использовать для создания чего-нибудь дру-

гого, необходимого обществу: ГПС, хлеба, переводных картинок или игровых автоматов — в чем больше нужда. Но восемнадцать тысяч человек всего этого могли бы сделать вдвое больше, чем девять тысяч.

— Ну, Мальчик, — осенило Экономова, — по твоей милости будем иметь вдвое меньше дополнительного Продукта, чем могли бы, а он нам разве лишний?

— А ведь все члены общества, — подсказал автор, — пользуются богатством общества одинаково. По одним ценам покупают продукты, которые не подешевели, поскольку их вдвое больше не стало, сидят в одних очередях в поликлиниках, одинаково терпеливо ждут очереди на получение жилья. То есть все удовлетворяют свои потребности хуже, чем могли бы, потому что на предприятии В работает больше народу, чем позволяют возможности научно-технического прогресса.

— Доэкономился, — возмущенно отвернулся от приятеля Экономов. — Буквально подрывает благосостояние общества. Ретроград!

Решение — не воробей

193

Мальчик пытливо посмотрел на автора. Но не так, как смотрит директор на бухгалтера, как-то иначе.

— Слушайте, — просительно произнес он, — давайте я перемену свое первое решение, а? Беру ход назад!

— Ну нет! — возмутился Экономов. — У нас публичная игра. Как в шахматах. Взятся — ходи! В экономике, по-моему, тоже нельзя брать ход назад. Это нечестно. А то каждый так — понавалеет глупостей, а потом: «Я перехожу!». Куда — «перехожу»? Нет уж, теперь отвечай.

А чего отвечать-то? Отвечать-то нечего.

— Послушайте, бухгалтер, — сказал Мальчик после глубокой задумчивости, — ну дайте мне миллион.

Автор оторопел. Признаться честно, миллиона у него отродясь не было.

— Дайте миллион! Ну что вам, жалко, что ли? На хорошее дело прошу.

Что оставалось делать? Какой бухгалтер не поможет директору? Ну, выписал он чек на миллион, печатью прихлопнул. Только потом вспомнил, что настоящий бухгалтер прежде чем дать, обязательно спросит, на что?

— А, — ответил Мальчик, радостно размахивая чеком, — куплю на этот миллион и себе ГПС, эти станки выброшу и буду выпускать такие же дешевые трактора, как у жадины Кольки.

Автор так и плюхнулся на стул от огорчения.

— Нет, — воскликнул он, — с таким непонятливым директором просто невозможно работать! Я что, вам ГПС дал? Чек! Чеком, что ли, собирается производительность труда повышать?

— Так ведь миллион, — смущенно оправдывался Мальчик. — Как раз на реконструкцию, интенсификацию.

— И что с того? У вашего коллеги перевод производства со станков на ГПС занял год. Этот год какое-то предприятие делало эту ГПС, тысяча рабочих училась ее обслуживать, строили новое помещение — опять время, деньги, люди. К тому же вашему коллеге все равно предстояла реконструкция, он выбрасывал старые, отслужившие свое станки. Они ничего не стоят. И должен он государству вернуть всего миллион. А вы установили за этот год новые станки. Теперь их выбрасывать — убыток. Так что сначала сэкономьте труда хотя бы на сто тысяч, верните их государству, найдите возможность обойтись меньшим числом рабочих — вот и высвободится кто для производства еще одной ГПС, для новой реконструкции. Только тогда и заплатите свой миллион.

Это типичная бухгалтерская мудрость: хочешь тратить — накопи! Но Мальчик ее не знал. Он опечалился.

— Так за счет чего я наэкономлю столько труда? — спросил Мальчик в полнейшей растерянности.

— Только за счет внутренних резервов, — твердо ответил автор, поскольку в вопросах экономии бухгалтер должен обязательно проявлять твердость.

— Это еще что такое?

— Ну, как бы проще объяснить?.. Это то, что на каждом предприятии есть и в то же время как бы нет. Пока внимательнее не приглядишься. Допустим, токарю нужно выточить из металла двухсотграммовую деталь и дадут ему для этого килограммовую болванку. Точит он ее, точит, резец затупившийся сменит — и опять точит. Через час-полтора, глядишь, и виден результат труда: деталь в двести граммов и стружки восемьсот граммов.

— Да это же бесхозяйственность! — возмутился Мальчик.

— Верно. Но когда на вашем предприятии такое происходит, вы обладаете огромным внутренним резервом. Ведь если токарю дать, скажем, болванку в триста граммов, отходов будет в восемь раз меньше и в восемь раз быстрее токарь сделает ту деталь. А токарей на вашем предприятии — сотни, таких деталей они делают — тысячи. Станут работать быстрее — и металла понадобится меньше, и токарей.

— Что ж получается, — недоумевал Мальчик, — если сразу дать токарю трехсотграммовую болванку вместо килограммовой, то и внутренних резервов нет?

— Ну, если сразу... Если б вы сразу реконструкцию произвели как следует, то не надо бы и новую затевать, высвобождать рабочих. Вон у директора Экономова просто некого сокращать — все наперечет. А у вас...

— Но я же не знал, что столько от меня зависит, — поспешил оправдаться Мальчик.

— А надо, чтоб все знали, как много от них зависит. Тогда никому в голову не придет дать токарю для двухсотграммовой детали килограммовую болванку, да и токарь ее не возьмет. Если ты полностью распоряжаешься средствами, выделенными тебе на производство, твое благосостояние полностью зависит от экономии этих средств, поневоле станешь относиться к ним, как к своим собственным. Такие условия, кстати, и предусматривают новые методы хозяйствования.

Это Мальчик испытывает на себе принципы полного хозрасчета, самоокупаемости и самофинансирования, — словом, новые методы хозяйствования. Суть их в том, чтобы предприятия, трудовые коллективы сами решали, какими путями достигать лучших экономических результатов. Но сами же и отвечали за них. Выиграл — получи сполна. Проигрался — недополучи. Кто больше дает обществу — у того больше прав пользоваться общественным богатством, улучшать благосостояние своих работников, модернизировать производства.

Сколько стоит ошибка?

— Ну, хорошо, — размышлял Мальчик, — используем мы внутренние резервы. У нас их в десять раз больше, чем у Кольки. За год наэкономим столько, что ГПС можно будет заказывать. Еще год — реконструкция, обучение рабочих, подготовка производства. И все эти годы будем жить хуже, чем те, кто у Кольки работает?

— Что делать? — развел руками автор. — Директорские ошибки дорого стоят. Все эти годы и общество от вас будет получать меньше, чем следовало бы.

— Все-таки это несправедливо, — настаивал на своем Мальчик. — Тысячи работников моего предприятия смогут получать на потребление меньше только потому, что я, один я, отсталый директор, совершил глупость.

— А вы оправдайтесь, — посоветовал автор, потому что хороший бухгалтер всегда дает советы своему директору. — Вы им скажите, что хотели как лучше. Что хотели поменьше хлопот. Если бы ваш коллега не добился таких результатов на прогрессивном оборудовании, никто бы и не понял, что вы заслуживаете упрёка. Да и вообще, это только в сравнении с Экономовым вы технический ретроград, а сами по себе неплохой человек. Объясните, вас поймут.

— Думаете, поймут? Мои же работники, которые получают меньше благ из-за моей неправильной технической политики?

— Да, — продолжал его успокаивать автор, — разве вы один так думали? Явно кто-то думал так же. А кто не так, тот, конечно, обвинит вас в хозяйственной безграмотности.

— Ну вот...

— А вы ему: «Раз такой умный, сам и определяй хозяйственную политику предприятия!..» Кстати, он как раз такой умный, что определять и может. Не он один, конечно, а все вместе — коллектив. И не только может, но и должен, это и предусмотрено Законом о государственном предприятии.

— Но ведь директор — я! — недоумевал Мальчик.

— Ну сами посудите. Благополучие каждого члена коллектива зависит от результатов работы всего предприятия, цеха, бригады. Эти результаты — следствие хозяйственной политики. Если каждый расплачивается за общие ошибки и пользуется общими успехами, почему каждому не предостерегать свой коллектив от ошибок? Не подсказывать пути к успеху? Это и значит — определять хозяйственную политику. Так что скорее всего не выберут вас директором, сместят. Невыгодно с вами работать.

Мальчик согласился. И правильно! Под контролем коллектива бездумно не поддиректорствуешь, а ошибешься — ответишь по всей строгости.

Поэтому Мальчик предусмотрительно покинул удобное директорское кресло.

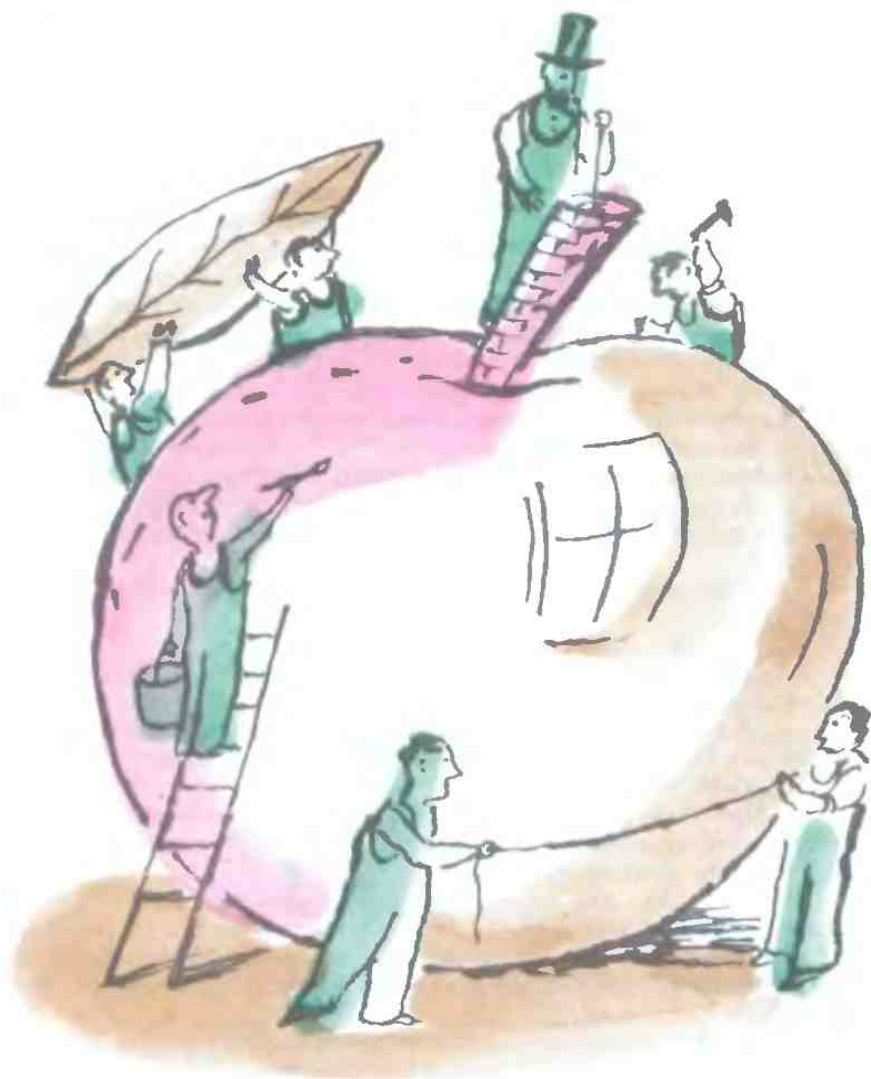
А довольный собой Экономов вдруг сказал:

— Чего там определять? Все ясно: закупай оборудование поновей да получше и давай! Успех гарантирован.

Тут даже автор не нашел, что ответить. Молча, с плохо скрываемым раздражением, он стал приводить квартиру в порядок после превращения ее в директорский кабинет. День клонился к вечеру. Смеркалось.

РАССКАЗ ШЕСТНАДЦАТЫЙ
КТО СТАВИТ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ?

гра всегда праздник, но игра-то кончилась! Экономов, Не-
старейший Мальчик и сам автор сидели в будничной обста-
новке авторской квартиры, пребывая в довольно удручен-
ном состоянии духа.

Да и чему радоваться? Формы у Мальчика до сих пор

нет, и по весьма неприятной причине: из-за того, что отсталый директор погнался за выполнением плана в деньгах, совершенно не думая о десяти тысячах neodетых мальчиков.

Но и это не все. Уж сам Мальчик становится директором — и тут же проявил себя как ретроград. Казалось бы, хорошо хоть, Экономов правильно поступил, выбрал верную техническую политику. Однако и он, как выяснилось потом, не больно дальновидный хозяйственник. Если последовать его совету, полстраны должно взяться делать ГПС, а другая половина сидеть и эти ГПС от них ждать. Этак недолго и по миру пойти. В общем, ясно, что надо что-то немедленно делать, а что — не ясно.

Автор в задумчивости грыз ручку (есть у него такая вредная привычка), но — не придумывалось, разве что пусть придет кто, объяснит, поставит все на свои места?.. Ничего в этом нового нет, однако надежно. Значит, и возражать нечего.

Так что, конечно, в дверь тут же позвонили.

Это Экономист пришел. Помните, еще во второй половине позапрошлого рассказа он отправился на жаркую научную дискуссию? А теперь вернулся.

— Ну как, — участливо спросил автор, — победили?

Экономист глянул на него... едва ли не свысока.

— Разве побеждают в дискуссиях?! — строго ответил он (эти ученые вечно отстаивают непрременную точность формулировок, оттого они и слывят занудами. В определенных кругах, конечно). — Вот произойдет решительный сдвиг в экономическом мышлении, тогда, считай, победим.

— У кого произойдет? — поинтересовался мгновенно поскучневший автор.

— У всех! — невозмутимо ответил Экономист.

Как раз на этих словах в прихожую заглянул Экономов. Он, по своему обыкновению, тут же и встрял в разговор.

— О, а мы как раз обсуждаем, что нужно, чтобы у всех все было, — тараторил Николай, препровождая нового гостя в комнату. — Вы ведь знаете, скажите — что?

— Предусмотреть, распределить и сделать, — четкими формулировками отрекомендовал Экономист, хотя — вы же помните? — с автором говорил вроде о другом.

Автор должен был вести себя как радушный хозяин — чайник поставить, чай заварить... Но не хотелось тратить на это время. Хорошо хоть, по дороге он успел купить яблок. Теперь прямо в фасовочной сетке сунул их под кран, выложил на тарелку и понес в комнату, где уже текла беседа.

Экономист, увлекшись экономическими рассуждениями, даже в угощении увидел повод порассуждать на ту же тему. Дело в том, что ровно пять яблок пришлось на килограмм. Когда все взяли по одному, самое крупное и красивое осталось на тарелке.

— Взгляните, — обратил внимание Экономист, — знакомая ситуация: деление пяти яблок на четверых. Помните, к чему в свое время привело разрешение этой задачи?

— Лишнее, пятое, яблоко, — процитировал автор, — стало яблоком раздора. Возможность овладеть им создала собственника.

— Но в нашем обществе совершенно другие отношения, — многозначительно подытожил Экономист. — Пятое яблоко — дополнительный Продукт, возможность более полного удовлетворения потребностей всех.

— Правильно, — обрадовался Мальчик, — следуя принципам нашего справедливого общества, мы его разделим поровну.

Автор уже занес нож, чтобы послушно разрезать «дополнительный Продукт», но Экономист его остановил:

— Как вы собираетесь делить?

— Ну как? — удивился автор. — Вдоль по центру, дважды пополам. Получится четыре разноцветные дольки.

— А почему бы, — улыбаясь предложил Экономист, — не разделить так: одному — кожуру, другому — мякоть, третьему — сердцевину, четвертому — плодоножку?

— Ха, — развеселился Мальчик, — давайте, только, чур, мне мякоть!

— Согласен на кожуру, — поддержал игру Экономов, — говорят, там самые витамины.

— Вот уж повезет, кому плодоножка достанется! — не унимался Мальчик.

Только автор не поддался общему веселью. Он недоумевал.

— Между нами, взрослыми, говоря, — только и нашел, что сказать автор, — какую-то странную систему распределения вы предложили.

— Зато поучительную! — ответил Экономист.

ТАЙНА ПЯТОГО ЯБЛОКА

РАССКАЗ В РАССКАЗЕ, РАССКАЗАННЫЙ ЭКОНОМИСТОМ

Тем эта ситуация и поучительна, что очевидна в своей нелепости.

Все части имеющегося у нас общего Продукта нужны каждому из нас. Поэтому и делить его надо так, чтобы каждый человек, претендующий на Продукт, получил все. Не все здесь равноценно, но все имеет свою ценность.

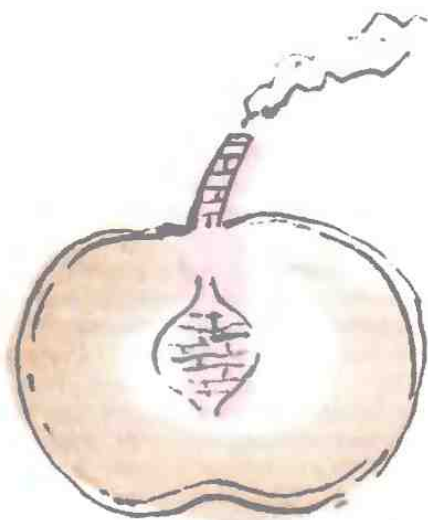
Строго говоря, в яблоке мы едим лишь мякоть и кожуру (в ней, действительно, сосредоточены витамины). Конечно, и без сердцевинки, плодоножки яблока нет. Но для потребителя они не важны. Приходится мириться с тем, что яблока не бывает без сердцевинки, сливы без косточки, как... как потребления без производства.

Точно так же производство товаров потребления (а только они удовлетворяют наши потребности) не обеспечить без производства средств производства, которые потребности наши не удовлетворяют, но без них и товары не произвести.

Раз уж это яблоко олицетворяет у нас Продукт, представим, что мы это яблоко и выращивали — не только потребляем.

Разделение труда — факт свершившийся. Производя это яблоко, каждый отвечает за одну какую-то его часть. Каждый хочет свою часть сделать больше и лучше, полагая, что этим увеличивает все наше пятое яблоко.

Дружно взялись за работу. Производитель сердцевинки справедливо считает, что его часть (или, говоря производственным языком, отрасль, предприятие) — самая важная. И делает ее большой, мощной. Она так ве-

лика и весома — вот-вот с ветки сорвется. Он договаривается с производителем плодоножки: поддержи, дескать, — и тот делает такую же мощную, под стать сердцевинке, плодоножку. И производитель кожуры полностью сознает меру своей ответственности — его продукция формирует весь внешний вид яблока, это лицо товара, нельзя же ударить в грязь лицом. Производитель мякоти тоже старается. Но более важные отрасли основные запасы питательных веществ уже использовали, ему — что останется.

И получается у нас яблоко... Толстокожее, на массивном черенке, с мощной, громадной сердцевинкой. Вроде бы большое и красивое. А есть нечего.

Что же произошло?

Мы как производители честно старались сделать свою часть работы лучше, и каждый, в меру возможностей, с поставленной задачей справились.

Но как потребителям нам видно, что не такие уж мы молодцы. Что от таких разделенных усилий и действи-

тельного увеличения своего производства наш общий Продукт не растет. Вернее, растет, но от этого мало проку, а работы много.

Где же выход? Сейчас, когда и читатели наши, и юные герои книги знают, что такое планирование и какую роль оно играет, я уже слышу ответ: выход в более четкой согласованности действий, соблюдении народно-хозяйственных пропорций, то есть в более сбалансированном плане.

Это верно. Но что поставить в основу планирования?

Заметим: все нелепицы открылись нам, лишь когда мы стали на точку зрения потребителя. Удалось реально оценить и ценность своей работы, и нужность ее для увеличения общего Продукта, когда мы рассматривали ее с этой точки зрения. Ну так и надо ее рассматривать, так и надо планировать производственную деятельность, исходя из наших потребностей. Вот что и следует рассчитать в первую очередь при составлении плана. А все остальное уже производное.

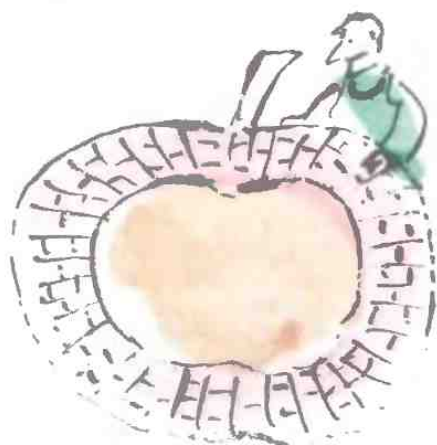
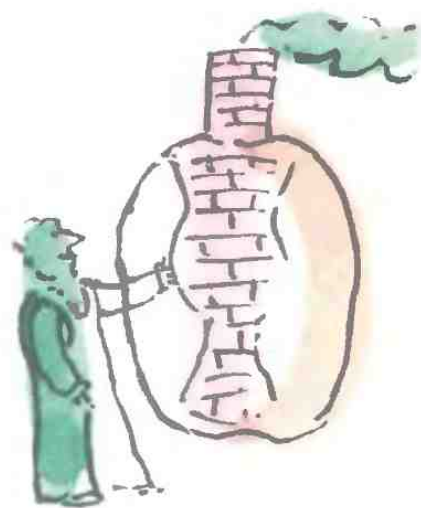
Это вовсе не значит, что все силы следует бросить на производство мякоти и чуть-чуть на производство кожуры. Нет, не получится. Необходимо произвести и сердцевину, и плодоножку — это ж яблоко, цельный плод.

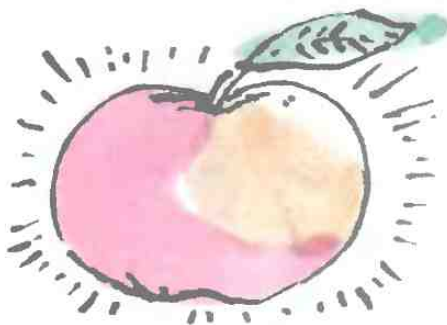
Выход в другом: делать все, что нужно, но только то, что действительно нужно.

Тогда каждый, в том числе и производители сердцевины и плодоножки, будут заботиться, чтоб хватило питательных веществ (то есть средств, ресурсов) на производство каждой части, никто не станет тянуть одеяло на себя.

Для этого каждый, делая свое дело, должен оценивать его с точки зрения увеличения всего яблока, его полезных свойств.

Успех дела зависит от того, насколько верно мы сможем распределить силы и средства.

Та же зависимость действует и в производстве общественного Продукта. Вспомним: цель производства — удовлетворение потребностей. Нельзя потребность в еде восполнить ростом производства костюмов, а потребность в одежде — строительством новых домов. Нельзя удовлетворять потребности в еде, одежде, жилье, не обеспечив производственными нужды станками и машинами. Все необходимо.

202

Мы будем жить тем лучше, чем больше произведем нужных продуктов потребления, но для этого следует произвести еще и средства производства. С точки зрения нас, потребителей, эти средства производства только обуза.

Однако, если они позволят меньше общественного рабочего времени тратить на производство продуктов потребления, мы с этой обузой смирились, как миримся с плодоножкой и сердцевинной яблока.

Нам вообще все, что позволяет потратить меньше времени на удовлетворение потребностей, выгодно. Поэтому станки и машины производить будем. Однако не ради них самих, а ради того, что с их помощью можем получить.

Так что вроде в этом пятом яблоке и тайны никакой нет. Все очевидно. Надо лишь видеть его все в целом. А для этого занять соответствующую позицию, доступную для широкого обзора.

Как понять очевидное?

Рассказ Экономиста был выслушан с должным вниманием. После этого автор разрезал пятое яблоко, как собирался, — на четыре равные дольки; каждому досталось поровну мякоти с кожурой, сердцевинны, а плодоножку просто выбросили — ни в чью долю она, понятно, не входила.

Но Экономов к своей части даже не притронулся. Он оставался в задумчивости.

— Слушайте, — наконец сказал Николай, — вроде бы заинтересованность каждого в нашей общей пользе так ясна! А при встречах с продавщицей, директором, даже министром мы убедились, что они ее не различают. Смотрят на результаты своего труда как производители и только. Только и стараются деньги выручить. Да и Мальчик вон тоже пожадничал из этих соображений и противился научно-техническому прогрессу.

— Ну так я ж не знал... — пытался было оправдаться Мальчик.

А Экономист, как всегда, все объяснил:

— Я же с самого начала вам твержу: нужно сформировать новое экономическое мышление.

— А откуда оно у них старое? — возразил Мальчик. — У меня-

то понятно: я еще во многом живу опытом прошлых формаций. А эти что ж? Может быть, экономические законы социализма плохо знают?

— Понимаете ли, молодые люди, — принялся втолковывать Экономист, — экономическое мышление формируется не так просто. Это сложный процесс. Я вижу, что происходит вокруг, наблюдаю экономические явления — осмысливаю их, делаю выводы — и поступаю в соответствии с увиденным и осмысленным...

— Так что ж, они не видят, что плохо, когда формы нужных размеров нет? — поддержал Мальчика Экономов.

— Видеть-то видят, да как осмысливают! У отражения свои законы, оно необязательно дает точную картину действительности, хотя кажется... Мы говорим: как в зеркале. Это значит — точно. И правда, в зеркале ты можешь точно увидеть свое лицо и даже — вопреки посылке — собственные уши. А надпись на футболке? Точно знаешь, что там написано «Super star», а в отражении что?

— «Ратс репус», — подсказал догадливый Мальчик.

— Вот именно, «репус»... И чтобы не запутаться, надо твердо знать степень искажения действительности зеркалом-рублем, зеркалом-показателем, зеркалом-процентом. Смотреть смотри в отражение, но переводы с зеркального языка на натуральный.

— А экономические законы? — настаивал Экономов.

— Они объективны, — пояснил Экономист, — то есть существуют независимо от того, желают их соблюдать или нет. Но проявляются экономические законы в действии хозяйственного механизма, проще — в хозяйственной практике.

— Это, как мы видели?

— Ну, примерно. Если директор знает, что стоит ему выручку дать — все взятки с него будут гладки, так он и сосредоточивается именно на этом. Вон Мальчик усвоил когда-то, что чем больше народу на предприятии, тем оно важнее; чем дороже продукция, тем она выгоднее, — он и не стал заботиться о научно-техническом прогрессе. Зачем? Хозяйственный механизм — то есть действующие правила хозяйствования — не подстегивает. Но в результате перестройки хозяйственного механизма условия резко меняются, — значит, и люди должны перестроиться.

— Ну, я-то ладно, — быстро согласился на перестройку Мальчик, — а вдруг директор не захочет?

— Это вряд ли, — усмехнулся Экономист. — Его же коллектив ему этого не возволит. Вспомните себя в роли отсталого директора. Как недалевидная техническая политика отразилась на доходах ваших работников, материальном состоянии предприятия. Вы же сами тогда пришли к выводу: нельзя одному человеку принимать такие важные решения, от которых могут страдать остальные. Надо, чтоб и они участвовали в принятии решений. Тогда не на кого будет пенять.

— Что ж раньше-то не участвовали?

— Я же говорю: хозяйственный механизм... Он был таков, что позволял стоять в стороне: каждому делать свою работу, в чужую не лезть и от нее не зависеть. Вернее, думать, что не зависишь. Тогда директор никак не беспокоился о том, насколько реально его предприятие удов-

летворяет общественные потребности. Благополучие рабочих прямо не зависело от результатов деятельности предприятия. А чего ж вмешиваться, когда ничто тебя к этому не подталкивает?

— Как ничто? — удивился Экономов. — В нашем социалистическом обществе — и беспокоиться только о себе?

— Вот в этом и суть перестройки: создать такой хозяйственный механизм, чтобы каждый труженик не только мог участвовать в управлении, но и не мог в нем не участвовать.

— И тогда все станут мыслить по-новому?

— Нет, таким образом лишь будут созданы условия для формирования нового экономического мышления. Надо, чтобы по-старому было стыдно работать — не только невыгодно. То есть следует создать соответствующее общественное мнение. Для этого, наверное, и наш автор пишет свою книгу.

Заскучавший было автор, услышав все-таки и о себе упоминание, воспрял и на радостях даже отправился в кухню согреть чай гостям.

— Но это уж все, наконец? — спросил Мальчик.

— И это не все, — ответил Экономист. — Надо еще и подготовить такого Человека Производящего, который умеет, может, хочет работать по-новому, мыслить. Экономика эпохи перестройки рассчитана на творческое участие каждого.

— А, понял, — догадался Нестареющий Мальчик. — Учиться надо.

— Свежая мысль! — сыронизировал Экономов.

— Тем не менее, — не принял его тона Экономист, — никогда она еще не была так актуальна, как сейчас. Неумеха, незнайка и сейчас не герой, а в экономике будущего ему вообще не найдется места. Когда так много зависит от каждого человека, подумайте, каким должен быть этот человек!

Хэппи-энд

Тут автор вернулся, стал чай разливать — любой задушевный разговор надо, если не начинать, то хоть заканчивать чаем, — и Мальчик сказал ему:

— Вы меня таким придумали, вы и делаете другим. Надоело мне быть нестареющим. Ведь это означает, что и не повзрослею я никогда. А хочется участвовать в экономике по-настоящему, по-взрослому.

Ну когда автор перечил своим героям?! Согласился, конечно. А Экономову сказал:

— Николай! Ты выполнил условия игры, должен выполнить и я. Мы договаривались, что будешь носить свою скучную фамилию, пока не изучишь экономику. Дело сделано — меняй фамилию хоть на Мореходова, хоть на Космонавтова.

— А зачем? — с достоинством ответил Экономов. — Нормальная фамилия. Ничего стыдного нет. И тем более скучного. Не трудитесь, пишите как есть.

И дальше — ровно и благостно — текла беседа за вечерним чаем. Только автор все чаще оглядывался на письменный стол, где покоилась в футляре его любимая пишущая машинка. Гости поняли его состояние и стали прощаться.

Автору не терпелось сесть за работу: надо было скорее заканчивать книгу. Потому что, раз уже выпало ему участвовать в экономике страны, ничего материального не создавая, в формирование нового экономического мышления он свою лепту внесет. Если требуется участие каждого, то исключений быть не должно — кто бы ты ни был, чем бы ни занимался.

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КНИГЕ	3
---------------------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЕРОЕВ

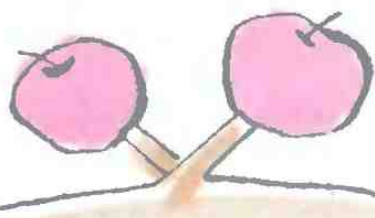
<i>Рассказ первый.</i> Происхождение Ното faciens	10
<i>Рассказ второй.</i> Самый послушный Продукт	20
<i>Рассказ третий.</i> Тропую пастуха	25
<i>Рассказ четвертый.</i> Происхождение Собственника	36

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТРИ СОРТА ЯБЛОКА РАЗДОРА

*Приключения Нестареющего Мальчика,
спровоцированные Николаем Экономовым*

<i>Рассказ пятый.</i> Можно ли поторопить историю	44
<i>Рассказ шестой.</i> Что чего стоит?	58
<i>Рассказ седьмой.</i> Столько и сверх столько	69
<i>Рассказ восьмой.</i> Пауки в банке	79
<i>Рассказ девятый.</i> Поле для монополий	97
<i>Рассказ десятый, рассказанный Экономистом.</i> Страшно прибыльное дело	111

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВКУС ПЯТОГО ЯБЛОКА

*Совместные приключения Нестареющего Мальчика и
Николая Экономова*

<i>Рассказ одиннадцатый. Процесс о путях прогресса</i>	<i>122</i>
<i>Рассказ двенадцатый. Несколько путешествий в поисках истины</i>	<i>134</i>
<i>Рассказ тринадцатый. Откуда что берется</i>	<i>152</i>
<i>Рассказ четырнадцатый. План, карман и... многоточия</i>	<i>168</i>
<i>Рассказ пятнадцатый. Взгляд из директорского кресла</i>	<i>185</i>
<i>Рассказ шестнадцатый. Кто ставит точку зрения?</i>	<i>197</i>

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В. Ковичев
(Бейдер Владимир Ханмович)

ТАЙНА ПЯТОГО ЯБЛОКА

Ответственный редактор О. В. Кустова.
Художественный редактор В. П. Дроздов.
Технический редактор Л. Б. Куприянова.
Корректор Н. Н. Жукова.

ИБ 11681 Научно-художественное издание

Сдано в набор 11.05.87. Подписано к печати 11.10.88. М-25707. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,9. Усл. кр.-отт. 69,55. Уч.-изд. л. 45,88. Тираж 100 000 экз. Заказ № 223. Цена 1 р. 10 к. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Рославиполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Ковичев В.

К 56 Тайна пятого яблока: Научно-художественная книга/Рис. и оформл. М. Магарилла и В. Богорада. — Л.: Дет. лит., 1988. — 207 с., ил.

ISBN 5—08—000079—1

Герои книги путешествуют по разным эпохам и попадают в необычные ситуации, помогающие читателю понять, как в повседневной жизни людей действуют общие законы экономики. Оказавшись в нашем времени, читатель вместе с персонажами сталкивается с ключевыми проблемами сегодняшней экономики.

Книга способствует формированию у школьника экономической грамотности.

К 4803010102—184
M101(03)—88 56—88

32 с.

1 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
•ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА•

ТАЙНА ПЯТОГО ЯБЛОКА

В. Ковичев